

ISSN 2658-6541

ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Научный журнал

Основан в 2006 г.

HISTORY AND ARCHIVES

Academic Journal

Founded in 2006

Том 5

3 • 2023

“History and Archives”

Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Academic journal “History and Archives” is included in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.6.1 Russian History

5.6.2 World History

5.6.5 Historiography, Source Studies and Methods of History Research

5.6.8 Document Research, Records Management, Archives Administration

Aims and domain

The “History and Archives” is a peer-reviewed academic journal, the aim of which is to publish the results of the research based on the archival documents – the research evaluating the events, phenomena and processes of national and world history. The task of the journal is the analysis of urgent issues of source studies, historiography, archival science, records management, and also of the archival component of exploration in the field of history and documentary heritage within the system of cultural values.

The mission of the journal is to facilitate the development of inter-disciplinary research that generalizes the contemporary experience of the use of historical sources kept in archives and in the manuscript departments of museums and libraries. The journal publishes the materials pertinent to the analysis of the changes in archives activities when new information technologies are implemented, the materials connected with the study of the problems of historical archival science, the materials related to the multilateral cooperation and harmonious combination of the results of the work of historians and archivists for the benefit of information maintenance of historical science. The journal is targeted at the publication of scientific reviews, research papers and articles related to the study of the whole complex of theoretical, scientific and practical issues that pertain to the development of the humanitarian strategy of the educational function of archives and to the cooperation of historians within the “archives–researcher” system.

The journal accepts for publication original articles, comprehensive research papers by Russian and overseas authors, reports that have never been published before.

“History and Archives” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media 03.08.2018, reg. no. PI FS77-73410

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

tel: 8-495-250-68-68

e-mail: ioad@yandex.ru

«История и архивы»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Научный журнал «История и архивы» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

5.6.1. Отечественная история (исторические науки),

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

5.6.8. Документалистика, документоведение, архивоведение (исторические науки)

Цели и область

«История и архивы» – рецензируемый научный журнал, цель которого заключается в публикации основанных на архивных документах научных исследований, анализирующих события, явления и процессы отечественной и мировой истории. Задачей журнала является анализ актуальных проблем источниковедения, историографии, архивоведения и документоведения, а также архивной составляющей исследовательской работы в области истории и документального наследия в системе культурных ценностей.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, обобщающих современный опыт использования хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источников. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с анализом изменений деятельности архивов в условиях внедрения новых информационных технологий, исследованием научных проблем исторического архивоведения, многосторонним взаимодействием и гармоническим сочетанием результатов работы историков и архивистов в интересах информационного обеспечения исторической науки. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития гуманитарной стратегии коммуникативной функции архивов и взаимодействия историков и архивистов в рамках системы «архив – исследователь».

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 03.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73410

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8-495-250-68-68

электронный адрес: ioad@yandex.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

E.P. Bakaeva, Dr. of Sci. (History), Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russian Federation

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M. Bubenicek, Dr. of Sci. (History), professor, École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

V.G. Iofe, Dr. of Sci. (History), associate professor, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Republic of Uzbekistan

V.N. Vladimirov, Dr. of Sci. (History), professor, Altay State University, Barnaul, Russian Federation

E.I. Gololobov, Dr. of Sci. (History), professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

A.V. Ermolaeva, Dr. of Sci. (History), professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saratov, Russian Federation

V.P. Kozlov, Dr. of Sci. (History), RAN correspondent member, professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.V. Kuras, Dr. of Sci. (History), professor, chief academic researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

G.N. Lanskoy, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Larin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.N. Lebedev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E. Marguin-Hamon, Dr. of Sci. (Philology), École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

Kh. Norovsambuu, Dr. of Sci. (History), professor, chief academic researcher, Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences, Ulan Bator, Mongolia

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S. Petkova, Dr. of Sci. (History), professor, “St. Kliment Ohridski” at the University of Sofia, Sofia, Bulgaria

N.V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.S. Senin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.F. Shumeiko, Cand. of Sci. (History), professor, Belarusian State University (BSU), Minsk, Republic of Belarus

A.K. Sorokin, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State Archive of Social and Political History, Moscow, Russian Federation

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T. Shirai, Dr. of Sci. (History), professor, University of Tsukuba, Japan

F.G. Taratorkin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu. Tonai, Ph.D., associate professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Executive editors:

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), (RSUH)

S.Zh. Umarkanova (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т.И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Э.П. Бакаева, доктор исторических наук, Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Российская Федерация

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М. Бюбеничек, доктор исторических наук, профессор, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

В.Н. Владимиров, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Е.И. Гололобов, доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Российская Федерация

А.В. Ермолаева, доктор исторических наук, профессор, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, Российская Федерация

В.Г. Иофе, доктор исторических наук, доцент, Национальный университет Узбекистана имени М. Улутбека, г. Ташкент, Республика Узбекистан

В.П. Козлов, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.В. Курас, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ) СО РАН, Улан-Удэ, Российская Федерация

Г.Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.Н. Лебедев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Э. Марген-Амон, доктор филологии, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

- Х. Норовсамбуу*, доктор исторических наук, Институт истории и этнологии Монгольской академии наук, Улан-Батор, Монголия
- О.В. Павленко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С. Петкова*, доктор исторических наук, профессор, Софийский университет им. св. Климента Охридского, София, Болгария
- Н.В. Ростиславлева*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.С. Сенин*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.К. Сорокин*, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва, Российская Федерация
- Т. Сираи*, доктор исторических наук, профессор, Университет Цукуба, Япония
- Ф.Г. Тараторкин*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю. Тонаи*, Ph.D., доцент, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония
- П.П. Шкаренков*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.Ф. Шумейко*, кандидат исторических наук, профессор, Белорусский государственный университет (БГУ), Минск, Республика Беларусь

Ответственные редакторы:

Андреев М.А., кандидат исторических наук (РГГУ)

Умарканова С.Ж. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

М.С. Каменских

- «Большим тормозом в работе является духовенство»:
реализация национальной политики
в отношении тюркских народов Урала в 1920-е гг. 12

М.А. Андреев

- Культурно-массовая работа Московского зоопарка
в 1953–1954 гг. и взаимодействие с учреждениями г. Москвы 28

С.Н. Штейников

- Организация губернских жандармских управлений
в 7-м Казанском жандармском округе:
на примере Пермской губернии 44

Е.В. Барышева

- Публика и зрители советских праздников 1920–1930-х гг. 56

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Л.Н. Мазур

- Музеи малых городов России:
особенности медиации локальной истории 71

Персональная история

И.В. Денисова, В.А. Лю-Ку-Тан

- Федор Егорович Пактовский (1859 – около 1922) –
педагог и общественный деятель учебных заведений
Саратовской, Казанской, Тамбовской, Курской
и Харьковской губерний 89

Документоведение и архивоведение: история, теория, практика

В.В. Моисеев

- Путь длиной в столетие: от бюллетеня «Сибархив» 1920-х гг.
до научно-исторического журнала сибирских архивистов
«Сибирский архив» 105

В фондах отечественных и зарубежных архивов

Н.В. Ростиславлева

- Российские гражданские пленные
в Германии (1914–1918): репрезентативность документов
земельного архива Саксонии 123

К.С. Барабанова, Е.И. Гололобов, М.С. Мостовенко

- Диалог власти и общества в процессе решения
экологических проблем Севера Западной Сибири в XX в.:
исследовательский потенциал региональных архивов 137

А.А. Курапов

- Материалы по истории калмыцкого народа XVII – начала XX в.
в фондах Государственного архива Астраханской области 149

CONTENTS

Russian History

M.S. Kamenskikh

- “The clergy is a drag on work”. The implementation
of the national policy towards the Turkic peoples
of the Urals in the 1920s 12

M.A. Andreev

- Mass cultural work of the Moscow Zoo in 1953–1954
and its interaction with Moscow institutions 28

S.N. Shteinikov

- Organization of provincial Gendarmerie Administration
in the 7th Kazan gendarmerie district on the example
of the Perm province 44

E.V. Barusheva

- Audience and spectators of Soviet holidays in 1920s – 1930s 56

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

L.N. Mazur

- Museums of small towns in Russia.
Features of local history mediation 71

Personal Histories

I.V. Denisova, V.A. Lyu-Ku-Tan

- Fedor Egorovich Paktovskii (1859 – about 1922),
a teacher and public figure of educational institutions
in Saratov, Kazan, Tambov, Kursk and Khar'kov provinces 89

Archives Administration and Records Management: History, Theory, Procedures

V.V. Moiseev

- A century-long journey. From the “Sibarchive” bulletin
of the 1920s to the scientific and historical journal
of Siberian archivists “Siberian Archive” 105

In the Funds of Russian and Foreign Archives

N.V. Rostislavleva

Russian civilian prisoners in Germany (1914–1918).

Representativeness of the documents

in the Saxon Main State Archive 123

K.S. Barabanova, E.I. Gololobov, M.S. Mostovenko

Dialogue between the authorities and society

in the process of solving the environmental issues

of the North of Western Siberia in the 20th century.

The research potential of regional archives 137

A.A. Kurapov

Materials on the history of the Kalmyk people

of the 17th – early 20th centuries in the funds

of the State Archive of the Astrakhan region 149

УДК 322

DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-12-27

«Большим тормозом в работе является духовенство»: реализация национальной политики в отношении тюркских народов Урала в 1920-е гг.

Михаил С. Каменских

*Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Пермь, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Пермь, Россия, mkamenskih27@gmail.com*

Аннотация. В работе на основании вводимых автором в научный оборот документальных источников анализируются особенности национальной политики на Урале 1920-х гг. в отношении башкирского и татарского населения. Татары и башкиры составляли 4% от населения области, но были при этом крупнейшим этническим меньшинством региона после русских, а их численность в отдельных районах превышала 95%. В статье рассматриваются мероприятия по вовлечению актива в коммунистическое и комсомольское движение, антирелигиозная политика и противодействие исламу, а также поддержка культуры светских праздников, таких как сабантуй. Основным источником стали введенные автором в научный оборот делопроизводственные материалы центральных и региональных архивов. Анализ документов показал, что в первые годы советской власти политика по вовлечению лидеров общественного мнения и молодежи в коммунистическое движение не была успешной и не вызывала интереса у местного населения. Эту работу затрудняла деятельность религиозных мусульманских лидеров, которые в отличие от православных служителей имели свободу миссионерской работы и даже содействие Наркомпроса в подготовке священников. В дальнейшем их деятельность была пресечена как противоречащая коммунистической идеологии, а власти стали развивать культуру светских праздников и общественной жизни. В результате были заложены основы современной светской национальной культуры татар и башкир России. Автор уверен, что успешность реализации такой политики позволяет переосмыслить подходы к оценке ее эффективности.

Ключевые слова: районы, башкиры, татары, национальная политика, сабантуй, ислам, советская власть

Статья поступила в редакцию 8 апреля 2023 г.;

принята к публикации 12 мая 2023 г.

Для цитирования: Каменских М.С. «Большим тормозом в работе является духовенство»: реализация национальной политики в отношении тюркских народов Урала в 1920-е гг. // История и архивы. 2023. Т. 5. № 3. С. 12–27. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-12-27

“The clergy is a drag on work”. The implementation of the national policy towards the Turkic peoples of the Urals in the 1920s

Mikhail S. Kamenskikh

Institute of Humanitarian Studies,

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia;

HSE University, Perm, Russia, mkamenskikh27@gmail.com

Abstract. Based on the documentary resources introduced by the author into scientific circulation, the article analyzes the features of the national policy in the Urals in the 1920s in relation to the Bashkir and Tatar population. Tatars and Bashkirs made up 4% of the region's population, but they were the largest ethnic minority in the region after Russians, and their number in some areas exceeded 95%. The article considers the activities to involve the activists in the communist and Komsomol movements, anti-religious policy and opposition to Islam, as well as the support of the culture of secular holidays, such as Sabantui (wild celebration). The office records of the central and regional archives, introduced by the author into scientific circulation, became the main source. The document analysis showed that in the first years of Soviet rule the policy of involving opinion makers and youth in the communist movement was not successful and did not arouse any interest in the local population. The process was hampered by the activities of Muslim religious leaders. They, unlike Orthodox ministers, had the freedom of missionary work and even the support of the Narkompros (national education) in the training of priests. Later, their activities were suppressed as contradicted to the communist ideology, and the authorities began to develop a culture of secular holidays and public life. As a result, the foundations for the modern secular national culture of the Tatars and Bashkirs of Russia were laid. The author is sure that the success of the implementation of such a policy makes it possible to redefine the approaches to assessing its efficiency.

Keywords: regions, Bashkirs, Tatars, national policy, Sabantui, Islam, Soviet power

The article was submitted 08.04.2023;

accepted for publication 12.05.2023.

For citation: Kamenskikh, M.S. (2023), “‘The clergy is a drag on work’. The implementation of the national policy towards the Turkic peoples of the Urals in the 1920s”, *History and Archives*, vol. 5, no. 3, pp. 12–27, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-12-27

Введение

В марте 1921 г. на X съезде РКП (б) был заслушан доклад И.В. Сталина «Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии». В тезисах было объявлено, что «ликвидация националистических и, в первую голову, колонизаторских шатаний в коммунизме, является одной из важнейших задач партии на окраинах»¹. В резолюции к тезисам, известным как «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» партия обязывалась «помочь трудовым массам невеликорусских народов» догнать ушедшую вперед Центральную Россию. Для этого предлагалось решение следующих задач: развить и укрепить советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке... «для ускоренной подготовки из туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийного аппарата»².

Эти задачи создали основу национальной политики страны в 1920-е гг., а борьба с великорусским шовинизмом и помощь «невеликорусским народам» в их культурном и экономическом развитии стали частью повседневного дискурса советского общества этого периода.

¹ *Сталин И.В.* Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии // Правда. 1921. 10 февр.

² Об очередных задачах партии в национальном вопросе // Протоколы X Съезда РКП(б). М., 1933. С. 573–582.

В рамках данной статьи речь пойдет о национальной политике большевиков в отношении тюркских народов Уральской области. Выбор тематики актуализируется рядом причин. Во-первых, основным населением региона были русские³, и поддержка национальной культуры тюркских народов не была сопряжена с вопросами нацстроительства и бюджетной поддержки для республик, с другой стороны – тюркские народы составляли значительную часть населения области и играли важную роль в экономике и жизни региона. Анализ имеющейся весьма внушительной литературы по советскому нацстроительству в 1920-е гг. [Slezkine 1994; Hirsch 2005; Чешко 2000; Чеботарева 2008; Мартин 2011] показал, что историки этого периода, как правило, фокусируют внимание на межреспубликанских отношениях или на анализе ситуации в так называемых национальных территориях, оставляя без внимания реализацию национальной политики в «русских регионах» со сложным этническим составом, на что уже указано автором и исследователями отдельных регионов [Каменских 2019; Аверьянов 2021; Корженевский 2022]. Нельзя не отметить, что в национальных республиках национальная политика была частью торга с центральными властями в выстраивании бюджетных отношений. Американская исследовательница Ф. Хирш пишет, что большевики поддерживали местный национализм («state sponsored nationalism») для того, чтоб сохранить и централизовать власть [Hirsch 2005, pp. 10–11]. Дж. М. Истер в книге «Советское государственное строительство» доказывает, что «неформальное сотрудничество и внутригосударственные конфликты были нормой, а не исключением в отношениях между центром и регионами» [Истер 2010, с. 41]. Солидарный с ними отечественный исследователь С. В. Чешко по этому поводу отметил, что новая власть была озабочена тем, чтобы отбиться от внешних и внутренних врагов, привлечь на свою сторону национальные движения, соединив их со своими политическими интересами [Чешко 2000, с. 182]. Таким образом, реальное положение с решением «национального» вопроса демонстрируют именно такие регионы, как Уральская область, где большинство населения было русским, но имелись значительные анклавы с компактным проживанием разных национальностей. При анализе историографии истории татар и башкир Урала также становится очевидным интерес историков преимущественно к ранней истории этих народов и их традиционной культуре. Советский период их истории остается одним из наименее освещенных, хотя именно тогда были

³ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 4: Вятский район, Уральская область, Башкирская АССР. Отд. 1: Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928. С. 105–107.

заложены основы национальной политики, которая отчасти продолжается и сегодня [Черных 2007; Атнагулов 2007]. Данная статья отчасти закрывает имеющиеся пробелы в историографии и расширяет представления об особенностях национальной политики 1920-х гг., ее итогов и результатов. На примере источников, отложившихся в фондах центральных архивов, а также в архивах Урала и вводимых автором в научный оборот, можно наглядно увидеть ход мероприятий национальной политики, ее приоритеты и сложности в реализации. Документы раскрывают особенности вовлечения молодежи в партийное и комсомольское движение, борьбу с религиозными лидерами, новых светских календарных праздников (сабантуй). На примере татар и башкир Урала автор предлагает свою парадигму осмысления и переосмысления сути национальной политики РСФСР 1920–1930-х гг.

Политика в отношении башкирского и татарского населения Урала в 1920-е гг.

Башкиры и татары традиционно были соответственно вторым и третьим после русских по численности народом созданной в 1923 г. Уральской области. Ввиду близости языка и духовной культуры эти народы часто объединяли в одну группу, чем и вызвано существование «татбашбюро» практически во всех округах области. Их численность оценивалась примерно в 200 тыс. человек или 4% от населения области. Плотность расселения была разной. В Тобольском округе, например, татары и башкиры составляли до 20% населения, в Верхнекамском – менее 0,1%⁴. В отдельных районах татары и башкиры составляли большинство, как, например, в Бардымском районе Пермского округа (95%)⁵. Поэтому жизнь башкир и татар, мероприятия по их «культурному подъему» были важной составляющей национальной политики Урала.

Сразу после создания Уральской области при Уралбюроме была создана сеть татбашбюро, разработано и направлено в районы специальное «Положение о бюро татбаш. при агитпропах окружных комитетов»⁶. Задачи органов советской власти в работе с татарами и башкирами были сформулированы на Первой окружной конференции коммунистов (татаро-башкир) в г. Перми в марте 1925 г.

⁴ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г.: Т. 4. С. 107–108.

⁵ См.: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 9: Сарапульский округ. Свердловск, 1928. С. 2.

⁶ См.: Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 232. Л. 6–8.

Основной целью политико-просветительской работы среди башкир и татар было провозглашено широкое вовлечение их в общественно-государственную жизнь и изменение бытового уклада их жизни, а ближайшими задачами – антирелигиозная и сельхозпропаганда с созданием кружков при клубах и избах-читальнях⁷. Среди задач, обозначенных конференцией, также были провозглашены объединение населения татар и башкир Уральской области по партийной, профессиональной и советской линии; проведение партсовпрофорганами мероприятий для татаро-башкир «для применения в быту и психологии таковых»⁸.

Вовлечение татар и башкир в мероприятия советской власти

Источники свидетельствуют, что местные власти предпринимали серьезные меры, чтоб вовлечь сельское татарское и башкирское население в русло большевистской идеологии. Но, судя по всему, это не всегда получалось.

В 1924 г. Уралобком инициировал процесс по «вовлечению татарско-башкирской молодежи в общественную жизнь»⁹. «В связи с переломом среди рабочих и наплыва в партию после смерти “Ильича” нужно использовать для вовлечения в партию и союза тат/баш рабочих и молодежи», – говорилось в февральском циркуляре РКП(б) 1924 г. Для этого предлагалось привлекать на лекции представителей других, более «развитых» национальностей, а также при сообщении в окружком о результатах вступления в партию и союзы особо отмечать количество «татбашрабочих», вступающих в РКП(б) и РКСМ¹⁰. Был даже разработан отдельный план и даны инструкции агитпропам на местах, как вовлечь в партию сезонных рабочих татар и башкир для усиления влияния коммунистической идеологии в деревне. Беседы предлагалось вести на татарском языке. В 1925 г. Агитпроп Пермского окружкома, например, даже организовывал специальные курсы по подготовке чтецов газет в татарских деревнях¹¹. Задачами этих чтецов, согласно разработанному позже положению, были популяризация партийной советской печати среди крестьян, углубление и расширение идейной политической связи газеты с рабоче-крестьянскими массами, поднятие

⁷ Там же. Д. 237. Л. 1.

⁸ Там же. Д. 234. Л. 44.

⁹ Там же. Д. 232. Л. 6–8.

¹⁰ Там же. Л. 15.

¹¹ Там же. Д. 233. Л. 73.

культурного уровня крестьян через газеты, вербовка подписчиков газеты. Основной формой работы было названо «громкое чтение газеты перед неграмотными слушателями»¹². Также было рекомендовано распространять газету «Интерчиляр» (орган печати в Татарской АССР)¹³. Были созданы ячейки в Канабеках и Баш-Култаево, открыто три народных дома в этих населенных пунктах. Свои библиотеки для татар были открыты в Чусовом, Лысьве, Мотовилихе, кислотном заводе¹⁴.

Несмотря на активную деятельность и большой административный ресурс, численность коммунистов-татар к середине 1920-х гг. была невелика. На заседании упоминавшейся выше конференции сообщалось, что «представленное количество коммунистов далеко не соответствует планам, а количество татаро-башкирских населенных пунктов никак нельзя взять на учет»¹⁵. Ситуацию с распространением идей большевиков в татарской и башкирской среде красноречиво демонстрируют и материалы Отчета организации татар и башкир Пермского окружкома за 1925 год. В документе сообщалось, что охват молодежи на середину 1925 г. составлял 7%, по сельскохозяйственным районам – 4%, партизны – 25 человек (рабочих – 23, крестьян – 2), кандидатов – 48, из них 5 крестьян¹⁶. На начало 1924 г. в Прикамье коммунистов среди татар и башкир было 17, а также 12 кандидатов в члены партии¹⁷. В другом отчете о татарском населении говорится, что «татары работают на лесосеках и по-русски совсем не говорят, находятся в сильной зависимости от куреньщиков, которые их обсчитывают и обращаются грубо. Собрания татарами посещаются слабо, без знания русского языка им трудно, а если кто мало-мальски умеет говорить по-русски, то выступать на собраниях не решается, так как над ним смеются»¹⁸. Пермский окружком в своем письме инструкторам татаро-башкирских ячеек в деревнях и заводах от 8 февраля 1924 г. писал, что «мы не смогли достигнуть реальных результатов в отношении политвоспитания тат/баш рабочей молодежи»¹⁹.

Чтобы выправить ситуацию, состоявшаяся в феврале 1924 г. первая Уральская областная конференция коммунистов татаро-

¹² Там же. Л. 84.

¹³ Там же. Д. 232. Л. 11.

¹⁴ Там же. Л. 14.

¹⁵ Там же. Д. 233. Л. 48.

¹⁶ Там же. Л. 65.

¹⁷ Там же. Д. 232. Л. 14.

¹⁸ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 69. Л. 164.

¹⁹ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 234. Л. 7.

башкир постановила завербовать 500 новых членов партии к 1 мая 1924 г.²⁰ Судя по всему, эти показатели также не были достигнуты. В отчете о работе секции по итогам года лишь сообщается, что «работа была сосредоточена на вовлечении татар в общественную жизнь и сферу влияния коммунистической партии» без упоминания достигнутых задач²¹. Новый состав Пермского окрбюро в конце 1924 г. фиксировал полное отсутствие связи с местами, отсутствие учета, слабую воспитательную работу, особенно среди женщин. Коммунистами были менее 1%»²².

В работе с молодежью предлагалось вести проверку посещаемости занятий членами РКСМ и РКП(б) в политшколе и политкружках, проводить беседы на родном языке с книг на татарском языке и вовлечением актива. Перечень книг, который при этом рекомендовался, включал: «Саяси иктисад» («Политэкономия»), «Гильми-социализм» («Научный социализм»), «Саяси блем» («Политграмота»), «Дин турында» («О религии»), «Джан-тереклек» («Душа и жизнь») и «Историю РКП(б)» Зиновьева²³. О том, насколько хорошо была организована работа по набору молодежи в учебные заведения, свидетельствует циркулярное письмо Татабашбюро всем райкомам и райкомолам, где сообщалось, что бюро «вторично просит срочно прислать» на отношения от 24 июня и 25 июля о направлении информации о желающих поступить в учебные заведения²⁴. «Частичная недисциплинированность в заводах характеризуется: выпивкой, манкировкой выполнения партпоручений, слабым посещением собраний, в деревне – соглашательством с кулацким элементом и неделикатным поведением некоторых членов в разрешении семейно-бытовых вопросов», – говорилось в отчете местного Татабашбюро о коммунистах-татарах Пермского округа²⁵.

При этом можно с определенной долей уверенности предположить, что первоначально на сотрудничество с большевиками в деревне шли преимущественно маргинальные слои, для которых должности в большевистской иерархии могли стать своеобразным социальным лифтом. В источниках отложилось немало документов о «недостойном» поведении лидеров комсомола в первые годы советской власти. В докладе инструктора при ОКРОНО Кадырова о поездке Канабековскую, Кояновскую и Янычевскую волости

²⁰ Там же. Д. 232. Л. 16.

²¹ Там же. Л. 55.

²² Там же. Д. 236. Л. 181.

²³ Там же. Д. 234. Л. 7.

²⁴ Там же. Д. 233. Л. 61.

²⁵ Там же. Л. 72.

для обследования и инструктирования тат.-баш. культполитпросветительских учреждений сообщается, что секретарь Канабековской ячейки РКСМ тов. Ишмитов Амирхан вместо политпросветительской работы занимался пьянством, торговлей оружием, растратой семсуды, выданной на обсеменение школьных участков, злоупотреблением в деньгах, выданных в пользу беспризорных, а секретарь Канабековского сельсовета Фахрутдинов был замечен трижды в выпивке кумышки «и в день траура по Ленину тоже был выпившим»²⁶.

Реализацию политики на местах красноречиво характеризует ситуация в Кизеловском районе Верхнекамского округа. Если верить переписке окружкома с Уралобкомом 1925 г., численность татар в округе составляла 6060 или 13% от общей численности населения, более всего – на Ленкопи, Губахе и Усьве. У местных татар функционировало бюро общества «Яналиф» (создано 9 ячеек), работали татаро-башкирские драмкружки, 6 татаро-башкирских библиотек. Однако местные активисты также испытывали трудности в работе. «В Ленинских копиях нет представителя в рудкоме, местные власти недостаточно обслуживают татаро-башкир. Причины – как общая неграмотность, так и отсутствие должного внимания со стороны райорганизации Кизеловского района», – говорилось в отчете Уралобкому²⁷. Известно о существовании в Кизеловском районе ячейки татаро-башкир и собственного женотдела, но об их деятельности практически ничего неизвестно. Инструктор женотдела Кизеловского района сообщала руководителю отдела нацмен Уральской области Гатаулину, что женщины в Кизеловском районе не проявляют свою активность, но «некому эту активность направлять по должному руслу». Причина в том, что была ликвидирована должность отдельного инструктора в районе. Также она сообщала о существовавших проблемах с переводом с татарского языка: «...метрическая книга Кизеловского района на татарском языке, и последняя находится в милиции, работники милиции татарские метрики не знают»²⁸.

Таким образом, несмотря на амбициозные планы по вербовке новых членов, партия не смогла добиться серьезных успехов. Причинами были высокий уровень недоверия местного населения к новой власти и их антирелигиозная политика.

²⁶ Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 155. Л. 34.

²⁷ ГАСО. Ф. 88-Р. Оп. 5. Д. 69. Л. 163.

²⁸ ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 14.

*Ислам в башкирско-татарской среде
Урала 1920-х гг.*

Серьезным препятствием для вовлечения татарского и башкирского населения в русло большевистской идеологии был ислам. Известно, что большевики первоначально рассматривали его как средство борьбы с наследием царизма, поэтому период с 1918 по 1923 г. мусульманское население прожило в условиях религиозной свободы [Пономаренко 2008]. Специальным постановлением Наркомнаца от 19 октября 1922 г. даже было разрешено открывать мусульманские школы и готовить священников. Это, в свою очередь, привело к росту духовных образовательных учреждений.

Рост активности мусульман к середине первой половины 1920-х гг. вызывал беспокойство органов власти, в том числе на Урале. В «Отчете бюро нацмен Осинского уезда отдела народного образования» за 1923 год сообщается, что с сокращением школ в татаро-башкирских волостях началось стихийное возникновение религиозных школ вероучения²⁹. В докладе Съезда татаро-башкир Пермского округа «О политпросветительской работе среди татаро-башкир» сообщалось, что в каждой деревне существовали нелегальные ячейки под названием «Лутаволиш», состоявшие из духовенства, которые связаны с руководящим духовенством и «националистической интеллигенцией». Указывалось, что «представители духовенства вследствие неосведомленности некоторых органов власти в своей работе добиваются некоторых от исполкомов удостоверений с правом устройства собраний по сбору мелких пожертвований»³⁰. А Пермский окружком в циркулярах райкомам сообщал, что в 1924 г. празднование сабантуя сопровождалось чтением Корана и участием мулл³¹. Масштабы деятельности религиозных активистов, исповедующих ислам, в тот период характеризуют отложившиеся в ГАСО «Сведения о выдаче разрешений на преподавание мусульманского вероучения в мечетях за 1924 и 1926 гг.». В документе сообщается, что еще в 1926 г. было выдано 14 таких разрешений, в том числе 7 – в Сарапульском округе, 5 – в Кунгурском округе, 2 – в Пермском. Количество обучающихся превышало несколько сотен человек, в том числе в Кунгурском округе – 193 человека, в Сарапульском округе – 147 человек, в Пермском округе – 47³². На заседании Центрального

²⁹ Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 6.

³⁰ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 232. Л. 53.

³¹ Там же. Д. 233. Л. 74.

³² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 165а.

татаро-башкирского бюро при ЦК РПК (б) от 17 октября 1924 г. отмечалось, что «большим тормозом в работе является духовенство», которому в последние два года по линии Наркомнаца предоставлены такие права, что оно вполне имеет возможность вести свою агитработу на местах, в то время как представители Татбашбюро могли попадать туда только «2–3 раза в год»³³.

Очевидно, что в условиях укрепления советской власти официальная государственная антирелигиозная политика и ислам не могли сосуществовать. Так, уже в январе 1924 года заведующий агитпропом и секретарь Пермского окружного татбашбюро писал в Уралобком, что в местной мечети по воскресениям среди мужчин и по пятницам среди женщин проводятся беседы на религиозные темы вне времен религиозного обряда (Намаз), а стороны муфтиев Гасимова и Айдарова ведется религиозная агитация, в связи с чем Татбашбюро просило сообщить, «имеют ли они отдельно разрешение на ведение таковых бесед в не молитвенное время и если нет, то какой штраф»³⁴. На уровне страны вопрос был решен в конце 1924 г. Решением от 3 января 1923 г. Наркомпрос постановил, что все религиозные школы должны были быть закрыты, но по факту этого не было сделано³⁵. При этом сам религиозный актив не видел противоречий с советской властью и пытался использовать ее ресурс, прикрывая свою фактическую деятельность необходимостью достижения задач советской власти. Так, в фондах ПермГАСПИ сохранился протокол заседания инициативной группы татар 1924 г., планировавшей создать мусульманский кооператив. «Кооператив мог бы решить и культурные нужды темного татарского населения», – сообщалось в документе³⁶. Однако в итоге в создании такого кооператива было отказано.

После решения Наркомпроса ислам был включен в русло антирелигиозной политики. Уральский областной агитпроп в инструкции окружкомам в 1924 г. писал, что в связи с «усилением влияния духовенства на т/б массы, в особенности на крестьянство, антирелигиозная пропаганда среди татаро-башкир приобретает особо важное значение»³⁷. В резолюции Первой Уральской областной конференции коммунистов татаро-башкир отдельным пунктом было обозначено, что политика нэпа привела к «некоторому притуплению» классовой борьбы между рабочими и буржуазным элементом т.б., что стало причиной активизации

³³ Там же.

³⁴ ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 244. Л. 11.

³⁵ Там же. Д. 233. Л. 48, 61.

³⁶ Там же. Д. 244. Л. 100.

³⁷ Там же. Д. 234. Л. 7.

мусульманского духовенства, «пытающегося под флагом ислама проводить шовинистические идеи пантюркизма и его религиозной оболочки – панисламизма»³⁸.

Для противодействия исламу предлагалось готовить «антирелигиозников» из среды членов партии, окончивших старое медресе или хорошо знакомых с исламом; дополнить работу совпартшкол по антирелигиозной пропаганде пунктом об антиисламской пропаганде; вести широкую антиисламскую пропаганду среди широких масс; обратить внимание на подсобаг «в смысле его подготовки по антирелигиозным вопросам»³⁹.

Праздник Сабантуй как концепт светскости и советскости

Важным направлением антирелигиозной работы стала поддержка праздника Сабантуй. Праздник не был связан с исламским вероучением, поэтому его использовали как альтернативу религиозным торжествам. На упомянутом выше заседании пленума Уральского обкома в 1925 г. был заслушан доклад «О реконструкции сельского хозяйства в национальных районах Уральской области». В резолюции отмечалось, что национальные меньшинства в вопросах сельского хозяйства находятся «на низшем уровне своего развития» в сравнении с сельским хозяйством основных национальностей⁴⁰. Уралстатбюро предлагалось начать изучение хозяйственно-экономического, культурного и социального устройства национальных меньшинств, местным органам – придать массовым национальным праздникам, таким как Сабантуй, характер демонстрации достижений сельскохозяйственного коллективного труда⁴¹. Первоначально праздник Сабантуй предлагалось проводить в день праздника Курбан-байрам, а в противовес жертвоприношениям предлагалось «развернуть пропаганду за улучшение скота», а «процедуры “Сабантуя” должны поиметь современный физкультурный, спортивный вид». Председатель Пермского окружкома в инструкции по проведению сабантуя в 1925 г. особо указывал, что праздник «ничуть не является религиозным праздником, а наоборот антирелигиозным праздником, праздником физкультуры и сельскохозяйственного труда»⁴².

³⁸ Там же. Л. 56.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 6.

⁴¹ Там же. Л. 7.

⁴² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 244. Л. 48.

Работе по проведению сабантуя уделялось большое внимание. Для проведения праздника в 1925 г. комиссия по устройству «сабантуй» при Татбашбюро бюро окружкома РКП(б) получила в распоряжение один автомобиль, грузовики для перевозки буфета и скамеек. О празднике сообщалось, что он устраивается с благотворительной целью и все сборы поступят в фонд Ильича⁴³.

Со временем сабантуи стали более масштабными торжествами. Можно предположить, что именно в советский период значение сабантуев значительно возросло за счет понижения влияния религиозных праздников. В 1927 г. председатель областного совета нацмен Е. Хасанов, например, писал, что в дни национальных и религиозных праздников большинство школ и детдомов под руководством педагогов проводят антирелигиозную пропаганду. Руководство праздниками Сабантуй, Жейны, Косе и др. постепенно переходит в руки партийных и комсомольских органов⁴⁴. Как известно, сегодня Сабантуй является одним из наиболее значимых и масштабных культурных мероприятий в Татарстане и Башкортостане, а также в других регионах с тюркоязычным населением. Праздник является символом национальной культуры татар и башкир, однако истоки этой части культурной жизни надо искать не в средних веках, а в первых десятилетиях советской власти.

Заключение

Таким образом, после создания Уральской области основная деятельность в отношении татарского и башкирского населения политика большевиков велась с разной степенью успешности, но имеющийся ресурс и масштабы деятельности не позволили наладить системную работу по всем территориям. Татары и башкиры Урала привлекались к реализации национальной политики во время разовых мероприятий и акций, а также в рамках массовых кампаний по набору в партию. Однако в целом работу в отношении татар и башкир нельзя признать удачной с точки зрения тех целей, которые ставила советская власть.

Проводимая политика не встречала отклика у местного населения, поскольку мероприятия носили единичный характер, система подготовки агитаторов практически не работала. В этом отношении большевики проигрывали даже религиозным лидерам, которые легко расширяли сеть сторонников в условиях конкуренции и религиозной свободы. Однако в условиях безальтернативного развития

⁴³ Там же. Л. 40.

⁴⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 305 об.

и усиления режима большевистская идеология постепенно принималась основной массой населения и определяла дальнейшее развитие духовной сферы общества.

Благодарности

Статья публикуется в рамках реализации гранта РФФИ № 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья».

Acknowledgements

The article is published within the framework of realization of the Russian National Science Foundation grant no. 19-18-00117 “Traditional culture of Russians in the zones of active interethnic contacts of the Urals and the Volga region”.

Литература

- Аверьянов 2021 – *Аверьянов А.В.* Национальная политика советского государства на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 2021. 701 с.
- Атнагулов 2007 – *Атнагулов И.Р.* Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX – начала XX в. Магнитогорск: МаГУ, 2007. 244 с.
- Истер 2010 – *Истер Дж.* Советское государственное строительство: система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: РОССПЭН, 2010. 255 с.
- Каменских 2019 – *Каменских М.С.* Национальная политика в Прикамье в 1918–1939 гг.: региональный аспект. СПб.: Маматов, 2019. 224 с.
- Корженевский 2022 – *Корженевский К.Б.* Национально-территориальное размежевание между Сибирью и Казахстаном в 1917–1936 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, ТюмГУ, 2022. 288 с.
- Мартин 2011 – *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: нации и национализм в СССР: 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 664 с.
- Пономаренко 2008 – *Пономаренко М. В.* Ислам в религиозной политике советской власти в первой трети XX в.: (на материалах Западной Сибири) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 330–333.
- Чеботарева 2008 – *Чеботарева В.Г.* Национальная политика Российской Федерации: 1925–1938 гг. М.: Московский Дом национальностей, 2008. 832 с.
- Чешко 2000 – *Чешко С.В.* Распад СССР: этнополитический анализ. 2-е изд. М.: ИЭА РАН, 2000. 398 с.
- Черных 2007 – *Черных А.В.* Народы Пермского края: история и этнография. Пермь: Пушка, 2007. 296 с.
- Hirsch 2005 – *Hirsch F.* Empire of nations. Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca, London: Cornell University Press, 2005. 367 p.

Slezkine 1994 – *Slezkine Yu.* The USSR as a communal apartment, or How a socialist state promoted ethnic particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. P. 414–452.

References

- Aver'yanov, A. V. (2021), *Natsional'naya politika sovetskogo gosudarstva na Donu, Kubani i Stavropol'e v 1920-1930 gody* [The national policy of the Soviet state in the Don, Kuban and Stavropol regions in the 1920–1930s], D. Sc. Thesis (History), South Federal University, Rostov-na-Donu, Russia.
- Atnagulov, I.R. (2007), *Nagaibaki: opyt kompleksnogo istoriko-etnograficheskogo issledovaniya khozyaistva i material'noi kul'tury vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* [Nagaybaki: the experience of a comprehensive historical and ethnographic study of the economy and material culture of the second half of the 19th – early 20th centuries], Magnitogorskii Gosudarstvennyi Universitet, Magnitogorsk, Russia.
- Hirsch, F. (2005), *Empire of nations. Ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union*, Cornell University Press, Ithaca, London, USA.
- Slezkine, Yu. (1994), “The USSR as a communal apartment, or How a socialist state promoted ethnic particularism”, *Slavic Review*, vol. 53, pp. 414–452.
- Easter, J. (2010), *Sovetskoe gosudarstvennoe stroitel'stvo: sistema lichnykh svyazei i samoidentifikatsiya elity v Sovetskoi Rossii* [Soviet state building. The system of personal connections and self-identification of the elite in Soviet Russia], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Kamenskikh, M.S. (2019), *Natsional'naya politika v Prikam'e v 1918–1939 gg.: regional'nyi aspekt* [National policy in Prikamye region in 1918–1939 years. Regional aspect], Mamatov, Saint Petersburg, Russia.
- Korzhenevskii, K.B. (2022), *Natsional'no-territorial'noe razmezhevanie mezhdu Sibir'yu i Kazakhstanom v 1917–1936 gg.* [National-territorial delimitation between Siberia and Kazakhstan in 1917–1936], Ph.D. Thesis (History), Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russia.
- Martin, T. (2011), *Imperiya «polozhitelnoi deyatelnosti»: natsii i natsionalizm v USSR: 1923–1939* [The Empire of “Affirmative action”. Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Ponomarenko, M.V. (2008). *Islam v religioznoi politike sovetskoi vlasti v pervoi treti XX veka: (na materialakh Zapadnoi Sibiri)* [Islam in the religious policy of the Soviet authorities in the first third of the 20th century (based on Western Siberia)], in *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, no. 20, pp. 330–333.
- Chebotaeva, V.G. (2008), *Natsional'naya politika Rossiiskoi Federatsii: 1925–1938 gg.* [National policy of the Russian Federation. 1925–1938], Moscovskii dom natsional'nostei, Moscow, Russia.
- Cheshko, S.V. (2000), *Raspad SSSR: etnopoliticheskii analiz* [The collapse of the USSR. Ethnopolitical analysis], IEA RAN, Moscow, Russia.
- Chernykh, A.V. (2007), *Narody Permskogo kraya: istoriya i etnografiya* [Nationalities of the Perm territory. History and ethnography], Pushka, Perm, Russia.

Информация об авторе

Михаил С. Каменских, кандидат исторических наук, Институт гуманитарных исследований Уральского отделения Российской академии наук, Пермь, Россия; 614990, Россия, Пермь, ул. Ленина, д. 13а;

НИУ ВШЭ, Пермь, Россия; 614070, Россия, Пермь, ул. Студенческая, д. 38; mkamenskih27@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-7311-9457

Information about the author

Mikhail S. Kamenskikh, Cand. of Sci. (History), Institute of Humanitarian Studies, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia; 13a, Lenina St., Perm, Russia, 614990;

HSE University, Perm, Russia; 38, Studencheskaya St., Perm, Russia, 614070; mkamenskih27@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-7311-9457

Культурно-массовая работа Московского зоопарка в 1953–1954 гг. и взаимодействие с учреждениями г. Москвы

Михаил А. Андреев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, mikhailandreev@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассмотрена такая важнейшая сторона деятельности Московского зоопарка в 1953–1954 гг., как культурно-массовая работа с посетителями, а также со слушателями в период выездов сотрудников зоопарка в подшефные учреждения и организации. Автором подробно рассмотрена не только статистика, но и вопросы осуществления культурно-массовой работы в Московском зоопарке, а также представлены сложности, с которыми столкнулись сотрудники и руководство Зоопарка при организации экскурсий, лекций, детских праздников, Кружка юных биологов зоопарка, выставок.

Культурно-массовая работа Московского зоопарка была ориентирована на москвичей и гостей столицы и выполнялась по заданиям Мосгорисполкома, что, с одной стороны, требовало выполнения всех плановых показателей, а с другой – позволяло руководству Московского зоопарка широко использовать контакты и сотрудничество с другими учреждениями г. Москвы: парками, кинотеатрами, театрами, экскурсионными бюро и т. п., при реализации культурно-массовой работы с посетителями и слушателями, а также в целях проведения рекламной кампании о работе зоопарка.

Ключевые слова: Московский зоопарк, культурно-массовая работа, лекции, экскурсии

Статья поступила в редакцию 4 мая 2023 г.;

принята к публикации 12 мая 2023 г.

Для цитирования: Андреев М.А. Культурно-массовая работа Московского зоопарка в 1953–1954 гг. и взаимодействие с учреждениями г. Москвы // История и архивы. 2023. Т. 5. № 3. С. 28–43. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-28-43

Mass cultural work of the Moscow Zoo in 1953–1954 and its interaction with Moscow institutions

Mikhail A. Andreev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, mixandreev@yandex.ru*

Abstract. The article considers such an important aspect of the Moscow Zoo's activities in 1953–1954 as mass cultural work with visitors, as well as with attendees during the visits of the Zoo staff to sponsored institutions and organizations. The author considers in detail not only statistics, but also the issues of the implementation of mass cultural work in the Moscow Zoo. Besides, the article describes the difficulties the staff and management of the Zoo faced in organizing excursions, lectures, children's parties, young zoo biologists camp and exhibitions.

The mass cultural work of the Moscow Zoo was focused on Muscovites and guests of the capital. It was carried out according to the tasks of the Moscow City Executive Committee, which, on the one hand, required the fulfillment of all planned indicators. On the other hand, it allowed the management of the Moscow Zoo to make extensive use of contacts and cooperation with other institutions of Moscow, i.e., parks, cinemas, theaters, tour bureaus etc. to implement mass cultural work with visitors and attendees as well as to conduct an advertising campaign about the work of the Zoo.

Keywords: Moscow Zoo, mass cultural work, lectures, excursions

The article was submitted 04.05.2023;

accepted for publication 12.05.2023.

For citation: Andreev, M.A. (2023), "Mass cultural work of the Moscow Zoo in 1953–1954 and its interaction with Moscow institutions", *History and Archives*, vol. 5, no. 3, pp. 28–43, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-28-43

Введение

История Московского зоопарка – старейшего в нашей стране – не является новинкой и исключительно редким объектом для исследования в отечественной историографии. Исследователей истории Московского зоопарка интересовал и период первого десятилетия Советской власти [Белозеров 2009], период ВОВ и послевоенного восстановления Московского зоопарка [Прокопчук 2022]. При этом следует отметить, что значительный объем литературы по истории Московского зоопарка можно соотнести

скорее с категорией научно-популярных изданий, воспоминаний, ориентированных на посетителей школьного возраста и их родителей. Так, например, часть работ, опубликованная директорами Московского зоопарка (Игорем Петровичем Сосновским, Сергеем Александровичем Новиковым), содержит как рассмотрение фактов по истории зоопарка, так и рассказы о животных и их повадках, забавные истории из жизни служителей зоопарка и их питомцев, ориентированные в большей степени на интерес школьников¹. По теме истории Московского зоопарка в печати присутствует достаточно разнообразная литература, включая, например, воспоминания по истории Кружка юных биологов зоопарка², документальная публикация о работе Московского зоопарка и его посетителей в период ВОВ И. Работновой³ и другие издания.

Вместе с тем работа Московского зоопарка в послевоенные десятилетия в меньшей степени являлась объектом внимания исследователей. Более того, в большинстве как научных, так и научно-популярных работ по истории Московского зоопарка большой акцент делается на вопросах сохранения и приумножения коллекции животных зоопарка, практически отсутствуют статьи по такой важной составляющей деятельности Московского зоопарка, как культурно-массовая работа с посетителями.

В качестве современного направления исследования, близкого к выбранной автором теме статьи, можно выделить изучение экологического воспитания школьников на примере работы российских зоопарков. Среди данного направления отметим несколько научных статей (Бушко, Полищук 2017; Завгороднева 2014), а также большой сборник «Просветительная и научная работа в Ленинградском зоопарке», опубликованный в 2021 г. и включающий статьи по вопросам организации абонементных экскурсий по зоопарку для детей, проведения выездных лекций с контактными животными, организации летних экспедиций Кружка юных зоологов Ленинградского зоопарка и другим темам (Матлова 2021; Ситникова 2021; Щеховский 2021). При этом важно подчеркнуть, что данное направление ориентировано не столько на историческую ретроспективу изучения экологического воспитания и культурно-массовой работы с детьми, сколько на современные достижения науки и современные задачи, стоящие перед зоопарками нашей страны.

¹ См.: Новиков С.А. Московский зоопарк за период 1917–1927 гг. М., 1928. 20 с.; Сосновский И.П. Московский зоопарк. М., 1954. 244 с.

² См.: Шаховская Н.Д. Без четверти век: воспоминания о КЮБЗе. М., 1999. 351 с.

³ См.: Работнова И. По закону великой любви: хроники Московского зоопарка, 1941–1945. М., 2020. 163 с.

Хронологические рамки выбранной темы статьи объясняются прежде всего доступностью архивных источников по данному периоду, а также возможностью проследить изменения в культурно-массовой работе Московского зоопарка в период смены правящей элиты и общегосударственного курса в СССР в 1953–1954 гг.

Подведомственность

После создания Министерства культуры РСФСР Московский зоопарк попал в его подведомственность в 1953 г., но это была скорее номинальная подчиненность. Даже после передачи в данное ведомство Московский зоопарк продолжил выполнять планы, утвержденные Управлением культурно-просветительных предприятий Исполнительного комитета Московского городского совета депутатов трудящихся (далее – Мосгорисполкома), получать с его помощью дополнительные средства, а также именно сотрудниками Мосгорисполкома была проведена ревизия основной деятельности Московского зоопарка в период с 1 января по 1 апреля 1953 г., что подтверждает влияние данного органа исполнительной власти г. Москвы на работу Московского зоопарка⁴. Важнейшим результатом взаимодействия Московского зоопарка с Мосгорисполкомом стала возможность сотрудничества и совместной деятельности с целой системой учреждений и организаций г. Москвы, отвечающих за культурно-массовую работу с москвичами и гостями столицы. Однако не будем забегать вперед и рассмотрим все по порядку.

Прежде всего следует отметить, что Московский зоопарк являлся не просто местом отдыха и развлечения для москвичей, а также гостей столицы, но и выполнял множество важнейших функций, отмеченных в отчетах Московского зоопарка за 1953–1954 гг.

В частности в отчете за 1953 год среди задач Московского зоопарка значились не только хозяйственные задачи или задачи, связанные с сохранением коллекции животных, а также с их показом, но и «максимальное использование коллекции как базы для пропаганды естественно-научных целей», «широкая популяризация современных успехов советской биологической науки и ее применения в практике социалистического строительства», «воспитательная и образовательная работа с детьми...» и другие. Таким образом, набор задач включал в себя и политико-просветительскую работу сотрудников с широкими массами посетителей Московского зоопарка⁵.

⁴ ГАРФ, Ф. 501. Оп. 1. Д. 94. Л. 2, 5.

⁵ Там же. Л. 2.

В отчете за 1954 год состав задач был немного скорректирован и дополнен еще одной важной составляющей – теперь от сотрудников Московского зоопарка требовалась «широкая пропаганда естественно-научных знаний с усилением вопросов научного атеизма и достижений советской биологии...»⁶.

Каким же образом на практике Московский зоопарк осуществлял широкую культурно-массовую работу в 1953–1954 гг. С какими же трудностями он столкнулся?

Культурно-массовая работа

Основным направлением культурно-массовой работы Московского зоопарка являлась организация и проведение экскурсий с посетителями Московского зоопарка. Так, например, в 1952 г. было проведено 1400 экскурсий с охватом 42 тысячи человек, в 1953 г. – 3217 экскурсий с охватом более 80 тысяч человек⁷, а в 1954 г. было проведено 2640 экскурсий с охватом 60 тысяч человек, причем со взрослыми было проведено 1240 экскурсий, а с детьми – 1400 экскурсий⁸.

При этом хочется отметить, что в отчетной документации Московского зоопарка очень часто фигурируют округленные статистические данные, а также наречия – почти, около, приблизительно рядом с конкретными цифрами, что дает основания для определенных сомнений в приведенной статистике, вынуждает исследователей использовать данные цифры с большой осторожностью и с пониманием возможных погрешностей.

Специально для привлечения организованного посетителя в 1953–1954 г. руководство Московского зоопарка подписывало договоры с московскими организациями и учреждениями на предоставление им льготных экскурсионных групповых путевок в Московский зоопарк. В частности в 1954 г. был подписан договор с Московским экскурсионным бюро (на 1200 экскурсионных путевок) и экскурсионной базой ВЦСПС (600 экскурсионных путевок), что несколько превысило количество соответствующих путевок в 1953 г.⁹

Особое значение в работе Московского зоопарка уделялось учебным экскурсиям и их помощи «в осуществлении политехнического обучения» детей и молодежи. С целью налаживания дан-

⁶ Там же. Д. 463. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 94. Л. 5–6.

⁸ Там же. Д. 463. Л. 2.

⁹ Там же. Л. 15.

ной работы экскурсоводы Московского зоопарка посещали уроки в школах, экскурсировавших школьников в зоопарк. Всего в 1953 г. экскурсоводы посетили семь уроков в массовых школах и один урок в школе рабочей молодежи. Также экскурсоводы присутствовали на двух экзаменах по основам дарвинизма и знакомились с отчетами учащихся по вопросам биологии¹⁰. В 1954 г. акцент на учебных экскурсиях был сохранен, причем в тексты соответствующих учебных экскурсий был «введен материал сентябрьского пленума ЦК КПСС и усилены вопросы политехнизации и павловского учения». Экскурсоводами посещено в 1954 г. 10 уроков в школах по зоологии¹¹.

В дополнение к вышесказанному следует отметить, что руководство Московского зоопарка предпринимало дополнительные шаги для увеличения количества проводимых в Зоопарке экскурсий, и с этой целью в 1953 г. на территории Зоопарка был проведен однодневный семинар с организатором экскурсий Московского городского экскурсбюро, на котором присутствовало 20 человек¹².

Стремление к увеличению экскурсий натолкнулось на существенную проблему, которую так и не удалось решить руководству Московского зоопарка в указанные хронологические рамки – это недостаток квалифицированных экскурсоводов. Именно поэтому приходилось, помимо штатных экскурсоводов, нанимать также и внештатных как в 1953 г., так и в 1954 г. Их квалификация была различна, поэтому перед приглашением на работу их обязательно прослушивали заведующий лекционно-экскурсионным бюро, а также консультант и руководство зоопарка¹³.

Другим важным направлением культурно-массовой работы Московского зоопарка стала организация и проведение лекций. Причем «лекционная пропаганда» проводилась в 1953 г. не только на территории зоопарка, но и путем выезда сотрудников на различные предприятия, школьные и внешкольные учреждения. В частности в Кривандинском районе Московской области было прочитано 19 лекций в колхозах с охватом 1424 человека, в кинотеатрах Москвы было прочитано 25 лекций¹⁴.

Лекции читали не только штатные лекторы, но и привлеченные лекторы из других учреждений и организаций. Так, были привлечены лекторы Общества по распространению политических

¹⁰ Там же. Д. 94. Л. 26.

¹¹ Там же. Д. 463. Л. 3.

¹² Там же. Д. 94. Л. 26.

¹³ Там же. Л. 27.

¹⁴ Там же. Л. 6, 27.

и научных знаний, Московского городского лекционного бюро, научные работники Московского государственного университета и других учреждений г. Москвы, которыми в совокупности было прочитано 39 лекций с охватом 3750 человек. Привлеченные лекторы, также как и экскурсоводы, перед приглашением на работу прослушивались заведующим лекционно-экскурсионным бюро, а также консультантом и руководством Зоопарка¹⁵.

Всего же за 1953 год было прочитано 625 лекций с охватом около 90 000 человек (390 – на территории зоопарка, 235 – за пределами территории). Для сравнения можно привести и цифры 1954 г. – всего было прочитано 665 лекций с охватом 131 тыс. человек, из которых на территории парка проведены 463 лекции и 202 выездные лекции¹⁶. Таким образом, количество лекций за указанный период существенно не изменилось, но изменилось количество слушателей указанных лекций в сторону увеличения в 1954 г.

Особо следует отметить сложности при организации выездных лекций на различные предприятия и учреждения с демонстрацией прирученных животных. Если в 1953 г. секция «выездные животные» после дополнительной закупки 24 чучел животных, пяти таблиц, кормового столика и одной дуплянки хоть как-то действовала¹⁷, то в 1954 г. работа сотрудников Московского зоопарка в большей степени переключилась на информирование школ через письма в отделы народного образования г. Москвы, внешкольную работу в период летних каникул и почти не затронула вниманием предприятия и заводы г. Москвы. Более того, в отчете за 1954 год в качестве существенных недостатков в работе всего Зоопарка отмечается «неудовлетворительное состояние помещений клеток секции выездные животные» и «недостаточное обеспечение выездных лекций транспортом», что фактически парализовало работу секции в указанном году¹⁸.

Отдельным видом лекций, который активно использовался в указанный период, были радиолекции. Однако в связи с ремонтом местного радиоузла Московского зоопарка в 1953 г. радиолекции в летнее время фактически не читались. Только в 1954 г., после его починки, удалось наладить этот вид культурно-массовой работы – было прочитано 270 радиолекций на территории зоопарка¹⁹.

С целью привлечения широких масс посетителей к лекциям руководством Московского зоопарка активно поощрялась такая

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Д. 463. Л. 3.

¹⁷ Там же. Д. 94. Л. 32.

¹⁸ Там же. Д. 463. Л. 6.

¹⁹ Там же. Д. 94. Л. 28; Д. 463. Л. 4.

форма культурно-массовой работы сотрудников, как беседы и консультации. На территории зоопарка было выделено пять специальных консультационных пунктов (точек) – в слоновнике, лъвятнике, страусятнике, бегемотнике и обезьяннике, где все экскурсоводы в обязательном порядке проводили беседы и консультации для не вовлеченных в экскурсионные и лекционные мероприятия посетителей. Беседы велись не только о повадках экспонируемых на конкретных точках животных, но и по темам мичуринской биологии и павловской физиологии. Всего в 1953 г. проведено 1490 часов бесед и консультаций и охвачено 170 тысяч детей и взрослых. В 1954 г. количество часов бесед и консультаций резко выросло и достигло 2642, причем из пяти ранее отмеченных точек для проведения бесед и консультаций поменялась только одна: вместо Страусятника беседы и консультации стали проводиться в Террариуме. При всем при том в качестве недостатка данной формы культурно-массовой работы с посетителями за 1954 г. отмечалась слабая активность и вовлеченность экскурсоводов в проведение самих бесед и консультаций на точках²⁰.

В качестве интересного аналога подобных консультаций и бесед сотрудниками секции аквариума в 1954 г. была вывешена доска вопросов и ответов для посетителей, которая в течение сезона обновлялась 12 раз. Ее преимуществом, отмеченным руководством, была необходимость для посетителей Московского зоопарка неоднократного его посещения при желании получить ответы на зафиксированные на доске вопросы²¹.

Отдельно следует выделить работу лектория Московского зоопарка, который выполнял множество функций и являлся площадкой для проведения различных политико-просветительных мероприятий. В частности в 1953 г. в самом лектории было прочитано 383 лекции с охватом более 30 тысяч взрослых и детей. Также в лектории было организовано 10 встреч с детскими писателями, на которых присутствовало более 2 тыс. детей. В дни школьных каникул на территории лектория было проведено шесть выступлений кукольного театра, на которых присутствовало свыше 1 тыс. детей, а осенью был организован эстрадный концерт для подшефного детского дома и школы № 134, который посетили 140 детей²².

В дополнение ко всему вышесказанному отметим, что в лектории Московского зоопарка 452 раза демонстрировались показы научно-популярных фильмов, на которых присутствовали более 37 тыс. человек, и были организованы две отчетные конференции

²⁰ Там же. Д. 94. Л. 29; Д. 463. Л. 3.

²¹ Там же. Д. 463. Л. 14.

²² Там же. Д. 94. Л. 5, 31.

юных натуралистов, в ходе которых участвовали более 200 юных натуралистов и ученые-биологи²³.

В 1954 г. работа лектория Московского зоопарка также отличалась широтой направлений и форм культурно-массовой работы с посетителями зоопарка. Так, за год была проведена 331 лекция с охватом более 42 тыс. человек, что несколько отличается от статистических показателей 1953 г. – количество лекций уменьшилось, но количество посетителей, их прослушавших, увеличилось. Также в лектории было проведено 362 сеанса 26 научно-популярных кинофильмов с охватом зрительской аудитории более 46 тыс. человек²⁴.

Еще одним направлением работы лектория в 1954 г. стал показ 16 кинофильмов и организация сопутствующих кинофильмам докладам по работе Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ), а также по работе отделов по регулированию уличного движения (ОРУД). В том же году в лектории состоялась одна встреча школьников с заслуженными педагогами, одна встреча с учителями и четыре встречи с детскими писателями²⁵.

Кроме того, на площадке лектория 14 раз для маленьких посетителей Зоопарка была показана интермедия «Доктор Айболит», состоялись два выступления «Деда Мороза», проведены две лекции по содержанию и дрессировке служебных собак, включая показы работы служебных собак и отработка их служебных навыков²⁶.

В дополнение к указанным направлениям можно отметить, что в летний период времени использовалось не только само внутреннее помещение лектория, но и его веранда, где была организована работа детской читальни по пропаганде детской биологической литературы²⁷.

При всем многообразии работы лектория Московского зоопарка важно отметить одну существенную деталь – значительную часть времени как в 1953 г., так и в 1954 г. помещение лектория находилось на капитальном ремонте, поэтому часть мероприятий, приписанных работе лектория в летний период, проводились на соседних открытых площадках на открытом воздухе. Это же обстоятельство (капитальный ремонт) не позволило достичь плановых показателей Московскому зоопарку по обслуживанию школьных групп лекциями в 1953 г.²⁸

²³ Там же.

²⁴ Там же. Д. 463. Л. 4–5.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Д. 93. Л. 30.

Другим важным направлением культурно-массовой работы сотрудников Московского зоопарка являлась организация детских праздников для детей и школьников, увлеченных изучением животного и растительного мира своей родной страны. При этом праздники Московского зоопарка были традиционными, и в 1953–1954 гг. они практически не менялись.

Среди таковых можно назвать 6 детских праздников: новогодняя елка (январь), день птиц (март), праздник, посвященный окончанию учебного года (май–июнь), праздник для маленьких москвичей и праздник, посвященный началу учебного года (оба в августе), праздник для подшефных организаций – школы № 134 и детского дома № 35 (в декабре)²⁹.

В 1953 г. большинство из указанных праздников обязательно включало в себя концерты, проводимые силами артистов Мосэстрады и Московской филармонии, лекции с показами прирученных животных, встречи с учеными и писателями, а также зоовикторины, загадки и массовые игры для детей и их родителей. В частности во время праздника, посвященного началу учебного года, сотрудниками Московского зоопарка была организована зоогеографическая игра «Знаем ли мы животный мир?», в которой приняли участие 150 детей, и десяти первым победителям присудили ценные призы³⁰.

В 1954 г. состав праздников не изменился, однако праздник для маленьких москвичей был проведен не в августе, а в июле месяце, причем на двух территориях – совместно с Московским зоопарком в организации данного праздника поучаствовали сотрудники расположенного рядом Парка культуры и отдыха «Красная Пресня»³¹.

Следует отдельно выделить и работу Клуба юных биологов зоопарка (КЮБЗа), осуществлявшего в указанный хронологический период научные наблюдения и оказывающего различную помощь сотрудникам Московского зоопарка. В 1953 г. члены Клуба юных биологов зоопарка совершили 25 выездов на природу, причем два выезда осуществлялись в летнее время на продолжительный период (более одного месяца). Основным местом для выездов была Московская область, где юннаты собирали различные биоматериалы, а также были собраны некоторые спецкорма для животных Московского зоопарка. Во многом за счет указанных выездов и новых биоматериалов пополнялся организованный на территории Московского зоопарка музей КЮБЗ. Кроме того, члены Клуба в 1953 г. провели 15 собраний, а также

²⁹ Там же. Л. 33.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Д. 463. Л. 6.

были проведены две конференции, в ходе которых были заслушаны доклады на научные темы³².

При этом в отчете за 1953 г. отмечается крайне слабая связь кружка со школами, недостаточная активность членов КЮБЗа по популяризации и демонстрации своих достижений в школах. Всего за истекший период КЮБЗ выступил лишь с тремя докладами в школах, организовал два зооуголка и один из них передал в школу № 187 г. Москвы. Более того, дисциплина самих членов кружка в 1953 г. зачастую оставляла желать лучшего: сотрудникам зоопарка и руководству кружка пришлось проводить два собрания для родителей юннатов, прекративших посещение кружка. Однако и этого было недостаточно: сотрудники зоопарка, а также руководство кружка вынуждено было посещать нерадивых и недисциплинированных участников кружка и проводить с ними и с их родителями разъяснительные беседы на дому³³.

В 1954 г. работа кружка продолжилась по тем же направлениям, что и годом ранее. Так, было организовано 20 выездов на природу, причем один из них был длительный (на месяц) в Краснодарский край. После выездов члены КЮБЗ пополнили музеи различными биоматериалами и даже смогли организовать комнатный инсектарий. Кроме того, были проведены 28 собраний кружка, 11 семинаров по различным темам, прочитаны шесть лекций и проведены три конференции³⁴.

В дополнение к этому члены КЮБЗа в 1954 г. помогли культурно-массовому сектору Московского зоопарка в проведении детских праздников, устройстве викторин и массовых игр с детьми, выступили в школах с двумя научными докладами, организовали в период летних каникул три зооуголка в пионерлагерях, а также один зооуголок по договоренности между руководством Московского зоопарка и Центрального парка культуры и отдыха был организован на территории последнего³⁵.

Не менее значимым направлением культурно-массовой работы в указанный период стала организация выставок на территории Московского зоопарка. В 1953 г. были организованы преимущественно камерные выставки – выставка в День птиц, летняя выставка «Преобразование фауны СССР» на пяти стендах, фотовитрина «Новости зоопарка» у главного входа в зоопарк (использовалась преимущественно в информационно-рекламных целях), фотовыставка о советских писателях и выставка Дома санитарного просве-

³² Там же. Д. 93. Л. 34.

³³ Там же. Л. 35.

³⁴ Там же. Д. 463. Л. 5.

³⁵ Там же. Л. 6.

шения у входа в лекторий Московского зоопарка в летний период времени. Единственной крупной выставкой можно назвать выставку на 50 стендах, организованную в летнее время, по вопросам работы государственных заповедников, охотничьего промысла, рыболовства, звероводства и т. п.³⁶

В 1954 г. ситуация с организацией выставок в Московском зоопарке несколько изменилась. Сохранились в большей степени камерные выставки, организованные к определенным датам и юбилеям. Например, ко Дню птиц были организованы уже несколько выставок – «Полезные и вредные птицы», «Охота и привлечение птиц». Также в летнее время была организована несколько измененная и дополненная за счет сотрудничества с Биологическим музеем им. К.А. Тимирязева выставка «Преобразование животного мира СССР», а также выставка дела санитарного просвещения и литературная выставка о писателях московской библиотеки № 49 у входа в лекторий зоопарка. Наряду с этим у входа в лекторий весь летний период также действовали две масштабные две фотовыставки, приуроченные к 10-летию основания Польской Народной Республики и 7-летию основания Румынской Народной Республики³⁷.

Трудности

Одним из главных препятствий для организации собственных крупных выставок и создания рекламных стендов, афиш, посвященных животным Московского зоопарка, в 1953–1954 гг., безусловно, можно признать ограниченность бюджета. Именно нехватка финансовых средств не позволила в рассматриваемый хронологический период в полной мере наладить рекламную деятельность в городе, но и даже вынудила сотрудников Московского зоопарка перенести расходование за выставку на 50 стендах с текущего бюджетного года (т. е. 1953-го) на следующий – 1954 г.³⁸

Еще одним важным препятствием для всей культурно-массовой работы Московского зоопарка в 1953 г. стала начавшаяся в первом квартале эпизоотия ящура, причинами которой с большой вероятностью были большие земляные работы на территории зоопарка, а также налаживание системы канализации. Из-за эпизоотии ящура на период с 1 января по 1 апреля фактически была закрыта вся новая территория Московского зоопарка, а также и часть старой территории, что не только не позволило проводить большинство культурно-

³⁶ Там же. Д. 93. Л. 5-6.

³⁷ Там же. Д. 463. Л. 6.

³⁸ Там же. Д. 93. Л. 13; Д. 463. Л. 14.

массовых мероприятий внутри самого зоопарка, но и ограничило возможности рекламной кампании зоопарка в 1953 г.³⁹

Наконец, важнейшим препятствием для всей работы Московского зоопарка в указанный хронологический период стала обветшалость значительного объема помещений и связанный с этим долгосрочный ремонт отдельных павильонов, секций, вольеров, ограничивающий возможности экспонирования животных, нарушающий привычный режим работы зоопарка и отнюдь не способствующий не только проведению культурно-массовой работы с посетителями, но и даже привлечению посетителей на территорию зоопарка.

В частности в 1953 г. из-за шаткости и неустойчивости опорных конструкций пришлось произвести слом соболятника, медвежатника, сломать «передние вольеры» и новый попугайник, из-за чего практически все пушные звери не экспонировались на территории Московского зоопарка. Часть попугаев и других теплолюбивых птиц пришлось демонстрировать в павильонах на старой территории, не вполне подготовленных для пернатых⁴⁰.

В 1954 г. ситуация еще более усугубилась из-за того, что после слома в 1953 г. части строений не удалось восстановить соболятник, «передние вольеры», что усугубляло и без того напряженную ситуацию с экспонированием животных на территории Московского зоопарка. Кроме того, на продолжительное время из-за ремонта закрылся павильон «Полярный мир» и «Лисий ряд», что не позволило долгое время экспонировать большое количество крупных животных (белые медведи, лисицы, камышовые коты, барсуки и др.). Все это влияло как на настроение и здоровье самих животных, так и сотрудников зоопарка, вынужденных буквально выкручиваться и находить животным временные прибежища, где только можно. Кроме того, в 1954 г. был проведен частичный ремонт слоновника, не позволивший в апреле, а также в период с сентября по декабрь демонстрировать этих животных, также на короткое время из-за ремонта был закрыт и обезьянник⁴¹.

Последствия общей неблагоустроенности, устарелости и попыток руководства Московского зоопарка организовать хотя бы частичный ремонт помещений системно сказывались на всей работе зоопарка. В качестве примера можно привести лишь несколько фактов – в 1954 г. из-за затянувшегося восстановления вольеров «Пушного ряда» для Площадки молодняка, столь популярного у горожан и московской детворы, не было выделено достаточно

³⁹ Там же. Д. 93. Л. 5, 24.

⁴⁰ Там же. Л. 24.

⁴¹ Там же. Д. 463. Л. 10.

вольеров, в результате чего под молодняк были отданы лишь четыре вольера, а под взрослых пушных зверей – оставшиеся семь вольеров. Все это привело к резкому сокращению экспонирования молодняка на площадке – их число сократилось до 17 особей (медведи, волки, динго, еноты и один фокстерьер)⁴². Кроме того, в указанный период руководство Московского зоопарка так и не смогло решить проблему с детской комнатой, крайне популярной у молодых посетительниц Московского зоопарка с маленькими детьми – данная комната располагалась фактически в обветшалом бывшем торговом помещении, не предназначенном для проведения детских игр и массовых мероприятий⁴³.

Однако, несмотря на все трудности, с которыми столкнулись сотрудники Московского зоопарка в 1953–1954 гг., можно выделить огромный объем выполненной культурно-массовой работы с посетителями на территории зоопарка, а также со слушателями в ходе выездных мероприятий в подшефных учреждениях и организациях. Хочется отметить и разнообразие культурно-массовой работы Московского зоопарка – это были и экскурсии, лекции, детские праздники, работа кружка юных биологов зоопарка, выставки.

Заключение

Безусловно, выполнение всех планов и задач, поставленных перед Московским зоопарком Мосгорисполкомом в 1953–1954 гг., невозможно было осуществить без налаженных контактов и сотрудничества с различными учреждениями и организациями г. Москвы, которые совместно организовывали мероприятия, предоставляли транспорт и помещения, соглашались на представление по внешнему совместительству своих сотрудников в качестве экскурсоводов и лекторов и т. п. Во многом именно за счет такого широкого взаимодействия и удалось провести не только широкую культурно-массовую работу, но и сохранить коллектив, а также уникальную коллекцию животных Московского зоопарка.

Литература

Белозеров 2009 – *Белозеров О.П.* От зоосада к зоопарку: Московский зоологический сад в первое послеоктябрьское десятилетие // Историко-биологические исследования. 2009. Т. 1. № 1. С. 85–94.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Л. 6.

- Бушко, Полищук 2017 – *Бушко Т.В., Полищук В.Н.* Экологическое воспитание младших школьников посредством общения с животными // Экономика и социум. 2017. № 2. С. 1296–1299.
- Завгороднева 2014 – *Завгороднева Н.С.* Зоопарк как база экологического воспитания посетителей // Самарский научный вестник. 2014. № 2. С. 26–28.
- Матлова 2021 – *Матлова М.А.* Учебная программа летних экспедиций кружка юных зоологов Ленинградского зоопарка // Просветительная и научная работа в Ленинградском зоопарке: сборник. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 32–44.
- Прокопчук 2022 – *Прокопчук Ю.В.* Московский и Ленинградский зоопарки в годы войны // Смена. 2022. № 5. С. 98–104.
- Ситникова 2021 – *Ситникова Е.К.* Особенности организации и проведения абонементных занятий с детьми младшего дошкольного возраста // Просветительная и научная работа в Ленинградском зоопарке: сборник. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 10–19.
- Щеховский 2021 – *Щеховский Е.А.* Особенности выездных лекций с контактными животными в Ленинградском зоопарке // Просветительная и научная работа в Ленинградском зоопарке: сборник. СПб.: Скифия-принт, 2021. С. 55–61.

References

- Belozеров, O.P. (2009) "From zoological garden to zoological park. Moscow Zoological Garden in the first post-October decade", *Istoriko-biologicheskoe issledovaniya*, vol. 1, no. 1, pp. 84–95.
- Bushko, T.V. and Polishchuk, V.N. (2017), "Ecological education of younger schoolchildren through communication with animals", *Ekonomika i sotziy*, no. 2, pp. 1296–1299.
- Shchekhovskii, E.A. (2021), "Features of visiting lectures with contact animals at the Leningrad Zoo", in *Prosvetitel'naya i nauchnaya rabota v Leningradskom zooparke: sbornik* [Educational and scientific work at the Leningrad Zoo. Collection], Skifiya-print, Moscow, Russia, pp. 55–61.
- Matlova, M.A. (2021), "The curriculum of summer expeditions of the Young Zoologists camp of the Leningrad Zoo", in *Prosvetitel'naya i nauchnaya rabota v Leningradskom zooparke: sbornik* [Educational and scientific work at the Leningrad Zoo. Collection], Skifiya-print, Moscow, Russia, pp. 32–44.
- Prokoptchuk, Yu.V. (2022), "Moscow and Leningrad zoos during the war", *Smena*, no. 5, pp. 98–104.
- Sitnikova, E.K. (2021), "Features of the organization and conduct of subscription classes with children of younger preschool age", *Prosvetitel'naya i nauchnaya rabota v Leningradskom zooparke: sbornik* [Educational and scientific work at the Leningrad Zoo. Collection], Skifiya-print, Moscow, Russia, pp. 10–19.
- Zavgorodneva, N.S. (2014) "Zoo as a base for ecological education of visitors", *Samarskii nauchnyi vestnik*, no. 2, pp. 26–28.

Информация об авторе

Михаил А. Андреев, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; mixandreev@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0004-6914-8211

Information about the author

Mikhail A. Andreev, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; mixandreev@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0004-6914-8211

Организация губернских жандармских управлений в 7-м Казанском жандармском округе: на примере Пермской губернии

Сергей Н. Штейников

*Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
Пермь, Россия, sergei801@mail.ru*

Аннотация. Российская политическая полиция постоянно реформировалась в зависимости от изменения внутриполитической обстановки в стране. С 1867 г. ее важным звеном становятся губернские жандармские управления. Начиная свою деятельность как контролирующие органы, ГЖУ постепенно превратились в базовые подразделения политического сыска с широкими следственными полномочиями и с достаточно обширным кругом обязанностей в целом. При этом они оставались самыми массовыми учреждениями политического сыска на местах, которые просуществовали до падения царского режима в 1917 г. В данной статье автор впервые на основе архивных материалов рассматривает процесс становления Пермского губернского жандармского управления (ПГЖУ). Выявляет проблемы, с которыми пришлось сталкиваться при формировании. Выявляет офицерский состав ПГЖУ, впервые публикует списки унтер-офицерского состава первого набора наблюдательного состава ПГЖУ.

Ключевые слова: Корпус жандармов, Казанский округ, Российская империя, реформы Александра II

Статья поступила в редакцию 4 мая 2023 г.;
принята к публикации 12 мая 2023 г.

Для цитирования: Штейников С.Н. Организация губернских жандармских управлений в 7-м Казанском жандармском округе: на примере Пермской губернии // История и архивы. 2023. Т. 5. № 3. С. 44–55.
DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-44-55

Organization of provincial Gendarmerie Administration in the 7th Kazan gendarmerie district on the example of the Perm province

Sergei N. Shteinikov

*Perm State Humanitarian Pedagogical University,
Perm, Russia, sergei801@mail.ru*

Abstract. The Russian political police were constantly reformed depending on changes in the domestic political situation in the country. Since 1867, provincial gendarmerie administration became an important part of it. Starting their activities as controlling bodies, the State Police gradually turned into basic units of political investigation with broad investigative powers and with a fairly extensive range of responsibilities in general. At the same time, at the local level they remained the most massive institutions of political investigation, which existed until the fall of the tsarist regime in 1917. In the article, on the basis of archival material, the author for the first time considers the process of formation of the Perm provincial Gendarmerie Administration (PPGA) and identifies the issues faced during the formation. He also identifies PGWU officer personnel as well as for the first time he publishes lists of non-commissioned officers of the first enlistment to the PGWU observation staff.

Keywords: Corps of Internal Guards, Corps of Gendarmes, Kazan District, Russian Empire, reforms of Alexander II

The article was submitted 04.05.2023;

accepted for publication 12.05.2023.

For citation: Shteinikov, S.N. (2023), "Organization of provincial Gendarmerie Administration in the 7th Kazan gendarmerie district on the example of the Perm province", *History and Archives*, vol. 5, no. 3. pp. 44–55, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-44-55

Введение

Зачастую при изучении формирований губернских жандармских управлений (ГЖУ) исследователи обращают внимание на организационные моменты, связанные с комплектованием штатов [Белова 2004; Пашенко 2009; Бриль, Зайцев 2019]. Безусловно, это очень важный вопрос. А вот с чем сталкивались начальники управлений, адъютанты, как проходил процесс становления управлений в бывшем 7-м округе, с какими проблемами приходилось сталкиваться, остается малоизученным. Это связано с недостаточным количеством архивных документов. Отсутствие документов

о деятельности ГЖУ – характерная черта для многих архивов [Страхов 2017, с. 32–33]. По мнению автора, стоит осветить организационную сторону деятельности управлений, поскольку именно хозяйственные вопросы нужно было решать на первом этапе, а не заниматься политическими вопросами.

Окружная система

После покушения на императора Александра II Д.В. Караковым прежний шеф жандармов и главноуправляющий Третьим отделением В.А. Долгоруков подал на имя императора прошение об отставке «за неумение охранять своего государя». Простение было удовлетворено, и на его место был назначен П.А. Шувалов. Сразу после принятия жандармского ведомства его новый главноуправляющий стал сосредотачивать всю полноту власти над всеми жандармскими учреждениями и органами политического сыска в Российской империи. Вся территория Российской империи к 1866 г. была разделена на 8 жандармских округов: Петербургский, Московский, Варшавский, Виленский, Одесский, Кавказский, Казанский и Сибирский. А.Н. Соболев указывает, что к 1867 г. в состав 7-го округа входили следующие губернии: Пензенская, Нижегородская, Тамбовская, Вятская, Казанская, Оренбургская, Симбирская, Саратовская [Соболев 2021, с. 29], но Пермская губерния относилась к 7-му Казанскому округу. Во главе шести округов стояли жандармские генералы, подчинявшиеся шефу жандармов. Два округа, Варшавский и Кавказский, находились на особом положении. Руководители данных округов подчинялись наместникам в Царстве Польском и на Кавказе. В каждом жандармском округе имелись конные жандармские команды, а в Петербурге, Москве и Варшаве – жандармские дивизионы.

Округ делился на «отделения». Каждое отделение охватывало 1–3 губернии и возглавлялось жандармским штаб-офицером. Окружная жандармская система, существовавшая в нашей империи с 1827 г., к 1860-м гг. не удовлетворяла запросам времени.

Первыми практическими действиями нового шефа жандармов были: реорганизация Варшавского и Кавказского жандармских округов и включение их в состав Корпуса жандармов. Следующим шагом было изъятие из ведения Министерства путей сообщения железнодорожных полицейских жандармских команд. Острая необходимость в реформировании «голубого ведомства» была вызвана ростом революционного движения и неспособностью справиться с ним старым жандармским учреждениям, объединенным в округа.

До начала реформирования жандармское ведомство состояло из Управления (штаба корпуса); управлений 8 жандармских округов; лейб-гвардии жандармского полуэскадрона, полуэскадрона при штабе Варшавского военного округа и 3 жандармских команд при штабах военных округов, которые выполняли функции военной полиции в гвардии и в армии как в военное, так и мирное время. Формально в составе корпуса находились еще шесть полицейских управлений, которые на практике подчинялись МПС и инспекциям железных дорог [Рыжова 2020, с. 32].

Организация губернских жандармских управлений

9 сентября 1867 г. выходит высочайше утвержденное положение о корпусе жандармов¹. Согласно новому положению о КЖ, вместо окружной системы появляются Губернские жандармские управления (далее ГЖУ) и упраздняются жандармские команды (далее ЖК). По новому положению, КЖ состоял из Главного управления, управления округов: Варшавского, Кавказского и Сибирского, Жандармского управления Московской губернии. Согласно положению, 10 ГЖУ относились к первой категории (из бывшего 7-го округа к ней относилось только Нижегородское ГЖУ), далее шли 43 губернских жандармских управления второй категории, куда входили все остальные губернии, входившие в Казанский округ. Губернские жандармские управления Бессарабской области и Астраханской губернии второй категории. Различия между ГЖУ первой и второй категории заключались в размере определенного по штату начальникам этих управлений добавочного жалованья. Также в составе КЖ находились 50 уездных жандармских управлений северо-западного края, наблюдательный состав корпуса, Санкт-Петербургский и Московский жандармские дивизионы и 13 конных команд.

Формирование Пермского губернского жандармского управления

В Перми с 1817 г. функционировала ЖК² сначала в составе Отдельного корпуса внутренней стражи, а затем в составе Корпуса жандармов. Весь личный состав бывшей ПЖК требовалось пере-

¹ Полное собрание законов (ПСЗ). Т. 42. Ч. 2. № 44956 от 9 сентября 1967 г. С. 73–80.

² ПСЗ. Т. 34. № 26650 от 1 февраля 1817 г. С. 55.

вести в подчинение Пермского губернского воинского начальника (далее ПГВН). На основании предписания штаба КЖ от 17 октября за № 4683, нижние чины ПЖК, в числе 25 чел. (в том числе 2 нестроевых), переведены 17 ноября 1867 г. ПГВН в подчинение ПГВН. Как было предписано с полагающимися письменными на них сведениями. Копия рапорта к ПГВН была представлена еще начальнику штаба Казанского военного округа³.

Первым и единственным начальником ПГЖУ, когда оно находилось в введении Третьего отделения, был подполковник Самойлов Михаил Петрович, бывший штаб-офицер КЖ в Пермской губернии. Деятельность Самойлова была оценена не только во время его службы, но и после. Так, в Пермской мужской гимназии 26 июня 1888 г. была учреждена стипендия имени полковника Михаила Петровича Самойлова⁴. Адьютантом управления был назначен последний командир ПЖК поручик Андрущенко. По штату в управление полагались секретарь и два писаря. Писаря в пермском управлении были назначены Григорий Симонов и Василий Верхоланцев. Денщики начальника управления, Емельян Леонтьев, Феохтист Никифоров и адъютант Осип Печерских, на основании положения о КЖ отчислялись в распоряжение Пермского губернского воинского начальника⁵. А вместо денщиков полагалось нанимать прислугу.

Интересно, что в деле о расформировании ПЖК хранится список чинов 7-го пехотного Ревельского полка, зачисленных в команду в 1867 г. Возможно, нижние чины так и не попали в Пермь в связи с реформированием КЖ. Из числа нижних чинов упраздненной ПЖК начальником управления Самойловым были выбраны и оставлены наиболее способные к жандармской службе 3 рядовых: Х.Ф. Молоков, И.А. Степанов, В.С. Уфинцов – и произведены в унтер-офицеры. Для формирования наблюдательного состава ПГЖУ были поданы рапорты еще 11 кандидатами. Каждый поступающий на службу давал расписку в том, что в случае принятия его на службу в наблюдательный состав Корпуса жандармов они обязывались прослужить в этом составе не менее 5 лет⁶. В течение 1868 года кандидаты проходили проверки, и трое из них оказались не способны к жандармской службе и были отправлены: двое – во временный отпуск, и один – в бессрочный отпуск. Для подготовки нижних чинов на службу в КЖ было принято решение открыть

³ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 162. Оп. 2. Д. 3. Л. 13.

⁴ Там же. Д. 25.

⁵ Там же. Д. 1. Л. 38.

⁶ Там же. Д. 395. Л. 9, 24, 25, 41, 60, 65, 75, 87.

«приготовительную школу» в Санкт-Петербурге. Целью данной школы было подготовить жандармских нижних чинов к исполнению обязанностей службы по наблюдательной части. В школу зачислялись армейские унтер-офицеры по распоряжению Главного штаба. А затем они направлялись для службы на освободившиеся вакансии в наблюдательных частях Корпуса. Поступающий в школу должен был быть уволен с армейской службы, уметь обстоятельно изъясняться с начальством по службе, быть склонным к наблюдательной деятельности и вести трезвый образ жизни.

Уездные жандармские управления в Пермской губернии

Уездные жандармские управления (ЖУ) заимствовали свои названия от тех уездов, в которых находились. На территории Пермской губернии были образованы четыре наблюдательных пункта [Оржеховский 1982, с. 152]. Первый пункт располагался в Перми. В Екатеринбургском уезде пункт возглавил майор Рейтер, Верхотурский уезд находился под руководством капитана Плаксина. Кунгурский уезд – майор Махин, Шадринский уезд – капитан Знаменский. Начальники уездных ЖУ должны были не менее одного раза в месяц совершать объезд вверенных местностей, а унтер-офицеры наблюдательного состава – по усмотрению начальства и с утверждения начальника ГЖУ. В политическом обзоре Воронежской губернии за 1880 год начальник ВГЖУ полковник А.С. Бехтеев указывал, что при имеющихся штатах в крупных городах губернии, находящихся от Воронежа более чем за 200 верст, – в Богучаре, Боброве и Павловске – жандармы отсутствовали полностью, а в тех уездах, где они находились, по 2–3 унтер-офицера не могли обеспечить должное наблюдение за 350–400 населенными пунктами. Ситуация с малыми штатами была характерна и для Пермской губернии. Так, к 1879 г. из 12 уездов губернии в Оханском, Осинском, Ирбитском уездах не было жандармов. А в самых северных уездах – в Чердынском и Соликамском – жандармские отделения были открыты в 1879 г., но не полностью укомплектованы.

Подготовка унтер-офицерских кадров

В пореформенный период система подготовки кадров политического сыска только создавалась, но касалась она в основном офицерского состава. Для унтер-офицерского и рядового состава уровень минимальных познаний был крайне низким. Так, на 1 января 1873 г. 12% жандармских унтер-офицеров не умели читать и писать.

Четверть из них только на службе научились грамоте. Из 14 жандармских чинов наблюдательного состава ПГЖУ на 1868 г. только один жандарм не умел читать и писать, а остальные были грамотные. Как отмечает Д.А. Сафонов, ситуация с подготовкой нижних чинов изменится только к 1890-м гг., когда все смогли научиться «излагать свои мысли на бумаге удовлетворительно» [Сафонов 2013, с. 80].

В ходе проведения военной реформы Д.А. Милютиным в империи была введена окружная система⁷. Пермская губерния входила в состав Казанского военного округа. Все остававшееся имущество жандармских команд требовалось сдавать на артиллерийские склады военного округа. Согласно приказу по Военному ведомству от 24 сентября № 315, все пистолеты, сабли, винтовки, винтовальные доски, тульные формы и нажимы, оставшиеся от ПЖК, отправлялись частично по почте в Нижегородский интендантский склад. Имущество должно было быть отправлено в ящиках укрепленных соломой и рогожей и обвязанных веревками. На усмотрение отправляющих было разрешено отправлять в ящиках имущество на артиллерийские склады. Также требовалось приложить ведомость с ценами на потраченные материалы, которые непременно должны быть утверждены местными губернаторами. Мастерские инструменты, принадлежавшие упраздненной ПЖК, были отправлены в окружной интендантский склад в Казань на пароходе Пермской компании братьев Каменских только 10 мая 1868 г.⁸

Чугунный котел и боевые патроны требовалось сдавать в местные губернские батальоны. После сдачи имущества нужно было предъявить ведомость в артиллерийское управление Казанского военного округа, о том, что котел принят и сколько было сдано патронов⁹.

В период сдачи имущества на склады, обнаружилась недостача 2 пистолетов и 28 прибойников. 31 июля 1868 г. штабс-капитан Андрущенко пишет рапорт на имя начальника Оренбургского ГЖУ с просьбой взыскать с капитана Латухина 10 руб. 96 коп. за недостающие пистолеты и прибойники¹⁰, хотя в известность Латухин был поставлен еще в мае. Затем уже на имя начальника ПГЖУ пришел рапорт, где указывалось: действительно пистолетные прибойники состояли на руках нижних чинов ПЖК, как и другие амуниционные вещи; не находились при пистолетах, а над сумками. Сумы пистолетов старого образца имели такое устройство, при

⁷ ПСЗ. Т. 39. Ч. 1. № 41 162 от 6 августа 1864 г. С. 698–746.

⁸ ГАПК. Ф. 162. Оп. 2. Д. 2. Л. 43.

⁹ Там же. Л. 6.

¹⁰ Там же. Л. 62.

которых нельзя было включить прибойников. А вот пистолеты, ружья, седла, каски и другие вещи постоянно состояли на складах и на полной их ответственности за исправность. По получении сообщения от пермского адъютанта ПГЖУ капитан Латухин озабочился сдачею в Казанское артиллерийское управление означенных 28 прибойников и 2 пистолетов. Была заплачена стоимость недостающих еще в 1866 г. предметов. В итоге пермский и оренбургский адъютанты заплатили по 10 руб. 96 коп. Затем Латухину вернули 10 р. 96 коп., хотя он не сдал вовремя полагавшееся имущество¹¹. Куда делись 28 прибойников и действительно ли Латухин выдал на руки, осталось невыясненным.

От упраздненной ПЖК оставались средства, полагавшиеся на покупку, постройку и исправление вещей. Адъютант управления писал в штаб корпуса, куда сдавать деньги: в штаб корпуса или же в местное казначейство. Прочие суммы, оставшиеся от упразднения: 1) собственные солдатские деньги были выданы нижним чинам на очки; 2) порционные деньги команды 75 р. 33 1/2 коп. за вычетом из них нижним чинам и подлежащие сдаче 29 руб. 87 1/2 коп. были сданы в Пермское казначейство по квитанции. Еще осталась образная сумма 40 руб. 50 коп. Нижние чины приняли решение пожертвовать ее на благое дело и передали ее, вместе с командным образом, в приходскую церковь – Петропавловский собор на покупку масла и свечей для этого собора¹². Из штаба КЖ на имя начальника ПГЖУ подполковника Самойлова пришел рапорт, где указывалось, что нижние чины не имели права сдавать образную сумму и командный образ в Петропавловский собор. Такой поступок поставил в затруднительное положение штаб КЖ и начальника ПГЖУ. Адъютанту управления было поручено разобраться в сложившейся ситуации. Поручик Андрущенко переговорил с местным архиереем и прояснил всю ситуацию. Образная сумма и икона принадлежали команде, по факту это было корпусное имущество, а не нижних чинов, и они не имели права так распорядиться.

В декабре 1867 г. были назначены торги для продажи жандармских лошадей. Удалось продать только двух строевых и одну подъемную лошадь. Как отмечал первый адъютант ПГЖУ Андрущенко, торги не шли успешно по причине дороговизны кормов. Остальные лошади были проданы без аукциона. Все вырученные деньги, за исключением 2 руб., уплаченных за печать объявления, были сданы в Пермское губернское казначейство. Итого за проданных лошадей смогли выручить 234 руб. серебром¹³. В главный

¹¹ Там же. Л. 71.

¹² Там же. Л. 12.

¹³ Там же. Л. 13.

штаб Казанского военного округа был отправлен рапорт, где была приложена квитанция о сдаче денег в казначейство. Также продаже были подвергнуты через торги: командный обоз произвольной конструкции, экономические вещи (за исключением мундирных вещей). Вырученные деньги требовалось сдать в штаб КЖ. После реформирования жандармского ведомства на территории империи оставалось 13 ЖК и было упразднено 57 команд¹⁴. Конные команды сохранялись и в бывшем 7 округе в Казани, Нижнем Новгороде. В этих городах никакое имущество не продавалось и не сдавалось, а оставалось в распоряжении ЖК.

Секретные сотрудники

Первые секретные агенты Пермского губернского жандармского управления появились только в 1879 г., согласно распоряжению главного начальника Третьего отделения. В распоряжении указывалось, что для отчетов по агентурным расходам нет необходимости брать от агентов расписку в получении денег. В 1880 г. для ПГЖУ была выдана сумма в размере 1000 руб. в год на секретных агентов¹⁵.

Моральная сторона агентурного вопроса затрагивалась и самими жандармами. Так начальник ПГЖУ полковник М.П. Самойлов писал: «До настоящего времени я не мог еще привести в исполнение требуемое циркуляром учреждение секретной агентуры. При исполнении этого циркуляра встретились затруднения: во-первых, потому, что собственно в Перми я не нашел подходящей личности, а во-вторых, потому что учреждение агентуры я считаю наиболее необходимым в г. Екатеринбурге, как многолюдном центре, окруженном большими населенными заводами, вообще требующем по характеру сих поселений, особого наблюдения, как и самый Екатеринбург»¹⁶. Как видно из рапорта, в Перми не удалось найти достойного тайного агента. Возникает вопрос: почему начальник ПГЖУ не мог найти достойного кандидата?! Ответ мы находим в том же рапорте: «В Пермской губернии хороших агентов приобрести труднее, чем в любой другой местности, потому что здесь человеку способному есть возможность легче добывать себе достаточными средствами к жизни средства. Приглашать на эту должность лиц, праздношатающихся, которых и здесь довольно (приписка: может быть, и способных), я пока не ручаюсь из-за опасения скомпромети-

¹⁴ ПСЗ. Т. 42. № 44 956 от 9 сентября 1867 г. С. 73.

¹⁵ ГАПК. Ф. 162. Оп. 3. Д. 1. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 4.

рывать дело в самом начале»¹⁷. Несмотря на личные взгляды Самойлова, приказ нужно было выполнять. Во время очередного объезда губернии от подполковника Махина, помощника начальника ПГЖУ в Екатеринбургском уезде, он узнал, что подходящий агент был найден. Как и Самойлов, Махин не стал сразу доверять секретному агенту. В деле об учреждении секретной агентуры фигурируют три фамилии первых сотрудников жандармского управления в Пермской губернии: Соболев – Екатеринбург, в Перми – сначала мещанин Поспелов, а затем уже Утробин. Причины, по которым отказались от деятельности Поспелова, неизвестны, как неизвестны и их донесения. Возможно, были и другие секретные агенты, но фамилии их до нас не дошли по ряду причин. Плата за донесения для сотрудников была неодинаковой: так, в Екатеринбурге агент получал 30 руб. в месяц, а в Перми – 25 руб.¹⁸

Заключение

Формирование новых губернских жандармских управлений на практике проходило далеко не так гладко, как могло показаться из столицы. Отсутствие четкого алгоритма действий по сдаче имущества упразднявшихся жандармских команд, своеволие нижних чинов приводили к нелепым ситуациям. Шеф жандармов П.А. Шувалов прекрасно понимал, что нужно готовить нижних чинов для наблюдательного состава, обучать их не только грамоте, но и навыкам сыска. Стоить отметить, что реформирование политического сыска Российской империи было еще одной реформой Александра II, но не доведенной до конца.

С учреждения наблюдательного состава в уездах произошло распределение жандармов по губернии. Соответственно здание, построенное для жандармской команды, было не нужно. Было принято решение сдать помещение, поскольку оно находилось в собственности Пермской городской думы. 14 апреля 1868 г. состоялась передача здания и разных вещей, заведенных думой для бывшей ПЖК19.

¹⁷ Там же. Л. 4 об.

¹⁸ Там же. Л. 17, 24, 25.

¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 40.

Литература

- Белова 2004 – Белова А.В. К истории Тамбовского губернского жандармского управления // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 4 (36). С. 39–42.
- Бриль, Зайцев 2019 – Бриль Г.Г., Зайцев Л.Н. Костромское губернное жандармское управление и его первый руководитель // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 2. С. 27–32.
- Оржеховский 1982 – Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России. М., 1982. 207 с.
- Пащенко 2009 – Пащенко А.П. Губернское жандармское управление как основа структуры Отдельного корпуса жандармов: на примере Самарского губернского жандармского управления // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 2. С. 251–253.
- Рыжова 2020 – Рыжова Ю.В. Жандармские полицейские управления железных дорог в системе обеспечения транспортной безопасности Российской империи. М.: Проспект, 2020. 136 с.
- Сафонов 2013 – Сафонов Д.А. Губернское жандармское управление: проблема кадрового обеспечения // Вестник Оренбургского педагогического университета. 2013. № 3 (7). С. 78–86. URL: http://vestospu.ru/archive/2013/articles/safonov_d_a_1_2013_3.pdf (дата обращения 01.05.2023).
- Соболев 2021 – Соболев А.Н. Пензенские жандармы: Сто лет на страже. Пенза, 2021. 212 с.
- Страхов 2017 – Страхов Л.В. Воронежское губернное жандармское управление: организация и деятельность: 1867–1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017. 389 с.

References

- Belova, A.V. (2004), "On the history of the Tambov provincial gendarme administration", *Tomsk State University Journal*, vol. 36, no. 4, pp. 39–42.
- Bril, G.G. and Zaitsev, L.N. (2019), "Kostroma provincial gendarme administration and its first head", *Vestnik of Kostroma State University*, no. 2, pp. 27–32.
- Orzhekhovskii, I.V. (1982), *Samoderzhavie protiv revolyutsionnoi Rossii* [Autocracy against revolutionary Russia], Moscow, USSR.
- Pashchenko, A.P. (2009), "Provincial gendarme administration as the basis in the structure of the Separate Corps of Gendarmes. On the example of the Samara Provincial Gendarme Administration", *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, no. 2, pp. 251–253.
- Ryzhova, Yu.V. (2020), *Zhandarmskie politseiskie upravleniya zheleznikh dorog v sisteme obespecheniya transportnoi bezopasnosti Rossiiskoi imperii* [Gendarmerie police departments of railways in the system of ensuring transport security of the Russian Empire], Prospect, Moscow, Russia.
- Safonov, D.A. (2013), "Provincial gendarme administration. The issue of staffing", *Vestnik Orenburgskogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 7,

no. 3, pp. 78–86, available at: http://vestospu.ru/archive/2013/articles/safonov_d_a_1_2013_3.pdf (Accessed 1 May 2023).

Sobolev, A.N. (2021), *Penzenskie zhandarmy: Sto let na strazhe* [Penza gendarmes. One hundred years on guard], Penza, Russia.

Strakhov, L.V. (2017), *Voronezhskoe gubernskoe zhandarmское upravlenie: organizatsiya i deyatel'nost': 1867–1917 gg.* [Voronezh provincial gendarme administration. Organization and activity: 1867–1917], D. Sc. Thesis (History), Voronezh, Russia.

Информация об авторе

Сергей Н. Штейников, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, Россия; 614990, Россия, Пермь, ул. Сибирская, д. 24; sergei801@mail.ru

ORCID ID 0009-0000-7514-9406

Information about the author

Sergei N. Shteinikov, Perm State Humanitarian and Pedagogical University, Perm, Russia; 24, Sibirskaya St., Perm, 614990, Russia; sergei801@mail.ru

ORCID ID 0009-0000-7514-9406

Публика и зрители советских праздников 1920–1930-х гг.

Елена В. Барышева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, barysheva.ev@gmail.com*

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть публику на этапе ее складывания в раннесоветский период как специфическую общность зрителей, слушателей, посетителей различного рода театрализованных представлений. Способность восприятия и понимания языка искусств, наличие эстетических представлений и социальных установок формировались различными средствами, среди которых наиболее эффективными были государственные праздники. Праздничная культура первых десятилетий советской власти была ориентирована на активное массовое участие граждан в мероприятиях. Зрители не должны были оставаться безучастными к проводимым государством праздникам, в первую очередь революционным. Роли зрителя и актера/участника театрализованных праздничных действий объединились в пространстве праздничной культуры. Задача идеологического воспитания советских граждан подразумевала вовлечение их в массовое действо. На форму активного участия возлагались надежды на воспитание коллективизма, складывание социальной идентичности и формирование духовных ценностей. Изучение государственными и общественными организациями состава праздничной публики и зрительского интереса оказывало помощь в разработке методических рекомендаций по проведению праздничных мероприятий. В статье рассматриваются приемы и методы изучения публики в праздничной практике социального конструирования «нового» человека в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: праздничная культура, публика, зритель, социальное конструирование, кинохроника

Статья поступила в редакцию 27 апреля 2023 г.;

принята к публикации 12 мая 2023 г.

Для цитирования: Барышева Е.В. Публика и зрители советских праздников 1920–1930-х гг. // История и архивы. 2023. Т. 5. № 3. С. 56–70.
DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-56-70

Audience and spectators of Soviet holidays in 1920s – 1930s

Elena V. Barysheva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, barysheva.ev@gmail.com*

Abstract. This article attempts to consider the audience as a specific community of spectators, listeners, and visitors of various performances at the stage of its formation in the early Soviet period. Numerous means were used to form the ability to perceive and understand the language of arts, aesthetic ideas and social attitudes; among which public holidays were the most effective. The festive culture of the first decades of Soviet government was focused on the active citizens' mass participation in the events. The public was not supposed to remain indifferent to the holidays held by the state, primarily revolutionary ones. The roles of the spectator and the actor/participant of theatrical festive performances united in the space of festive culture. The task of Soviet citizens' ideological upbringing meant their involvement in mass action. Active participation was supposed to foster a sense of collectivism, to form social identity and spiritual values. The state and public organizations' study of the festive audience composition and spectator interest contributed to the development of methodological recommendations for holding festive events. The article discusses the techniques and methods of studying the audience in the festive practice of social construction of a “new” person in the 1920s–1930s.

Keywords: Festive culture, audience, spectator, social construction, news film

The article was submitted 27.04.2023;
accepted for publication 12.05.2023.

For citation: Barysheva, E.V. (2023), “Audience and spectators of Soviet holidays in 1920s – 1930s”, *History and Archives*, vol. 5, no. 3, pp. 56–70, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-56-70

Современные подходы к изучению публики как объекта исследования

Понятие «публика» – от латинского publicum – означает значительное число людей, собравшихся для какой-либо цели. В социологии культуры под публикой понимаются люди, находящиеся в позиции зрителей, слушателей, посетителей. В основе формирования публики как специфической социально-психологической

общности лежат способность восприятия и понимания языка искусств, наличие эстетических представлений и социальных установок.

В связи с этим в отечественной науке публика изучается в историко-культурных, историко-искусствоведческих и историко-психологических исследованиях. Публике посвящены работы известного российского культуролога Н.А. Хренова [Хренов 2022]. Обращаясь к проблеме взаимоотношения коммуникации и культуры, автор исходит из важности изучения коммуникативных механизмов. Хренов исследует историю возникновения публики как феномен в фокусе теории коммуникации. Его концепция исходит из идеи о театрализации социума как закономерного этапа в становлении российской культуры [Хренов 2010; Хренов 2018].

Попытка систематизации концепций понятия «публика» в отечественной и западной социологии предпринята Е.А. Лосевой-Демидовой. Автор отмечает, что на сегодняшний день сложился целый ряд концептуальных подходов к изучению публики как объекту исследования, среди которых социолог выделяет основополагающие работы, где публика рассматривалась как форма массы или толпы (Г. Тард, С. Московичи, Г. Ле Бон, К. Ясперс). Обогащение концептуального аппарата, накопление и осмысление фактического материала привело к появлению новых концепций, которые выделяет автор: публика как социальная группа, публика как агрегат, публика как группа-ассоциация, публика как способность, публика как сеть связей. При этом Е.А. Лосева-Демидова предложила собственное определение публики как общность людей, различающихся по социодемографическому признаку, мотивациям, целям, установкам, но объединенных интересами, определенными ценностями и существующими в бесконтактной форме общения [Лосева-Демидова 2010, с. 26]. Важность основополагающей идеи Г. Тарда о публике как социальной общности подчеркивается в исследовании А.В. Загребинной [Загребина 2010].

Большое внимание публике уделяется в исследованиях, посвященных театру. Отечественные культурологи размышляют о современных тенденциях в культуре зрелищ. В поле их зрения также оказываются вопросы эмоциональной насыщенности театрализованного пространства общественной жизни [Московских 2019]. Публика рассматривается как составной элемент театрального зрелища [Сапаров 2009].

В последнее время появляются и работы, в которых раскрываются поиски новых театральных приемов, направленных на взаимосвязь театра и публики на рубеже XIX–XX вв., особенности восприятия публикой театрального искусства в переходные периоды [Ивинских 2019], а также процессы становления нового теат-

ра в условиях революции и гражданской войны [Хубулова 2019]. О становлении в 1920-е гг. нового типа эмансипированного зрителя размышляет Е.А. Богатырева [Богатырева 2016].

Публика в России: из истории складывания и трансформации

История складывания публики как социально-культурной общности в России характеризуется рядом особенностей. К их числу следует отнести длительное сохранение сословных иерархических структур, определявших не только культурные ценности различных сословных групп, но и недоступность сферы «высокой» культуры для большинства населения страны. Так, низшие сословия, составлявшие большинство населения, практически не имели доступа к образованию, были лишены возможности свободного передвижения. В результате реформ Петра I, направленных на европеизацию страны, в России произошел культурный раскол общества. Возникла культура дворянской элиты, доступа к которой большая часть народа не имела [Ионов 2003, с. 170–171].

В XIX – начале XX в. очень медленно, но все же шло расширение российской культурной публики за счет роста числа образованных людей (чаще из числа разночинцев). Однако революция 1917 г. стала новым шоковым сценарием для развития российской публики как культурно-исторической общности. Культурные ценности элиты периода Российской империи оказались в оппозиции и подавлялись культурными ценностями массового общества, возникающими и поддерживаемыми властью в новой России.

Публика советских государственных праздников

Созданная в советское время система государственных праздников призвана была решать задачи как воспитательные, педагогические, так и политические и идеологические. В связи с этим в проводимых мероприятиях ставка делалась на массовое участие, и при этом не оставались без внимания их зрители, публика.

Государственные праздники как политические ритуальные акты (повторяющиеся, запрограммированные, срежиссированные, традиционные) играли роль «поля коммуникативных практик» [Романов 2000], на котором порождаются политические дискурсы. В ходе праздничных мероприятий помимо вербальных знаков дискурса – речей политиков и государственных деятелей, использовались невербальные знаки – флаги, плакаты, портреты, декорации и т. д.

Это способствовало концентрации чувства патриотизма и коллективной самоидентификации участников и зрителей. Эмоциональное, приподнятое настроение, создаваемое различными приемами, давало ощущение радости, удовлетворенности. Как и любое другое зрелище, праздники имели своего зрителя.

Рассматривая публику торжеств, проводившихся в первые десятилетия советской власти, следует обратить внимание на ее неоднородность. В связи с этим одной из целей была попытка наладить коммуникацию власти и общества, хотя она и носила в большей степени иллюзорный характер.

Еще в 1919 г. в отделе театра и зрелищ Наркомпроса для подготовки к празднованию 1 мая 1920 г. была создана Секция массовых представлений и зрелищ. Э. Шуб, в будущем советский режиссер, монтажер, вспоминала, что в этой секции разрабатывались сценарии проведения массовых праздников, в том числе на открытом воздухе, с участием актеров, певцов, оркестра, хора. Уже тогда целью ставилось вовлечение широких народных масс зрителей в ход действия¹. Сценарии масштабных празднеств в дни революционных праздников, подготовленные Секцией массовых представлений и зрелищ ТЕО в 1920-е гг., подразумевали вовлечение в праздничные мероприятия «широких народных масс не равнодушных и безучастных зрителей..., а живую толпу... Эта толпа... сама становится и участницей, и зрительницей»².

По определению наркома просвещения А.В. Луначарского, народные празднества стали «главным художественным порождением революции», что было следствием, по его словам, порождением «подлинной демократии». Чтобы чувствовать себя, «массы должны внешне проявить себя», и при этом «они сами являются для себя зрелищем», – утверждал он³.

Описывая новые советские праздники, А.В. Луначарский полагал, что когда массы организованно проходят под музыку, танцуют, поют хором и демонстрируют гимнастические упражнения, придавая народным шествиям идеологическую сущность, выражая «надежды, проклятия и всякие другие эмоции народа», тогда и «остальные, неорганизованные массы», наполняющие улицы и площади городов и деревень в дни праздников, равняются на организованную часть населения, таким образом: «весь народ демон-

¹ См.: *Шуб Э.* Крупным планом // Шуб Э. Жизнь моя – кинематограф. М., 1972. С. 45.

² Диспут о массовом действе // Вестник театра. 1920. № 49. С. 5–6.

³ *Луначарский А.В.* О народных празднествах // Луначарский А.В. О массовых празднествах, эстраде и цирке. М.: Искусство, 1981. С. 84–89.

стрирует сам перед собой свою душу»⁴. Тем самым Луначарский заявлял, что зритель и участник представляют единое целое, если праздник правильно выстроен как идеологически, так и организационно.

Позже, в 1925 г., он подчеркивал, что в ходе праздника «движущаяся толпа должна представлять собой зрелище для толпы, стоящей на тротуарах и смотрящих из окон»⁵.

Изучение массовых праздников не ограничивалось только приемами и методами их проведения. Важной составляющей частью стало обращение к непосредственному зрителю. А.И. Пиотровский – один из организаторов первых праздничных мероприятий, – анализируя достоинства и недостатки проведения праздников в 1920 г., ставит вопрос о взаимоотношениях «зрителей и актеров в празднестве»⁶.

Делая упор на «массовом действе» как наиболее подходящей форме праздника для пролетарского зрителя, советский художник и теоретик искусства Алексей Ган утверждал в 1922 г., что пришло время избавляться от театральной культуры прошлого. Отдавая приоритет новой, «чистой» форме «массового действия», Ган провозглашал единство зрителей и актеров⁷.

Интерес представляет описание работы Первого театра РСФСР над изучением в 1920–1921 гг. нового зрителя и вовлечением его в театральное действо, хотя и не законченное в связи с закрытием театра. Проводившееся в театре анкетирование зрителей дает представление, в частности, о смешанном социальном составе зрителей этого театра. Большинство театральной аудитории (из 2000 опрошенных) состояло из рабочих, красноармейцев, советских служащих, партийных работников, а также учителя, курсанты, интеллигенция с высшим и средним образованием. Первое место по количеству занимали рабочие. Размышления о «новом зрителе», его вкусах, реакциях на театрально-революционные опыты 1920-х гг. приводили к выводу о неоднородности зрительской аудитории, дифференциация ее по степени ее сознательности и восприимчивости революционной культуры: «Правая часть зрительного зала объединяется в общем негодовании против революции, наступающей публику даже в театре. При этом наблюдается ...и повышенная

⁴ Там же.

⁵ См.: *Луначарский А.В.* К участию в празднике привлечь массы // Луначарский А.В. О массовых празднествах, эстраде и цирке. С. 124–125.

⁶ *Пиотровский А.И.* Празднества 1920 года // Пиотровский А.И. За советский театр. Л.: Academia. 1925. С. 17.

⁷ См.: *Ган А.* Борьба за «массовое действо» // О театре. Тверь, 1922. С. 49–81.

эмоциональность, находящая выход в грубых и гневных окриках по адресу автора и исполнителей»⁸.

Однако пролетариат, по мнению Б.И. Арватова, одного из основателей «Левого фронта искусств (ЛЕФ)», нуждался в другом типе театра, в отличие от «станкового» театра с закрытой сценой. Театр должен был уйти от камерных спектаклей к рабочим гуляниям, передвижным труппам на улицах и площадях городов⁹.

Современники указывали на отличительные особенности зрителя таких массовых празднеств от театрального зрителя. В отличие от последнего, зритель массового праздника, демонстрации, которое вынесено на улицу, не только наблюдает за действием. Толпа зрителей неоднородна, не ограничена в размерах: она может уменьшаться или увеличиваться в зависимости от того, сколько желающих соберется «посмотреть» на демонстрацию. Состав зрителей не только не постоянен, но он и ничем не связан в своем поведении. При этом случайный зритель наиболее эмоционален в своем восприятии происходящего, в отличие от зрителя театрального. Вливаясь в ряды демонстрантов, «присоединяясь к их играм и развлечениям, подтягивая песню, отбивая такт, заговаривая и обмениваясь шутками с актерами передвижной площадки, он стирает грань между зрителем и действующим и превращается непосредственно в активного участника шествия»¹⁰. В связи с подвижностью состава зрителей сложности вызвала важнейшая задача его учета.

Особенность восприятия зрителем политических ритуалов зависела, в первую очередь, от его социального облика, возраста, пола и т. д. Методисты, занимавшиеся изучением праздников, отмечали: «Ясно, что партиец или комсомолец будут совершенно иначе реагировать на зрелище демонстрации, чем высококвалифицированный “спец” или нэпман. Девушка в красном платочке – работница с фабрики “Скороход”, или шустрый малец с пионерским галстуком, побегут за авто, разбрасывающим листовки, прицепятся к раскрашенному трамваю, вмешаются в толпу играющих, поющих демонстрантов, в то время как котиковое манто будет жаться к стенкам домов». Зритель, чуждый духу массового праздника, и останется только зрителем, он не замешается в яркую, живую толпу праздника. Эта категория включает наибольший процент случайного

⁸ Загорский М. Театр и зритель эпохи революции: (из черновых набросков по анкетным материалам Первого театра РСФСР) // О театре. С. 102–112.

⁹ См.: Арватов Б. Театр как производство // О театре. С. 113–122.

¹⁰ См.: Сулович Р.Р. Зритель массового праздника // Массовые празднества: сборник комитет социологического изучения искусств. Л.: Academia, 1926. С. 191.

зрителя, вышедшего «пофланировать» Первого мая, а уж, кстати, и посмотреть на демонстрацию. Иное дело тот зритель, который еще с раннего утра толпится у места сбора и по углам маршрутных улиц. Эти зрители стараются найти наиболее выгодное для просмотра место, и это их объединяет. Восприятие зрителя зависит и от погодных условий: в хорошую, солнечную погоду «зритель идет особенно густо, праздничное настроение обеспечено». Это характерно, по большей части, Первомайскому празднику. В дни октябрьских демонстраций, в ноябре погода могла быть совершенно не подходящей для зрителя: дождь, снег, сильный ветер и даже «чересчур сильный мороз». Так, в 1925 г. «поднявшийся ветер и снег часам к двум разогнал значительную часть собравшихся зрителей»¹¹. При этом движение колонн не было остановлено, что свидетельствовало о разнице в поведении «организованных» колонн демонстрации и ее зрителей.

Еще одним фактором, способствовавшим привлечению большего числа зрителей, была топография городского пространства. Широкие улицы, перекрестки центральных улиц, площади, на которых мест для зрителей было достаточно, и они не были оцеплены милицией, а открыты для желающих, привлекали больше публики.

Зритель собирается и в тех местах, где происходит что-то интересное: около оркестра, у повозок и автомобилей с различными установками, имитировавшими различные средства производства: от типографских станков до доменных печей¹².

Желание привлечь большое число зрителей постоянно подталкивало партийных и государственных деятелей к привлечению все большего числа зрителей и участников.

А.В. Луначарский рассказывал о неосуществленном замысле сценария массового действия на празднике Третьего Интернационала на Красной площади в Москве (режиссер Марджанов), который предполагал 50 000 зрителей¹³.

Советским государственным аппаратом был создан действенный институт государственного регулирования массово-развлекательных мероприятий, посвященных 1 мая, революционным годовщинам и юбилеям. Агитпропотдел ЦК ВКП(б), научно-методическое общество «Международный красный стадион», Сектор искусств и массовых мероприятий Наркомата просвещения и Культсектора ВЦСПС, секция массовой художественной работы, главное управление по делам художественной литературы и искусства

¹¹ Там же. С. 191–192.

¹² См.: *Сулович Р.Р.* Указ. соч. С. 193.

¹³ См.: *Луначарский А.В.* Праздник революции // Луначарский А.В. О массовых празднествах, эстраде и цирке. С. 92.

Наркомата просвещения РСФСР (Главискусство), Государственный институт истории искусств (ГИИИ) занимались разработкой методических рекомендаций, готовили кадры массовиков-организаторов парадных шествий и демонстраций. Немаловажное значение имела деятельность этих организаций по привлечению к праздничным мероприятиям широких масс населения. Так, например, Государственная академия художественных наук в Москве, занимавшаяся вопросами изучения театральной деятельности, в 1928 г. отчитывалась на страницах Бюллетеня ГАХН о мероприятиях по ознаменованию десятилетия Октября. Среди групп и секций современного театра, революционного театра и других отделов работала и комиссия по изучению зрителя, которая проводила анкетирование зрителей, разных категорий трудящихся, анализировала записи реакции зрителей, записанных группой обследователей¹⁴. Аналогичные опросы зрителей и участников проходили среди участников демонстраций.

В 1926 г. Е. Рюмин, анализируя прошедший 1–2 мая праздник на Каланчевской площади в Москве, отмечал, что по самому минимальному подсчету в два вечера на постановке присутствовало до 70–80 тыс. зрителей. Интересен расчет исследователя – исходя из расчета три человека на один квадратный аршин¹⁵. Критикуя проведенную массовую постановку, несмотря на высокую оценку красочности зрелища, Рюмин обращал внимание на отсутствие в ходе праздника энтузиазма, активности зрителей, «соиграния», сотворчества их с актерами. Он утверждал, что массы уже не удовлетворены пассивной ролью зрителя, а хотят участвовать, при этом «растворяясь в коллективе участников зрелища». Именно в этом заключался в представлении организаторов массовых праздников путь, по которому должен пойти массовый театр. От массового зрелища праздники должны были перейти к массовому действию-празднеству. Из этого вытекали следующие задачи: перейти от «неорганизованных толп зрителей, от “ходьнки” – к массам зрителей-соучастников, организованных в коллективы»¹⁶.

Степень воздействия праздничного ритуала на зрителей была усилена за счет его художественно-эстетического оформления, которое находилось под пристальным вниманием и регулировалось государственными и партийными органами. Таким образом у зрителей в ходе праздника формировались общественные эмоции.

¹⁴ См.: Бюллетень ГАХН. 1927/28. № 10. С. 37.

¹⁵ См.: Рюмин Е. Первое мая на Каланчевской площади // Советское искусство. 1926. № 6. С. 65.

¹⁶ Там же. С. 67.

Неотъемлемой частью советских государственных праздников были красочно оформленные массовые гимнастические выступления физкультурников. Это оказывало неизгладимое впечатление как на самих граждан, так и на зарубежных корреспондентов, освещавших события праздника. Построения спортсменов создавали у зрителей праздника особое психологическое состояние, формирующееся за счет быстрых переходов от устойчивости к неустойчивости. Организованность и оптимизм формировались через динамично организованное и активное построение, движения участников в этом случае были энергичны и строго выверены. Неорганизованные построения, напоминавшие толпу, могли, наоборот, вызвать смтение. Пристальное внимание власти к физкультурным парадом обосновывалось партийными теоретиками тем, что физические упражнения и движения «широко могут быть использованы... для зрелищ как массового развлекающего характера, так и агитационного и даже пропагандистского» так, как «с помощью физических движений можно с успехом выразить почти всякую идею, придавая ей живую наглядную форму»¹⁷.

Массовые шествия трудящихся демонстрировали стремление советского государства внушить зрителю чувство единения каждого с народом.

Расширению круга зрителей праздничных мероприятий способствовал кинематограф.

Эффективность идеологического воздействия на массы во многом зависела от создания унифицированного пространства коммуникации, простирающегося на всю территорию страны, в котором важную роль играли радио и кино.

В дни государственных праздников стали активно использоваться возможности радиовещания. Радиотрансляции с праздничных демонстраций начинаются в 1920–1930-е гг. Эти трансляции стали значимой и наиболее распространенной формой воздействия на общественное сознание. В отличие от печатных средств массовой информации и пропаганды – газет и журналов – радио имело значительно больше возможностей воздействовать на аудиторию: отсутствовал барьер уровня грамотности, стирались географические границы, усиливалась вовлеченность слушателей. Радиовещание на центральных площадях городов и деревень непроизвольно привлекало внимание слушателей и заставляло вслушиваться в содержание передач, формировало желание соучастия «в деле социалистического строительства». Регулярное и одновременное прослушивание одних и тех же программ разными людьми формировало их общность.

¹⁷ Массовые гимнастическо-спортивные инсценировки / Под общ. ред. М.Г. Собецкого. Л., 1924. С. 4.

Первый радиорепортаж с праздничного парада и демонстрации трудящихся на Красной площади в Москве состоялся 7 ноября 1925 г. Огромное впечатление оказали на слушателей не только выступления с трибуны Мавзолея М.И. Калинина, К Цеткин и др., но и звуки оркестров и приветствий колонн¹⁸.

Сохранившаяся в Государственном архиве РФ программа Первомайских радиопередач 1 мая 1930 г. дает представление о содержании вещания в праздничные дни. В 9 часов начиналась прямая трансляция демонстрации с Красной площади, из районов и с улиц столицы. Предполагалось сообщать и о заторах во время прохождения колонн, что должно было свидетельствовать о массовости праздничного шествия. Репортеры с микрофонами в руках непосредственно с улиц городов сообщали слушателям всей страны о царившем на улицах праздничном настроении горожан. Диктор должен был детально представить и «картинку» праздничной Москвы: как выглядит город с аэростата, как движутся колонны демонстрантов, конница, войска, танки, автомобили. Трансляция прерывалась на всесоюзную переключку демонстрантов из разных городов¹⁹.

В 1930-е гг. появился новый жанр – радиofilm, отличительными чертами которого стали рельефность, изобразительность и живописность аудиовпечатлений. Среди первых советских радиofilmов для истории массовых праздников представляет интерес «Великий день», посвященный празднованию в стране первомайских торжеств 1932 г.

Звуковой и зрительный ряд революционных праздников довольно скоро оказался перенесенным и на киноэкраны. Идеологический посыл советского кинематографа отразился в фильмах, которые в той или иной степени затрагивают тему праздничных парадов и демонстраций в повседневной жизни советского человека. Уже первомайские торжества 1918 г. были сняты Петроградским кинокомитетом.

Основной акцент в культурно-революционном кинематографе был сделан на неигровое кино. В 1920-е гг. в кинематографе начинает складываться новый жанр – историко-революционная эпопея. Так, например, снятое режиссером Б. Светловым в 1920 г. театрализованное действо «Взятие Зимнего дворца» (в постановке Н. Евреинова) давало возможность увидеть его не только участникам и присутствующим свидетелям, но и гораздо более широкому кругу зрителей. Фильмы этого жанра должны были вызывать эмоциональный отклик общества на революцию как на праздник,

¹⁸ См.: Радио – всем. М., 1925, № 4–5. С. 67.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-4346. Оп. 1. Д. 452. Л. 26.

формировать у зрителя восприятие исторического события в версии заданного идеологического сценария.

В дальнейшем праздничные демонстрации и парады нашли отражение в ряде документальных фильмов Э. Шуб: «Великий путь» (1927 г.), «Сегодня» (1929–1930). «Великий путь», снятый к десятилетию Октябрьской революции, построенный также по методу монтажа подлинной кинохроники 1917–1927 гг., был показан массовому зрителю в ноябре 1927 г. Первые советские демонстрации и парад физкультурников 1924 г. были продемонстрированы таким образом, чтобы зритель успел запомнить события. Красочный парад физкультурников показан и в художественном фильме Г. Александрова «Цирк» (1936 г.).

Во второй половине 1930-х гг. для распространения информации и пропаганды парадов кинокамеру стали использовать активнее. Кинохроника, запечатлевшая физкультурный парад на Красной площади в Москве 24 июля 1938 г., вошла в документальный фильм «Цветущая молодость», который ежедневно демонстрировался в «Новостях» в 15 кинотеатрах Москвы. С учетом того, что кинохроника обязательно предвляла показ всех художественных фильмов, зрительская аудитория была весьма значительной.

Заключение

Советские государственные праздники в раннесоветском обществе использовались как один из важных и эффективных механизмов коммуникации.

Театрализованные постановки на улицах и площадях советских городов, шествия и демонстрации трудящихся масс привлекали внимание населения. Анализ массовых государственных праздников, изучение зрителей и их реакции на увиденное способствовали трансформации сценариев праздников. Зритель превращался из стороннего наблюдателя в непосредственного участника. Привлечение публики к участию в массовых праздничных мероприятиях, в том числе и спортивных, способствовало формированию чувства коллективизма и социальной идентичности.

Важнейшие идеи, мысли, соображения, связанные с праздником, переживались и осваивались участниками и зрителями, становясь со временем их идеями и превращая их в социально-культурную общность – «публику» праздничных мероприятий.

В процессе коллективного переживания праздника люди испытывали наибольший эффект сопричастности не только

по отношению к конкретному мероприятию, но и к событию, которое стало причиной праздника.

Научные работы государственных и общественных организаций по изучению праздничных практик свидетельствовало о том, что власть придавала большое значение праздникам как способу идеологического воспитания советского общества. Особый интерес представляют проведенные исследования зрительского восприятия праздников, дававшие власти материал для критического осмысления собственной деятельности.

Радио и кинематограф стали новыми коммуникативными технологиями, которые давали возможность максимальному числу слушателей и зрителей почувствовать атмосферу праздника, расширяя тем самым праздничную аудиторию и способствуя социально-политической консолидации общества вокруг новых ценностей.

Литература

- Богатырева 2016 – *Богатырева Е.А.* Публика в зеркале кинопрессы 1920-х годов // Университетский научный журнал. 2016. № 25. С. 26–32.
- Загребина 2010 – *Загребина А.В.* Публика как социальная общность: пионерские исследования Г. Тарда // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 139–145.
- Ивинских 2019 – *Ивинских Г.П.* Сценические трансформации и проблемы художественной рецепции на рубежах XIX–XX и XX–XXI вв. // Культура и искусство. 2019. № 8. С. 11–19.
- Ионов 2003 – *Ионов И.Н.* Российская цивилизация. М.: Просвещение, 2003.
- Лосева-Демидова 2010 – *Лосева-Демидова Е.С.* Отечественные и западные социологические подходы к определению понятия публики // Поиск. 2010. № 4. С. 19–27.
- Московских 2019 – *Московских Н.С.* Активизация зрителей театрализованных представлений // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2 (39). С. 176–180.
- Романов 2000 – *Романов А.А., Романова Е.Г., Воеводкин Н.Ю.* Имя собственное в политике: язык власти и власть языка. М., 2000. 112 с.
- Сапаров 2009 – *Сапаров И.М.* Эволюция публики в контексте театрально-зрелищной культуры России (историко-культурный анализ) // Известия российского государственного педагогического университета им. Герцена. 2009. № 117. С. 346–351.
- Хренов 2010 – *Хренов Н.А.* Публика в фокусе истории и теории коммуникации // Историческая психологии и социология истории. 2010. № 1. С. 97–117.
- Хренов 2018 – *Хренов Н.А.* «Человек играющий» в отечественном варианте: зрелищно-игровая стихия в ситуации перехода к культуре чувственного типа // Наследие М.М. Бахтина: культура – наука – образование –

творчество. М.: Ин-т художественного образования и культурологии РАО, 2018. С. 271–303.

Хренов 2022 – Хренов Н.А. Теория аудитории медиа: публика в истории культуры. М.: Юрайт, 2022. 411 с.

Хубулова 2019 – Хубулова С.А. Становление нового театра в условиях революции и гражданской войны на Тереке // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15. № 1. С. 22–27.

References

Bogatyreva, E.A. (2016), “The audience in the mirror of the film press in 1920s”, *Universitetskii nauchnyi zhurnal*, no. 25, pp. 26–32.

Zagrebina, A.V. (2010), “Public as a social community. Pioneering studies by G. Tarde”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 139–145.

Ivinskikh, G.P. (2019), “Scenic transformations and issues of artistic reception at the turn of the 19th – 20th and 20th – 21st centuries”, *Kul'tura i iskusstvo*, no. 8, pp. 11–19.

Ionov, I.N. (2003), *Rossiiskaya tsivilizatsiya* [Russian civilisation], Prosveshchenie, Moscow, Russia.

Loseva-Demidova, E.S. (2010), “Russian and western sociological approaches to the determination of the concept of the public”, *Poisk*, no. 4, pp. 19–27.

Moskovskikh, N.S. (2019), “Activization of spectators in theatrical performance”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, vol. 39, no. 2, pp. 176–180.

Romanov, A.A., Romanova, E.G. and Voevodkin, N.Yu. (2000), *Imya sobstvennoe v politike: yazyk vlasti i vlast' yazyka* [Proper name in politics. The language of power and the power of language], Moscow, Russia.

Saparov, I.M. (2009), “Evolution of the public in the context of the theatrical entertainment culture of Russia (historical and cultural analysis)”, *Izvestiya rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. Gertsena*, no. 117, pp. 346–351.

Khrenov, N.A. (2010) *Publika v fokuse istorii i teorii kommunikatsii* [The public in the focus of the history and theory of communication], *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, no. 1, pp. 97–117.

Khrenov, N.A. (2018), “ ‘Man playing’ (Homo Ludens) in the National Russian version. Spectacular-game element in the situation of transition to sensual type culture”, in *Nasledie M.M. Bahtina: kul'tura – nauka – obrazovanie – tvorchestvo*, Institut khudozhestvennogo obrazovaniya i kul'turologii RAO, Moscow, Russia, pp. 271–303.

Khrenov, N.A. (2022) *Teoriya auditorii media: publika v istorii kul'tury* [Media audience theory. The audience in cultural history], Urait, Moscow, Russia.

Khbulova, S.A. (2019), “Formation of a new theater in the conditions of revolution and civil war on the Terek”, *Istoriya, arkheologiya i etnografiya Kavkaza*, vol. 15, no. 1, pp. 22–27.

Информация об авторе

Елена В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; barysheva.ev@gmail.com

ORCID ID 0009-0007-5853-6456

Information about the author

Elena V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; barysheva.ev@gmail.com

ORCID ID 0009-0007-5853-6456

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

УДК 069

DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-71-88

Музеи малых городов России: особенности медиации локальной истории

Людмила Н. Мазур

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
Екатеринбург, Россия, LN.Mazur@urfu.ru*

Аннотация. Музей функционирует как институт памяти, конструирующий образы прошлого и транслирующий их новым поколениям. Они опираются на научные представления, социальный заказ и запросы посетителей, т. е. они отличаются от исторической реальности. Этот процесс определяется термином «медиация», который соотносится с понятиями «коммуникация» и «интерпретация».

С учетом специфики музея (исторические, мемориальные, художественные), особенностей медиации, образы прошлого имеют свои различия и дополняют друг друга, конструируя уникальный образ места. Особую роль в этом процессе играют историко-краеведческие музеи, нацеленные на комплексное моделирование и презентацию локального прошлого.

Образ локальной истории, создаваемой историческими музеями, отражен в экспозиции и обладает некоторыми особенностями. Он имеет пространственно-временное измерение, нередко дополненное «действием» (интерактивность), а также характеризуется абстрактностью и условностью, что непосредственно связано с языком описания (научный и/или литературный). Современная тенденция характеризуется активной визуализацией и мифологизацией исторического образа, что особенно характерно для музеев малых городов.

Статья основана на материалах историко-социологического обследования 12 малых городов России с использованием методов интервью, наблюдения, ментальных карт (грант РНФ № 21-18-00418 «Музей малого города: множественность культур памяти»). Программа включала изучение не только музеев (государственных, муниципальных, школьных, домашних, народных, частных), но и архивов, библиотек, СМИ, т. е. всех

© Мазур Л.Н., 2023

институтов памяти. Такой комплексный подход позволил уточнить специфику музейного «жанра» меморизации.

Ключевые слова: музейная медиация, образ прошлого, историческая память, малый город, краеведческий музей, музейная экспозиция.

Статья поступила в редакцию 28 апреля 2023 г.,
принята к публикации 12 мая 2023 г.

Для цитирования: Мазур Л.Н. Музеи малых городов России: особенности медиации локальной истории // История и архивы. 2023. Т. 5. № 3. С. 71–88. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-71-88

Museums of small towns in Russia. Features of local history mediation

Ludmila N. Mazur

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia, LN.Mazur@urfu.ru*

Abstract. The museum functions as an institution of memory, constructing images of the past and transmitting them to new generations. They are based on scientific ideas, social order and visitor requests, i.e. they differ from historical reality. This process is defined by the term “mediation”, which correlates with the concepts of “communication” and “interpretation”.

Taking into account the specifics of the museum (historical, memorial, art), the features of mediation, the images of the past have their own differences and complement each other, constructing a unique image of the place. A special role in this process is played by local history museums aimed at comprehensive modeling and presentation of the local past.

The image of the local history created by historical museums is reflected in the exposition and has some specifics. It has a space-time dimension, often supplemented by “action” (interactivity), and is also characterized by abstractness and conventionality, which is directly related to the language of description (scientific and / or literary). The current trend is characterized by active visualization and mythologization of the historical image, which is especially typical for museums in small towns.

The article is based on the materials of a historical and sociological survey of 12 small towns in Russia using interview, observation, mind map methods (RSF grant No. 21-18-00418 “Museum of a small town. The multiplicity of cultures of memory”). The program included the study of not only museums (state, municipal, school, home, folk, private), but also archives, libraries, media, i.e. all institutions of memory. Such an integrated approach made it possible to clarify the specifics of the museum “genre” of memorization.

Keywords: museum mediation, image of the past, historical memory, small town, local history museum, museum exposition

The article was submitted 28.04.2023;

accepted for publication 12.05.2023.

For citation: Mazur, L.N. (2023), "Museums of small towns in Russia. Features of local history mediation", *History and Archives*, vol. 5, no. 3, pp. 71–88, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-71-88

Введение

Джеффри Олик выделяет четыре составных элемента процесса формирования памяти – «поля, средства передачи, жанры и профили», которые он определяет как разные способы структурирования меморативных практик. В совокупности они формируют исторические образы, постоянно меняющиеся и «несводимые ...к событию в прошлом» [Олик 2012, с. 68]. Образы различаются множественностью, разнообразием и зависят от носителя и создателя их.

К «жанрам» формирования памяти можно отнести три основные институции – архивы, библиотеки и музеи, которые не только отвечают за сохранение историко-культурного наследия, но и «производят» свои образы прошлого (документальный [Козлов 2017; Мазур 2018], книжный [Терновая 2016], музейный [Мазур 2022]). Особое место в этом процессе отводится музеям, которые в условиях визуальной культуры неуклонно эволюционируют в сторону публичных учреждений медиативного профиля.

Музей – это институциональное образование, выполняющее множество функций, в том числе сохранения памяти и формирования культуры, обеспечивая целостное понимание себя и окружающей действительности, т. е. идентичность. Музеи помогают интерпретировать и осваивать историко-культурное наследие, решать вопросы социальной и культурной адаптации [Мастеница 2006]. По мнению Г. Белтинга, музей представляет собой особое пространство, отличное от реального и обладающее эффектом зеркального отражения [Белтинг 2002, с. 14]. Этот процесс получил название медиация.

Понятие медиации появляется в культурной сфере в 1960-е гг., параллельно шло его философское осмысление¹. В 1980-х гг. оно было включено в профессиональный словарь музееведения, где определяется как «посредничество», «промежуточное звено», но чаще соотносится с терминами «коммуникация» и «интерпретация»².

¹ «Медиация» является центральным понятием в философии Поля Рикёра. См., например: [Рикёр 1995].

² Ключевые понятия музееологии / Сост. А. Desvallées, F. Mairesse; пер. на рус. яз. А.В. Урядниковой. Р.: Armand Colin, 2010. С. 38–40.

Медиация в музейном пространстве – это процесс взаимодействия между посетителями музея и музейными предметами, представленными в экспозиции, т. е. особая форма коммуникации на пересечении основных направлений музейной деятельности: научно-фондовой, исследовательской, экспозиционной и просветительской [Никонова 2015].

Можно выделить два уровня музейной медиации [Синицына 2017]:

- прямая / непосредственная медиация – процесс взаимодействия посетителей музея с музейными экспонатами и выставками путем наблюдения;
- непрямая / опосредованная медиация, предполагающая, что между посетителем и музейными коллекциями в качестве посредника в общении участвует медиатор – это тот, кто сообщает информацию о музейной экспозиции, придавая ей дополнительные смыслы. Прежде всего гид/экскурсовод, также это могут быть каталоги, указатели, буклеты, аудиогиды и пр.

Особую нагрузку несет исторический музей, он конструирует и транслирует посетителям локальный исторический образ, вписанный в глобальную историю. В музее благодаря процессу медиации посетитель соприкасается с прошлым, усваивая информацию и образы музейных экспозиций.

Музейная экспозиция в контексте медиации

Экспозиция является основной формой презентации историко-культурного наследия и может быть определена как искусственно созданная предметная среда, имеющая научный характер и обладающая образной структурой. Не случайно в конце XX в. экспозиция стала рассматриваться музейоведами как специфический вид искусства [Майстровская 1997].

Экспозиция представляет собой музейное пространство, которое доступно посетителю и которое участвует в различных формах музейной коммуникации, становясь посредником между музеем и публикой. Одновременно экспозиция является пространством пересечения интересов и представлений различных участников культурной коммуникации – работников музея (хранителя, научного сотрудника, экспозиционера, экскурсовода) и посетителей [Мастеница 2006]. Результатом музейной медиации становится формирование у посетителя личностного отношения к прошлому, эмоциализация и субъективизация исторических представлений, носящих преимущественно рациональный характер. Этот уровень восприятия прошлого часто соотносится с «прикосновением»

к истории, «погружением» в прошлое. Яркость и интенсивность ощущений напрямую зависит от качества медиации и компетентности медиатора, который должен владеть научной информацией, обладать талантами актера и рассказчика, чтобы донести до посетителя музея и смыслы, и эмоцию.

Экспозицию можно определить как предметную модель прошлого, которая создается на основе определенных правил и методов с использованием вещественных «знаков» (музейных предметов) и формируется с помощью «образов». Экспозиция презентует отсутствующие в настоящем объекты или события, опираясь на научные представления, социальный заказ и создавая образы прошлого («музейная реальность»), которые не тождественны исторической реальности.

«Музейная реальность» одновременно фрагментарна и целостна. Фрагментарность является следствием комбинирования музейных предметов, отражающих отдельные стороны исторической реальности. Целостность этой мозаике придает концептуальное видение прошлого (исторических событий, процессов). Создаваемый в итоге образ прошлого представляет собой вариант его интерпретации, точность и достоверность которого зависит от совокупности внешних/объективных (политико-идеологических, социальных, научных и экономических) и внутренних/субъективных факторов. К числу последних относится историческое воображение участников медиации, что делает возможным творческое восприятие созданного музейного образа. Обращаясь к прошлому, музей творит свою историческую реальность на основе представленных в фондах музея материальных остатков.

Музейный образ прошлого («музейная реальность») опирается на проверенные научные практики оценки подлинности и ценности музейных артефактов, их атрибуции и интерпретации, а также на технологии коммуникации, учитывающие психологию посетителя и особенности восприятия информации. Современные тенденции развития музея как публичного института постепенно трансформируют научную базу музея в сторону усиления различных форм зрелищности. В результате, как отмечает М.Ф. Румянцева, «музейная история обретает самостоятельность в репрезентации истории» [Румянцева 2015, с. 75], что позволяет говорить о музейной культуре памяти.

Предметная (музейная) модель прошлого имеет свои пространственно-временные характеристики, которые соответствуют законам восприятия. Большинство посетителей осматривают экспозицию «по кругу», двигаясь по часовой стрелке. Время осмотра экспозиции не превышает двух часов. За это время посетитель «проживает» жизнь героя, историю города или страны, конкретное событие.

Е.А. Розенблум выделил следующие особенности музейной модели прошлого: здесь время имеет два измерения (прошедшее и настоящее), что позволяет почувствовать одновременно причастность к событию и оценить его значимость с позиций сегодняшнего дня. Другая особенность связана с разработкой такой пространственной структуры экспозиции, чтобы почувствовать динамику и масштаб событий [Розенблум 1996, с. 183–184]. В последние годы в дополнение к пространственно-временным характеристикам экспозиции добавилось еще «действие» (демонстрация обычаев, обрядов, хозяйственных практик, организация праздников), в результате чего статичная модель прошлого оживает.

По мнению В. П. Арзамасцева, характерной чертой музейной модели прошлого выступает ее абстрактность и условность, поскольку она основывается на научных исследованиях, воплощается в предметной форме и является знаковой, символичной [Арзамасцев 2000, с. 33]. Образная природа музейной экспозиции, несмотря на употребление в диалоге с посетителями научных понятий, тяготеет к литературному нарративу, что в свою очередь способствует мифологизации музейной истории [Нагорский 2004, с. 71–72].

Локальный образ «места» связан с репрезентацией не только значимых для данной территории событий, но и населен участками этих событий (реальными и мифическими), что придает ему уникальность. Может быть, поэтому мемориальные экспозиции и/или музеи пользуются особой популярностью у посетителей [Именова 2015].

Особенности медиации в исторических музеях малого города

Глубина, достоверность и оригинальность образов прошлого, формируемых историческими музеями, непосредственно зависят от категории музея, богатства и разнообразия музейных фондов, квалификации сотрудников. В наиболее сложной ситуации находятся музеи малых городов, особенностью которых являются ограниченность музейных фондов, отсутствие или незначительное число артефактов, относящихся к категории «особо ценных», проблемы с выставочными помещениями, а также с финансированием. В целом провинциальный музей сосредоточен на решении образовательных и воспитательных задач, преимущественно ориентирован на работу со школьниками, отодвигая научные функции на второй план.

В рамках реализации научного проекта «Музей малого города: множественность культур памяти» было проведено обследование

12 малых городов России и их музейной сети. В выборку вошли поселения с населением до 50 тыс. – Вытегра (Вологодская обл.), Данилов (Ярославская обл.), Инта (республика Коми), Котельнич (Кировская обл.), Качканар (Свердловская область), Красноуфимск (Свердловская обл.), Мариинск (Кемеровская обл.), Медногорск (Оренбургская обл.), Петровск-Забайкальский (Забайкальский край), Пущино (Московская обл.), Тихвин (Ленинградская обл.), Трубчевск (Брянская обл.). Параллельно с историко-социологическим обследованием отобранных городов была создана БД, в которой учтено 1113 музейных учреждений преимущественно государственной и муниципальной формы подчиненности.

Табл. 1 дает представление о динамике формирования и структуре музейной сети малого города. Стандартный набор музейных учреждений малого города включает 1–2 муниципальных или государственных музея – это чаще всего исторический и/или краеведческий, реже – мемориальный, все чаще встречаются фольклорно-тематические и художественные музеи, особенно в городах, расположенных на популярных туристских маршрутах³. Помимо государственных и муниципальных музеев, изучались также школьные, корпоративные, народные музеи, которые дополняют и уточняют музейный пейзаж и позволяют говорить о музейной сети малого города.

Таблица 1

Распределение музеев малых городов РФ
по виду и времени основания*

Виды музеев	Время основания					Итого, ед. / %
	XVIII – начало XX в.	1918– 1920-е гг.	1930-е – 1950-е гг.	1960-е – 1991 гг.	1992– 2022 гг.	
Краеведческие, историко-краеведческие	24	56	34	272	122	508/45,6
Исторические	4	8	5	62	123	202/18,1
Мемориальные	3	2	8	36	35	84/7,5

³ Согласно принятым Министерством культуры рекомендациям, в городском округе должен быть один краеведческий и один тематический музей, в муниципальном районе и городском поселении – по одному краеведческому музею. См., например: [Бекленищева 2022].

Окончание табл. 1

Тематические	0	0	0	3	77	80/7,2
Художественные	2	7	1	24	37	71/6,4
Корпоративные	2		1	17	18	38/3,4
Естественно-научные	1	1	0	9	22	33/3,0
Историко-архитектурные ансамбли	5	8	1	12	6	32/2,9
Музеи народных промыслов и быта	0	0	1	6	25	32/2,9
Истории науки и техники	0	1	0	6	17	24/2,2
Литературные	0	1	1	1	3	6/0,5
Истории спорта	0	0	1	1	1	3/0,3
Всего, ед. / %	41/3,7	84/7,5	53/4,8	449/40,3	486/43,7	1113/100,0

* Подсчитано по БД «Музеи малого города РФ»

Музейная сеть малых городов начала формироваться в конце XIX в. с создания краеведческих музеев, которые открывались с просветительскими целями по инициативе земств. К их числу, в частности, относятся музеи в Вытегре, Тихвине, Трубчевске. Красноуфимский краеведческий музей был открыт в 1912 г. по инициативе земских учителей для обеспечения наглядными пособиями учебного процесса. – коллекциями предметов о природе и истории края.

В советский период краеведческие и историко-краеведческие (комплексные) музеи стали привычным атрибутом историко-культурного ландшафта районных административных центров [Минаков 2015]. Но наиболее активный период создания краеведческих музеев относится к позднесоветскому времени (53,4%), а также к современному этапу музейного строительства (24,01%). К краеведческим и историко-краеведческим музеям по своим целям и задачам примыкают исторические (18,1%), мемориальные (7,5%)

музеи и музеи народных промыслов и быта (2,9%). Вместе они образуют исторический кластер музейной сети (см. табл. 1).

Перед районными краеведческими, историческими и историко-краеведческими музеями малых городов изначально ставились задачи просветительского и воспитательного характера, что определяло практики комплектования фондов, экспонирования музейных предметов и формы работы с посетителями музеев. Их характерными чертами стали типизация музейных фондов и выставок, а также стандартизация экспозиций.

В советский период районный краеведческий музей имел стандартный набор коллекций и тематических выставок – «Природа и животный мир края», «Основные занятия населения в древности», «Культура народностей края», «История города/края». Последний раздел обычно включал выставки, посвященные различным этапам досоветской и советской истории, иллюстрированной местным материалом.

В постсоветский период структура музейной экспозиции претерпела некоторые изменения, но в целом сохранилась. Глубина музейных трансформаций зависит от социально-экономической ситуации, сложившейся в городе, и, соответственно, финансирования музейных учреждений, а также от того историко-культурного наследия, которым город обладает. В этом отношении граница проходит между молодыми городами, появившимися в XX в., и историческими поселениями, возникшими в X–XIX вв. Так, например, в городах Качканар (Свердловская область) и Медногорск (Оренбургская область), построенных в советский период, краеведческий музей в традиционном понимании либо отсутствует, либо присутствует в меморативном пространстве города формально, что в известной мере компенсируется созданием корпоративных музеев, поскольку история города тесно связана с историей градообразующих предприятий.

Другая ситуация характерна для бывших уездных городов: в Данилове, Мариинске (Кемеровская область), Трубчевске (Брянская область) и в Красноуфимске (Свердловская область) городские краеведческие музеи, созданные в 1920-е гг., пережили заметные трансформации и активно участвуют в культурной жизни города, способствуя его ребрендингу. В депрессивных городах – Петровск-Забайкальский (Забайкальский край), Данилов (Ярославская область) – активность музеев, как правило, снижена, но они все же сохраняют свое значение как культурного центра.

Магистральной тенденцией обновления музейных экспозиций краеведческих музеев является реконструкция в музейном пространстве жилища человека (гостиной или лавки купца, дома

*Рис. 1. Даниловский краеведческий музей.
Фотоархив проекта «Музей малого города: множественность культур
памяти (историко-социологический анализ)»*

рабочего, крестьянской избы, дворянской усадьбы)⁴. Стремление воссоздать повседневность различных сословий представляет собой попытку меморации не столько бытовых условий, сколько жизненных миров идеализированного прошлого [Арзамасцев 2000, с. 14]. Особенно популярна реконструкция предметного мира крестьянской избы – идеального народного пространства прошлого в его повседневном выражении, что способствует созданию типичных вне-временных образов (рис. 1, 2).

Экспозиции «Русская изба/быт» встречаются повсеместно. Они представлены в историко-краеведческих муниципальных музеях (Красноуфимск, Данилов), создаются силами местных энтузиастов с привлечением школьников («Русские избы» в Вытегре, Музей крестьянского быта в Трубчевске и Пущино, музей Истории крестьянства им. А.М. Ронжина в Котельническом районе, музей «Лапоточек» в д. Пашозеро Тихвинского р-на и др.). Наряду с «крестьянской избой» доминирующим музейным образом в музейном

⁴ В советский период объектом музеефикации выступали социальные и производственные процессы, главным героем которых были массы (классовая борьба, эксплуатация человека человеком и пр.). Исторические деятели в музейных меморативных практиках тяготели к социально-культурному идеальному типу (рабочий, крестьянин, помещик, вождь, революционер и т. д.).

Рис. 2. Петровск-Забайкальский краеведческий музей.

Фотоархив проекта «Музей малого города: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)»

пространстве малого города применительно к советскому периоду является «Великая Победа». И тот, и другой образ формируется из стандартного набора предметов и вещей – печь, самовар, прялка, расшитые рушники / каска, патроны от снарядов, фотографии участников войны, наградные листы и письма.

Центральные образы Большой Истории иллюстрируются «местными» историями и мифами, не всегда подтвержденными научно. Так, например, в Даниловском краеведческом музее исторический раздел открывается полумифической историей о том, как князь московский Даниил основал город. Легенда удостоверена картинами современных местных художников, визуализирующими мифологический материал, и рассказом экскурсовода о том, как князь Даниил выбирал место для города, плывя на ладье по р. Пеленге. В экспозицию включен также арт-экспонат – кольчуга-новодел, подаренная музеем местным умельцем. Такой рассказ важен с точки зрения медиации, но способствует мифологизации исторического сознания.

В целом краеведческие музеи малых городов сохраняют свой научно-просветительский характер и, по выражению Н.В. Нагорского, «отражают естественную потребность людей отбирать, атрибутировать, сохранять и доносить до будущих поколений *наиболее типичные образцы* своего прошлого и настоящего» [Нагорский 2004, с. 77]. Они ориентированы на работу со школьниками, разрабатывая соответствующий репертуар мероприятий. Музейные фонды пополняются часто за счет дарений местного населения,

коллекций школьных музеев, собранных в ходе поисковой деятельности, примером чего служит краеведческий музей Петровска-Забайкальского, созданный в 2011 г., основу фондов которого составила коллекция Народного музея профессионального училища № 10, переданная в дар музею. В настоящее время в музее работает зал природы и археологии, зал этнографии, зал истории. По причине недостатка выставочных помещений значительная часть музейного фонда остается в запасниках.

Если основные разделы краеведческого музея малого города тяготеют к типизации и стандартизации, то мемориальные выставки и музеи отличаются разнообразием. Они персонифицируют меморативный ландшафт малого города, оживляют его, придавая историческому месту сакральный характер. Чаще всего объектами меморации становятся люди, родившиеся или работавшие в городе – писатели, поэты, ученые, художники, более всего соответствующие представлениям о «гении места», прославившем родной город. Интересно, что их меморизация началась относительно поздно – в 1970–1980-е гг. или приходится на 2000-е гг. Так, например, в Мариинске (Кемеровская область) в 1986 г. был открыт литературно-мемориальный музей В.А. Чивилихина, придавший образу города с гулаговским прошлым новые черты. Кроме того, в Музее истории города в настоящее время работает постоянная выставка, посвященная купеческим семьям, оставившим свой след в истории Мариинска, а также Зал с мемориальными вещами космонавта А.А. Леонова и экспозиция «Политические репрессии 1930–1940-х гг.» со стендами «Земляки поневоле», где перечислены известные деятели культуры, науки, отбывавшие срок в Сиблаге. Такой подход к персональной меморации позволяет создать более многогранный образ города как центра предпринимательской и культурной активности, связанного с Большой Историей тысячелетий.

В Петровск-Забайкальском преимущественно мемориальный характер носит Музей декабристов, расположенный в доме Трубецких и сохраняющий память о декабристах и их женах, находившихся в 1830-е гг. в каземате Петровского завода. Мемориальная экспозиция располагается также в доме Горбачевского и повествует о судьбе этого человека, оставшегося в Петровском заводе на поселении.

Объектами меморации могут быть не только реальные исторические личности, но и мифические герои. В Трубчевске, который упоминается в тексте «Слова о Полку Игореве», первый зал краеведческого музея посвящен ранней истории города. Героем этой истории выступает Боян – певец героической борьбы русичей с половцами и гипотетический автор «Слова». Трубчевск как

Родина Бояна стал позиционировать себя еще в 1970-е гг. благодаря инициативе литературного объединения «Горизонт». В течение 1980–2010-х гг. этот миф поддерживался не только созданием мест памяти (скульптурная композиция), но и культурно-массовыми мероприятиями. В частности в городе вплоть до последнего времени ежегодно проводились масштабные Дни славянской письменности, собирая представителей науки, литературы, творческие коллективы Украины, Белоруссии и России.

В настоящее время, когда тема Великой Отечественной войны становится центральной, в музейном пространстве малого города локальная история обрастает новыми сюжетами и героями: в Трубчевском музее в ходе обзорной экскурсии обязательно звучит рассказ о пребывании здесь на лечении в госпитале М.Т. Калашникова – конструктора стрелкового оружия. На сайте Даниловского краеведческого музея представлен любопытный текст: «Данилов не может похвастаться выдающимися историческими событиями, на фоне таких городов, как Углич, Ростов, Ярославль, здесь жизнь протекала тихо и спокойно. Жители нашего края растили хлеб, воспитывали детей, играли свадьбы, ухаживали на войну. Но Данилов может похвастаться вниманием великих князей и царей. Нашу землю, по легенде, облюбывал князь Даниил Московский и возвел здесь княжеские палаты»⁵. Так малый город включается в историю страны. Меморизация реальных или мифических героев является важнейшим направлением музейной медиации в малом городе, придавая историческому образу места своеобразие и индивидуальность.

Интерес к сохранению исторического культурного наследия нашел отражение в росте числа фольклорно-тематических музеев, посвященных меморизации традиций народной культуры, в том числе народных промыслов и ремесел, а также истории предметов, символически связанных с историей города (музеи игрушки, самоваров, варежки, пряника, яблока и т. д.) [Мастеница 2015]. Их удельный вес в музейной сети малых городов достигает в настоящее время 10,1%.

Примером может служить Музей «Береста Сибири» в Мариинске, открытый в 2009 г. по инициативе Ю.М. Михайлова, возродившего в крае берестяной промысел и придавший ему художественную выразительность. В музее представлены изделия декоративно-прикладного искусства из бересты: туеса, короба, лапти, куклы, изготовленные мастерами и художниками трех кузбасских школ бересты: Мариинской, Прокопьевской и Кемеровской.

⁵ Даниловский край. Тихая провинция // Даниловский краеведческий музей. URL: <http://danilov-muzei.yar.muzkult.ru/1> (дата обращения 5.05.2023).

Фольклорно-тематические музеи выступают отражением повседневных бытовых или ремесленных практик, они привлекают туристов и жителей малых городов, позиционируя образ места с деятельностной и творческой стороны. Экспозиция предметов местного ремесленного производства презентует не только традиции местной экономики, но и современные достижения мастеров.

Заключение

Музей представляет собой «место», где человек встречается с прошлым, с образами времени и пространства. М. Фуко предложил использовать для его обозначения термин «гетеротопия», подчеркивая неоднородность пространства и множественность создаваемых образов и историй [Фуко 2006].

Исторический музей функционирует как институт памяти, сохраняющий историко-культурное наследие, конструирующий на основе музейных коллекций образы прошлого и транслирующий их молодым поколениям. С учетом специфики музея (исторические, мемориальные, художественные), особенностей медиации эти образы имеют свои различия и дополняют друг друга, создавая уникальный образ места. Особую роль в этом процессе играют краеведческие музеи, нацеленные на комплексное моделирование и презентацию локальной истории.

Опираясь, как и прежде, на научные практики реконструкции прошлого, музеи переживают глубинные трансформации, постепенно преобразуясь из научно-просветительских учреждений в публичные культурно-развлекательные центры. Эти процессы сопровождаются заметной мифологизацией исторического образа места, которая осуществляется в нескольких направлениях: путем использования в музейной экспозиции мифологических сюжетов; персонификации событий локальной истории («гений места»); стремлением удревнить историю места; сакрализацией рукотворных вещей (традиционных промыслов и ремесел). Наиболее отчетливо эти процессы прослеживаются в деятельности музеев малых городов, научная активность которых снижена и все силы сосредоточены на решении образовательных и воспитательных задач.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта РНФ 21-18-00418 «Музей малых городов: множественность культур памяти (историко-социологический анализ)»

Acknowledgements

The article was made within the framework of the RSF grant 21-18-00418 “The museum of a small town. The plurality of cultures of memory (Historical and sociological analysis)”

Литература

- Арзамасцев 2000 – *Арзамасцев В.П.* «Задумываясь над тайнами своего ремесла» // Мир музея. 2000. № 6. С. 30–36.
- Бекленищева 2022 – *Бекленищева М.В.* Музеи в малых городах: нормативы обеспеченности и проблемы учета // Меморативные ландшафты малых городов России и Польши: сборник научных трудов / Под ред. Л.Н. Мазур, Д. Магера. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 121–131.
- Белтинг 2002 – *Белтинг Г.* Музей как средство информации // Музей как сообщество в условиях глобализации. М.: ИКОМ России, 2002. С. 4–17.
- Именнова 2015 – *Именнова Л.С.* Историческое пространство и музей // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: Сборник статей / Сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородкин, А.Д. Яновский. М.: Этерна, 2015. С. 78–93.
- Козлов 2017 – *Козлов В.П.* Документальная память в архивоведческом знании. М.: Древлехранилище, 2017. 332 с.
- Мазур 2018 – *Мазур Л.Н.* Документальная память: свойства, структура, проблемы актуализации // Архив в социуме – социум в архиве: Материалы региональной научно-практической конференции, Челябинск, 29 мая 2018 г. / Под ред. Н.А. Антипина. Челябинск: Государственное учреждение «Объединенный государственный архив Челябинской области», 2018. С. 13–17.
- Мазур 2022 – Музеи малых городов России и культуры памяти / Л.Н. Мазур, Н.Б. Граматчикова, Е.В. Прямикова, Н.В. Веселкова // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10. № 5. С. 1852–1867. DOI: 10.15826/qr.2022.5.765
- Майстровская 1997 – *Майстровская М.Т.* Музейная экспозиция: тенденции развития // Музейная экспозиция: Теория и практика. Искусство экспозиции. Новые сценарии и концепции (На пути к музею XXI века): Сборник научных трудов. М.: РИК, 1997. С. 7–23.
- Мастеница 2006 – *Мастеница Е.Н.* Новые тенденции в развитии музея и музейной деятельности // Собор лиц: Сборник статей / Под ред. М.Б. Пиотровского, А.А. Никоновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 138–145.
- Мастеница 2015 – *Мастеница Е.Н.* История в музее: методология познания и репрезентации // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: Сборник статей / Сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородкин, А.Д. Яновский. М.: Этерна, 2015. С. 102–117.
- Минаков 2015 – *Минаков А.С.* Информационные и организационные ресурсы краеведческого музея как фактор развития исторической науки // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: Сборник статей / Сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородкин, А.Д. Яновский. М.: Этерна, 2015. С. 117–123.

- Нагорский 2004 – *Нагорский Н.В.* Музей в духовной жизни общества. СПб.: Иван Федоров, 2004. 432 с.
- Никонова 2015 – *Никонова А.А.* Медиация, интерпретация, творчество: границы трансформации музейного пространства // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2015. № 2. С. 73–78.
- Олик 2012 – *Олик Дж.* Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии / Пер. Д. Хлевнюка // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40–74.
- Рикёр 1995 – *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995. 415 с.
- Розенблюм 1996 – *Розенблюм Е.А.* Время и пространство в музейной экспозиции // Музейная экспозиция: Теория и практика. Искусство экспозиции. Новые сценарии и концепции (на пути к музею XXI века): Сборник научных трудов. М.: Рос. ин-т культурологии, 1997. С. 110–120.
- Румянцева 2015 – *Румянцева М.Ф.* Музейный предмет и музейная экспозиция в структуре актуального исторического знания // Роль музеев в информационном обеспечении исторической науки: Сборник статей / Сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. Л.И. Бородкин, А.Д. Яновский. М.: Этерна, 2015. С. 70–77.
- Синицына 2017 – *Синицына А.О.* Культурная медиация и ее формы в педагогической науке и практике во Франции // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2017. № 1. С. 67–74.
- Терновая 2016 – *Терновая Л.О.* Вклад книжной культуры в обеспечение социальной памяти // Россия: тенденции и перспективы развития. М.: РАН ИНИОН, 2016. Вып. 11. Ч. 1. С. 589–593.
- Фуко 2006 – *Фуко М.* Другие пространства // Интеллектуалы и власть: [Избранные политические статьи, выступления и интервью]. М.: Практикс, 2006. Ч. 3. С. 191–204.

References

- Arzamastsev, V.P. (2000), “Pondering the secrets of your craft”, *Mir muzeya*, no. 6, pp. 30–36.
- Beklenishcheva, M.V. (2022), “Museums in small towns. Provision standards and accounting problems, in Mazur, L.N. and Magera, D. (eds.), *Memorativnye landshafty mal'kh gorodov Rossii i Pol'shi* [Memorable landscapes of small towns in Russia and Poland], Izdatel'stvo Uralskogo universiteta, Ekaterinburg, Russia, pp. 121–131.
- Belting, G. (2002), “Museum as a medium”, in *Muzei kak soobshchestvo v usloviyakh globalizatsii* [Museum as a community in the context of globalization], IKOM Rossii, Moscow, Russia, pp. 4–17.
- Imennova, L.S. (2015), “Historical space and museum”, in Borodkin, L.I. and Yanovskii, A.D. (eds.), Vorontsova, E.A. (comp.), *Rol' muzeev v informatsionnom obespechenii istoricheskoi nauki* [The role of museums in the information support of historical science], Eterna, Moscow, Russia, pp. 78–93.

- Kozlov, V.P. (2017), *Dokumental'naya pamyat' v arkhivovedcheskom znanii* [Documentary memory in archival knowledge], Drevlekhranilishche, Moscow, Russia.
- Maistrovskaya, M.T. (1997), "Museum exposition. Development trends", in *Muzeinaya ekspozitsiya. Teoriya i praktika. Iskustvo ekspozitsii. Novye stsennari i kontseptsii (na puti k muzeyu XXI veka)* [Museum exposition. Theory and practice. The art of exposition. New scenarios and concepts (towards a Museum of the 21st century)], Rossiiskii institute kul'turologii, Moscow, Russia, pp. 7–23.
- Mazur, L.N. (2018), "Documentary memory. Properties, structure, problems of actualization", in Antipin, N.A. (ed.), *Akrhiv v sotsiume – sotsium v arkhive: Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Chelyabinsk, 29 maya 2018 goda* [Archive in society – society in the archive. Proceedings of the regional scientific-practical conference, Chelyabinsk, May 29, 2018], Gosudarstvennoe uchrezhdenie "Ob'edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Chelyabinskoi oblasti", Chelyabinsk, Russia, pp. 13–17.
- Mazur, L.N., Gramatchikova, N.B., Pryamikova, E.V. and Veselkova, N.V. (2022), "Museums of small towns of Russia and the culture of memory", in *Quaestio Rossica*, vol. 10, no. 5, pp. 1852–1867, DOI: 10.15826/qr.2022.5.765
- Mastenica, E.N. (2006), "New trends in the development of the museum and museum activities", in Piotrovskii, M.B. and Nikonova, A.A. (eds.), in *Sobor lic* [Gathering of persons. Collection of articles], Izdate'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia, pp. 138–145.
- Mastenica, E.N. (2015), "History in the museum. Methodology of knowledge and representation", in Borodkin, L.I. and Yanovskii, A.D. (eds.), Vorontsova, E.A. (comp.), *Rol' muzeev v informatsionnom obespechenii istoricheskoi nauki: sbornik statei* [The role of museums in the information support of historical science], Eterna, Moscow, Russia, pp. 102–117.
- Minakov, A.S. (2015), "Information and organizational resources of the local history museum as a factor in the development of historical science", in Borodkin, L.I. and Yanovskii, A.D. (eds.), Vorontsova, E.A. (comp.), *Rol' muzeev v informatsionnom obespechenii istoricheskoi nauki: sbornik statei* [The role of museums in the information support of historical science], Eterna, Moscow, Russia, pp. 117–123.
- Nagorskii, N.V. (2004), *Muzei v dukhovnoi zhizni obshchestva* [Museum in the spiritual life of society], Ivan Fedorov, Saint Petersburg, Russia.
- Nikonova, A.A. (2015), "Mediation, interpretation, creative work. The boundaries of the transformation of the museum space", *Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya*, no. 2, pp. 73–78.
- Olik, G. (2012), "Memory figurations. A process-relational methodology illustrated on the example of Germany", in *Sotsiologicheskoe obozrenie*, vol. 11, no. 1, pp. 40–73.
- Ricoeur, P. (1995), *Konflikt interpretatsii: Ocherki o germenevtike* [Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics], Medium, Moscow, Russia.
- Rozenblyum, E.A. (1997), "Time and space in the museum exposition", in *Muzeinaya ekspozitsiya. Teoriya i praktika. Iskustvo ekspozitsii. Novye stsennari i kontseptsii*

- (*na puti k muzeyu XXI veka*) [Museum exposition. Theory and practice. The art of exposition. New scenarios and concepts (towards a Museum of the 21st century)], Rossiiskii institut kul'turologii, Moscow, Russia, pp. 110–120.
- Rumyantseva, M.F. (2015), “Museum item and museum exposition in the structure of current historical knowledge”, in Borodkin, L.I. and Yanovskii, A.D. (eds.), Vorontsova, E.A. (comp.), *Rol' muzeev v informatsionnom obespechenii istoricheskoi nauki: sbornik statei* [The role of museums in the information support of historical science], Eterna, Moscow, Russia, pp. 70–77.
- Sinitsyna, A.O. (2017), “Cultural mediation and its forms in pedagogical science and practice in France”, *Vestnik assotsiatsii vuzov turizma i servisa*, no. 1, pp. 67–74.
- Ternovaya, L.O. (2016), “The contribution of book culture to social memory”, in *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia. Trends and development prospects], RAN INION, Moscow, issue 11, part 1, pp. 589–593.
- Foucault, M. (2006), “Other spaces”, in *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'y* [Intellectuals and power. Selected political articles, speeches and interviews], part 3, Praksis, Moscow, Russia, pp. 191–204.

Информация об авторе

Людмила Н. Мазур, доктор исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51; LN.Mazur@urfu.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0407-3816>

Information about the author

Lyudmila N. Mazur, Dr. of Sci. (History), associate professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia; 51, Lenin Av., Yekaterinburg, Russia, 620000; LN.Mazur@urfu.ru

ORCID ID: 0000-0003-0407-3816

Персональная история

УДК 929

DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-89-104

Федор Егорович Пактовский
(1859 – около 1922) –
педагог и общественный деятель учебных заведений
Саратовской, Казанской, Тамбовской,
Курской и Харьковской губерний

Ирина В. Денисова

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Белгород, Россия,
denisova@bsu.edu.ru*

Виктория А. Лю-Ку-Тан

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Белгород, Россия,
lyu-ku-tanv@yandex.ru*

Аннотация. На основании широкого круга исторических источников, в том числе опубликованных справочных и юбилейных изданий, материалов периодической печати и документов из фондов Российского государственного исторического архива и отдела рукописей Российской государственной библиотеки восстановлена профессиональная биография – педагога, филолога и общественного деятеля Пактовского Федора Егоровича. В исследовании впервые вводятся в научный оборот ранее неизвестные фотографии его и его семьи, а также представлена атрибуция экспоната – книги Ф.Е. Пактовского, хранящейся в фондах музея истории НИУ «БелГУ». В соответствии с географией карьерных передвижений в исследовании в хронологической последовательности выделены и изучены пять основных периодов его жизни (Саратовский, Казанский, Моршанский, Белгородский, Харьковский). Установлено, что профессиональный путь Ф.Е. Пактовского представляет собой движение от должности учителя до должности директора гимназии, а его активная общественная деятельность была направлена не только на развитие учебных заведений, но и городов, в которых он служил. Интерес для исследователей представляет и научно-исследовательская деятельность филолога Ф.Е. Пактовского,

© Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А., 2023

которой он занимался на протяжении многих лет. На основании сведений из материалов периодической печати удалось установить, что он был любимцем своих воспитанников и учеников и интеллигенции.

Ключевые слова: Ф.Е. Пактовский, Саратовская губерния, Тамбовская губерния, Курская губерния, Казанский императорский университет, Белгородский учительский институт

Статья поступила в редакцию 15 марта 2023 г.;

принята к публикации 12 мая 2023 г.

Для цитирования: Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А. Федор Егорович Пактовский (1859 – около 1922) – педагог и общественный деятель учебных заведений Саратовской, Казанской, Тамбовской, Курской и Харьковской губерний // История и архивы. 2023. Т. 5. № 3. С. 89–104. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-89-104

Fedor Egorovich Paktovskii
(1859 – about 1922),
a teacher and public figure of educational institutions
in Saratov, Kazan, Tambov,
Kursk and Khar'kov provinces

Irina V. Denisova

*Belgorod National Research University, Belgorod, Russia,
denisova@bsu.edu.ru*

Viktoria A. Lyu-Ku-Tan

*Belgorod National Research University, Belgorod, Russia,
lyu-ku-tanv@yandex.ru*

Abstract. Based on a wide range of historical sources, including published reference and anniversary editions, periodicals and documents from the collections of the Russian State Historical Archives and the Department of Manuscripts of the Russian State Library, the professional biography of Paktovskii Fedor Egorovich, a teacher, philologist and public figure, was restored. The research paper introduces previously unknown photographs of him and his family into scientific circulation for the first time, and also presents the attribution of an exhibit, i.e., a book by F.E. Paktovskii, kept in the funds of the Museum of History of the National Research University “BelSU”. In accordance with the geography of his career movements, five main periods of his life (Saratov, Kazan, Morshansk, Belgorod, Khar'kov) were identified and

studied in chronological order. It is established that the professional path of F.E. Paktovskii is a movement from the position of a teacher to the position of a gymnasium director, and his social activism was aimed not only at the development of educational institutions, but also the cities in which he served. The research activity of F.E. Paktovskii, as a philologist, that he practiced for many years, is also of interest to researchers. Based on the information from the materials of the periodical press, it was possible to find that he was loved by his students and the intelligentsia.

Keywords: F.E. Paktovskii, Saratov province, Tambov province, Kursk province, Kazan Imperial University, Belgorod Teachers' Institute

The article was submitted 15.03.2023;

accepted for publication 12.05.2023.

For citation: Denisova, I.V. and Lyu-Ku-Tan, V.A. (2023), "Fedor Egorovich Paktovskii (1859 – about 1922), a teacher and public figure of educational institutions in Saratov, Kazan, Tambov, Kursk and Khar'kov provinces", *History and Archives*, vol. 5, no. 3, pp. 89–104, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-89-104

Введение

В современной исторической науке одним из актуальных направлений становится реконструкция и восстановление персональной биографии ученых и педагогов [Грибовский 2020]. Одним из частных примеров данной тенденции является развитие системы исследований биографий директоров Белгородского учительского института, что особенно актуально в Год педагога и наставника. Реконструкция профессиональной биографии руководителей учебного заведения, изучение их научной и общественной деятельности позволяет не только составить целостную картину становления и развития Белгородского учительского института, но и выявить наиболее общие тенденции и особенности в жизни чиновника, служащего в учебных заведениях Российской империи в конце XIX – начале XX в.

Биография Федора Егоровича Пактовского уже становилась предметом исследования современных ученых, которые рассматривали ее в контексте изучения наиболее общих процессов: истории «Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете»¹ и Белгородского учительского института в целом [Московкин 2014, с. 38–39;

¹ См.: Русская литература в восприятии казанской интеллигенции: Учеб. пособие: хрестоматия / Под ред. Л.Я. Вороновой, М.М. Сидоровой. Казань: КФУ, 2013. С. 359–360.

Московкин 2016, с. 33–35, Денисова, Лю-Ку-Тан 2017, с. 276]. Следует отметить, что наибольшее внимание исследователи уделяли его научной деятельности.

Данное исследование представляет собой первую попытку реконструкции наиболее полной биографии Ф.Е. Пактовского на основе широкого круга источников: архивных документов из Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, Российского государственного исторического архива, а также опубликованных источников, связанных с личным составом учебных заведений рассматриваемых губерний, деятельностью министерства народного просвещения и материалами периодической печати.

Федор Егорович Пактовский родился 2 августа 1859 г. в семье священника². После окончания 1-й Казанской мужской классической гимназии³ он поступил в Императорский Казанский университет, где обучался с 17 августа 1880 по 30 июня 1884 г.⁴ Окончил историко-филологический факультет, отделение славяно-русской филологии⁵. Во время обучения в университете с 1 января 1881 г. по 1884 г. преподавал пение в Императорской Казанской первой мужской гимназии⁶. Семья имела имение в Казани⁷.

Саратовский период

После окончания университета Федор Егорович 13 августа 1884 г. был назначен преподавателем русского языка и словесности в Саратовскую мужскую классическую гимназию, где одновре-

² См.: Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу 1913 г. Харьков: Типо-Литография М. Сергеева и К. Гальченка, 1913. Ч. 1. С. 266.

³ См.: Харьков и губерния на страницах газеты «Южный край» (1880–1919) / Сост. Н.И. Полянская, Н.Л. Манова. Харьков: Харьк. гос. науч. б-ка им. В.Г. Короленко, 2018. Ч. 9: 1909–1910. С. 106.

⁴ См.: Михайловский А.И. Преподаватели, учившиеся и служившие в Императорском Казанском университете (1804–1904). Казань: Типо-Литография Имп. Ун-та, 1904. Ч. 1. Вып. 2: 1865–1884. С. 950, 1061.

⁵ См.: Список лицам, служащим по Харьковскому учебному округу 1913 г. С. 266.

⁶ См.: Список чиновников и преподавателей Казанского учебного округа, расположенный по местам их служения на 1883/4 уч. г. Казань: Университетская тип., 1884. С. 83–84.

⁷ См.: Список недоимщиков по земскому сбору Казанской губернии, частных владельцев в уездах и городах, к 16 января 1896 г., составленный согласно постановлению XXXI очередного губернского земского собрания 18 декабря 1895 г. Казань, 1896. С. 6.

менно занимал следующие должностные обязанности – являлся секретарем педагогического совета гимназии (с оплатой 120 р.) и библиотекарем учебной библиотеки (с оплатой 60 р.)⁸. С 1893 г. стал членом Братства во имя Святых Первоучителей славянских Кирилла и Мефодия при домовой церкви Саратовской 1-й Гимназии, которое было создано в 1885 г. с целью поддержки домового церкви гимназии и воспитанников⁹.

Одновременно с мужской гимназией с октября 1885 г. был назначен преподавателем словесности в Саратовскую женскую гимназию, содержащую Эмилией Карловной Ульрих, позже гимназия была передана ведомству Министерства народного просвещения¹⁰.

В гимназиях г. Саратова Федор Егорович прослужил 15 лет. В результате работы с фондом 745 Дмитриевых Отдела рукописей Российской государственной библиотеки в 2016 г. нами были обнаружены уникальные документы, которые не только позволяют реконструировать и восстановить один из аспектов Саратовского периода в жизни Ф.Г. Пактовского, но и факты из его биографии и семьи в целом [Денисова 2018, с. 81]. Действительный статский советник, член первого уголовного департамента Саратовской судебной палаты Юлиан Дмитриевич Дмитриев¹¹ был женат на Дмитриевой-Фаресовой Наталье Ивановне, у них было две дочери – Татьяна и Ольга¹². О том, что у Ф.Е. Пактовского с семьей Дмитриевых были теплые и дружеские отношения, позволяют предположить сохранившиеся письма и фотографии. В отделе рукописей РГБ в фонде 745 Дмитриевых сохранились портретная и любительская фотография Федора Егоровича. Погрудный фото-

⁸ См.: Список чиновников и преподавателей Казанского учебного округа, расположенный по местам их служения, 1888. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1888. С. 96.

⁹ См.: Устав Братства во имя Святых Первоучителей славянских Кирилла и Мефодия при домового церкви Саратовской гимназии. Саратов: Тип. П.С. Феокритова, 1886. С. 1.

¹⁰ См.: Список чиновников и преподавателей Казанского учебного округа, расположенный по местам их служения, 1888. Казань: Тип. Императорского ун-та, 1888. С. 364.

¹¹ См.: Памятная книжка Саратовской губернии на 1895 год / Сост. Ф.С. Шиманский. Саратов: Паровая скоропечатня губернского правления, 1895. С. 225.

¹² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 745: Дмитриевы: архивный фонд, 1860-е – 1972. 232 ед. хр. С. 3–5.

портрет сделан в г. Саратове в конце 1890-х гг. в фотоателье фотографа П. Ушакова при Саратовском окружном суде и канцелярии Саратовского губернатора на углу Немецкой и Вольской улиц в собственном доме¹³.

Также в альбоме № 5 сохранилась любительская фотография Федора Егоровича с надписью «Федор Егорович поправляет наши тетради». Скорее всего, подпись сделана Ольгой и Татьяной Дмитриевыми, обе окончили Саратовскую женскую гимназию Министерства народного просвещения – Татьяна в 1900 г., а Ольга в 1905-м, и являлись ученицами Ф.Е. Пактовского, который служил в гимназии до перевода в Казань в 1899 г. Кроме того, в соответствии с пояснительной запиской, составленной в 1977 г. к фотографиям Федора Егоровича, последний давал дополнительные уроки девушкам на дому. В музее истории НИУ «БелГУ» хранится издание Ф.Е. Пактовского 1900 г. с дарственной надписью от автора «лучшей моей ученице и другу Татьяне», полагаем, Татьяне Юлиановне Дмитриевой.

В данный период он также принимал участие в деятельности Саратовской губернской ученой архивной комиссии. С 30 ноября 1889 г. на общем собрании преподаватель классической гимназии Ф.Е. Пактовский избран ее членом¹⁴, а также на общем собрании 15 февраля 1890 г. после доклада князя Л.Л. Голицына «Архивы и порядок их разбора» был включен в состав субкомиссии для обсуждения вопроса о порядке и приемах при разборе архива Окружного суда¹⁵. В результате деятельности этой комиссии в 1892–1893 гг. Ф.Е. Пактовский занимался просмотром и анализом дел упраздненных судебных мест Саратовской губернии, относящихся к истории раскола¹⁶. На собрании 18 ноября 1893 г. Ф.Е. Пактовским был сделан доклад о рассмотренных делах архива упраздненных судебных мест Саратовской губернии¹⁷.

¹³ ОР РГБ. Ф.745: Дмитриевы. Карт. 9. Ед. хр. 11.

¹⁴ См.: Труды Саратовской ученой архивной комиссии / Под ред. С.С. Краснодубровского. Саратов, 1890. Т. 3. Вып. 1. С. III–IV.

¹⁵ Там же. С. XII.

¹⁶ См.: Отчет о деятельности Саратовской ученой архивной комиссии за 1892/93 год / Сост. А.О. Лебедев. Саратов: Тип. Саратов. губ. земства, 1894. С. 29.

¹⁷ См.: Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1894. Т. 4. Вып. 3. С. 260.

Казанский период

В 1899 г. Федор Егорович был переведен на должность преподавателя русского языка в Казанское реальное училище¹⁸. Именно в это время он начинает активно заниматься научно-исследовательской деятельностью. В 1899 г., в честь празднования 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина, при Казанском университете было учреждено Общество любителей российской словесности в память А.С. Пушкина¹⁹. Инициаторами создания Общества выступили профессора Е.Ф. Будде и А.С. Архангельский. Основной целью Общества стало «всестороннее исследование и разработка вопросов по истории языка, литературы и народной словесности русского народа и других славянских народов» [Воронова 2008, с. 7]. С 1900 по 1902 г. Федор Егорович выступал с докладами и публиковал статьи в периодическом издании общества «Чтения Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете»²⁰. Удалось установить, что в 1900 г. Ф.Е. Пактовский выступил с тремя докладами, а в 1902 г. – с одним. В 1902 г. являлся секретарем и казначеем общества до своего отъезда из Казани²¹. Исследования Федора Егоровича были посвящены анализу творчества писателей А.К. Толстого, А.П. Чехова, В.Г. Короленко²².

¹⁸ См.: Адресная книжка Казанской губернии на 1900 год / Сост. М.Н. Пинегин. Казань: Тип. губ. правления, 1900. С. 67–68.

¹⁹ См.: *Ситовский В.В.* Пушкинская юбилейная литература: 1899–1900 гг.: критико-библиографический обзор. СПб.: Изд. Пушкинского лицейского об-ва: тип. В.Ф. Киршбаума, 1902. С. 17.

²⁰ См.: Русская литература в восприятии казанской интеллигенции: Учеб. пособие: хрестоматия / Под ред. Л.Я. Вороновой, М.М. Сидоровой. Казань: КФУ, 2013. С. 359.

²¹ См.: Годичный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1901 г. Казань: Типо-Литография Императорского ун-та, 1901. С. 151; Годичный акт в Императорском Казанском университете 5 ноября 1903 г. Казань: Типо-Литография Императорского Казанского ун-та, 1903. С. 150–151.

²² См.: *Пактовский Ф.Е.* Граф А.К. Толстой и его поэтическое творчество: [К 25-летию со дня смерти поэта]. Казань: Типо-Литография Императорского ун-та, 1900. 37 с. (Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете; вып. 7); *Он же.* Современное общество в произведениях А.П. Чехова. Казань: Типо-Литография Императорского ун-та, 1901. 42 с. (Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете; вып. 3);

Не потеряли свою актуальность исследования Федора Егоровича и для современного литературоведения, уникальность его работ и их значимость отмечены Л.Я. Вороновой и В.А. Черкасовым, С.В. Петровой [Воронова 2008; Черкасов, Петрова 2018; Черкасов, Петрова 2019].

Следует отметить, что исследования Ф.Е. Пактовского были посвящены не только отечественной литературе, но и проблемам преподавания русского языка. Так, в 1901 г. была издана его работа «К вопросу об учебниках по русскому языку для средних учебных заведений»²³.

Моршанский период

Прослужив в Казанском учебном округе фактически 18 лет, Ф.Е. Пактовский был переведен на службу в Харьковский учебный округ. Перевод был связан со знакомством Федора Егоровича с попечителем Казанского учебного округа Михаилом Мартыновичем Алексеенко²⁴. М.М. Алексеенко – доктор финансового права, тайный советник, ректор Императорского Харьковского университета (1890–1899 гг.), являлся попечителем Казанского учебного округа с 1899 по 1901 г., а с 19 июля 1901 г. был переведен на данную должность в Харьковский учебный округ. Именно он заметил выдающиеся педагогические способности Ф.Е. Пактовского²⁵.

Таким образом, приказом Попечителя Харьковского учебного округа 14 августа 1902 г. № 11 558 Ф.Е. Пактовский был перемещен на должность исполняющего обязанности инспектора Моршанского реального училища Тамбовской губернии²⁶. Также в Моршанске он исполнял обязанности председателя педагогического совета

Он же. Идеализм в произведениях Вл. Короленко. Казань: Типо-Литография Императорского ун-та, 1901. 36 с. (Чтения в Обществе любителей русской словесности в память А.С. Пушкина при Императорском Казанском университете; вып. 4).

²³ См.: *Пактовский Ф.Е.* К вопросу об учебниках по русскому языку для средних учебных заведений: замечания на учебник грамматики рус. яз. для сред. учеб. заведений орд. проф. Казан. Ун-та Е.Ф. Будде. Казань, 1900 г. Казань: Типо-Литография Императорского ун-та, 1901. 36 с.

²⁴ См.: Харьков и губерния на страницах газеты «Южный край»... С. 106.

²⁵ См.: Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1902 г. СПб., 1902. С. 510.

²⁶ См.: Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1902. № 9. С. 109.

и был непременно членом попечительского совета Моршанской женской гимназии²⁷.

После перевода на службу в Моршанск семья Пактовских продолжала поддерживать отношения с Дмитриевыми, в отделе рукописей РГБ нами была обнаружена в 2016 г. семейная фотография 1904 г., которую Федор Егорович отправил Наталии Ивановне Дмитриевой с надписью: «Дорогой и уважаемой Наталии Ивановне Дмитриевой от видимых и невидимых ею Пактовских. 1904 г., март 23 дня»²⁸.

Ф.Е. Пактовский был женат, у него было четверо детей. В издании «Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 год» указаны двое сыновей 1886 и 1899 г. рождения и две дочери – 1897 и 1901 г. рождения²⁹. На указанном фото-портрете изображены все члены семьи Пактовских: жена – Зороастрова Анна Алексеевна (1862–1952), по правую руку от Пактовского запечатлены сыновья Леонид и Георгий, а по левую руку – две дочери – Ольга и Юлия³⁰.

Также следует отметить, что Ф.Е. Пактовский продолжил и научную работу в Моршанске, здесь вышел его очерк «Русские на войне: по произведениям Вс.М. Гаршина и Л.Н. Толстого»³¹. Часть сбора от продажи книг была пожертвована на нужды Русско-японской войны.

Белгородский период

С 1 июля 1905 г. начинается Белгородский период в жизни Федора Егоровича. Приказом Министерства народного просвещения № 52 он был назначен директором Белгородского учительского института³².

Данным учебным заведением Федор Егорович руководил один год. В это время в учительском институте обучалось 67 воспитанников. В 1906 г. институт окончил 21 человек. В городском училище при

²⁷ См.: Сборник-календарь служащих в Тамбовской губернии лиц на 1903 год. Тамбов: Типо-Литография губернского правления, 1903. С. 56–57.

²⁸ ОР РГБ. Ф. 745: Дмитриевы. Карт. 9. Ед. хр. 12.

²⁹ См.: Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 год. Петроград, 1917. С. 525.

³⁰ ОР РГБ. Ф.745: Дмитриевы. Карт. 9. Ед. хр. 12.

³¹ *Пактовский Ф.Е.* Русские на войне: по произведениям Вс.М. Гаршина и Л.Н. Толстого. Моршанск: Изд. Типо-Лит. В.И. Холуянова, 1905. 50 с.

³² См.: Журнал министерства народного просвещения. 1905. Ч. 369. С. 27.

институте обучались 82 ученика. В учебном заведении работали директор; законоучитель; преподаватели: наук – 4; черчения, рисования и чистописания – 1, пения – 1, гимнастики – 2, прочие должностные лица – 3. В 1905/06 уч. г. учительский институт и городское училище располагались в двухэтажном каменном здании, нанятом с 1 мая 1896 г. на 10 лет у потомственного Почетного гражданина Мачурина, с ежегодной оплатой 3300 руб., согласно утвержденному учебным начальством контракту. В отдельном одноэтажном флигеле – во дворе находилась квартира директора, во втором флигеле дополнительное помещение для интерната на 10 человек, нанятое с 1 июля 1904 г., в маленьком флигеле – прачечная, в главном здании – квартира эконома, а письмоводитель за неимением помещения получал от городского общества квартирные 200 рублей в год, так как его квартира была использована для расширения помещений городского училища. Выдавались квартирные деньги по 150 руб. учителям городского училища. В целом содержание института в данный период обходилось в 30–31 тыс. рублей. Плата за обучение взималась лишь со своекоштных воспитанников института, в размере 40 руб. в год. Во втором полугодии 1905 г. их было 6³³.

Следует отметить, что Федор Егорович как директор учебного заведения уделял значительное внимание внеучебному воспитательному процессу. В 1905 г. весьма часто, особенно в канун праздников, под руководством директора воспитанники читали и обсуждали классические произведения русских и европейских классиков, например «сочинения графа А.Н. Толстого, Ф. Шиллера, Дж. Байрона, В.Г. Короленко, А.П. Чехова, причем выяснялось значение того или другого писателя»³⁴. А 17 сентября 1905 г. под руководством преподавателя искусства М.В. Игумнова воспитанники учительского института посетили в г. Харьков передвижную художественную выставку.

Нельзя не отметить, что именно на время работы Ф.Е. Пактовского в учительском институте пришлось события начального периода революции 1905–1907 гг. В отчете о работе учебного заведения за вторую половину 1905 г. он отмечал «единственный случай нарушения порядка» – 20 октября 1905 г. 20 воспитанников учительского института самовольно покинули занятия для участия вместе с учениками и ученицами гимназий г. Белгорода в манифестации по случаю манифеста 17 октября 1905 г.: «После манифестации, около 2 часов дня учащиеся всех трех учебных заведений города Белгорода явились в институт и просили директора принять от них

³³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 204. Д. 506. Л. 1–25.

³⁴ Там же. Л. 23.

следующее общее от всех учащихся решение: удовлетворившись полученной русским народом гражданской свободой и политическими реформами, желаем продолжать занятия на началах общего спокойствия». Никаких репрессивных мер по отношению к воспитанникам института принято не было³⁵.

Одновременно со службой в учительском институте Ф.Е. Пактовский являлся председателем педагогического совета и строительной комиссии Белгородской женской гимназии³⁶.

2 сентября 1906 г. Федор Егорович Пактовский был назначен директором 2-й Харьковской мужской классической гимназии (приказ № 68)³⁷.

Достоверно известно, что Белгород Федор Егорович покинул на поезде 29 сентября 1906 г. В газете «Южный край» был опубликован репортаж о его отъезде из города, в котором были отмечены отношение учеников и жителей к нему, заслуги в общественной и педагогической жизни Белгорода: «Тысячная толпа народа, тесно сплотившись один к одному, окружала непроницаемым кольцом отъезжавшего из Белгорода <...> любимца учащейся молодежи и всей прогрессивной интеллигенции – директора Белгородского учительского института и женской гимназии Феодора Георгиевича Пактовского»³⁸. Несмотря на короткий период руководства им учебным заведением, автор заметки отмечает, что Федор Егорович «беззаветной преданностью делу просвещения молодежи, корректностью, тактом, отеческим отношением к своим питомцам сумел заставить их горячо полюбить себя и проникнуться глубоким, неподдельным уважением к нему»³⁹. На память о белгородском периоде и учебных заведениях Ф.Е. Пактовскому были подарены групповая фотография от преподавателей учительского института, групповой портрет членов строительной комиссии Белгородской женской гимназии и альбом фотографий от учениц женской гимназии.

Харьковский период

Во время службы директором во 2-й харьковской гимназии в 1907 г. он стал председателем строительной комиссии, созданной в целях наблюдения за производством работ по переустройству

³⁵ Там же. Л. 25.

³⁶ См.: Южный край. 1906. 23 февр. № 8710. С. 5; По России: г. Белгород // Южный край. 1906. 6 окт. № 8907. С. 5.

³⁷ См.: Журнал министерства народного просвещения. 1906. Ч. 5. С. 77.

³⁸ По России: г. Белгород... С. 5.

³⁹ Там же.

гимназии, на что Министерством народного просвещения было ассигновано более 130 000 руб.⁴⁰ Также на основании анализа «Списков лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения» за 1906–1917 гг. было установлено, что уроки он вел с 1912 по 1917 г., о чем свидетельствует появление статьи в жаловании «за уроки – 450 руб.» за указанные периоды⁴¹. Кроме того, в 1915 г. он выступил инициатором увековечивания памяти об учениках гимназии – участниках Первой мировой войны. В газете «Южный край» он обратился ко всем ученикам и выпускникам учебного заведения с просьбой «прислать о себе биографические сведения о своей военной карьере, об участии в делах, получении наград, а равно фотографические карточки свои. Данные эти необходимы для сборника-альбома участников войны и фотографической группы георгиевских кавалеров, последней будет украшен торжественный зал гимназии»⁴².

Наряду с преподавательской и управленческой деятельностью во 2-й харьковской гимназии, Ф.Е. Пактовский принимал активное участие в жизни других учебных, социальных и благотворительных учреждений города. 1 марта 1908 г. он был назначен председателем педагогического совета Харьковской женской гимназии при евангелическо-лютеранской церкви Св. Вознесения⁴³. 12 марта 1910 г. – председателем педагогического совета женской гимназии, содержащейся В.А. Шекун⁴⁴. Также являлся членом Общества грамотности, председателем комитета харьковского женского ремесленного училища Общества грамотности.

1909 год стал знаменательным в его научной и педагогической деятельности: он принимает активное участие в праздничных мероприятиях, посвященных 100-летию со дня рождения Н.В. Гоголя. В этом году выходит его труд «Николай Васильевич Гоголь. Его жизнь, деятельность и творчество»⁴⁵. А.Ф. Пактовский участвовал

⁴⁰ См.: Строительная комиссия // Южный край. 1907. 18 сент. № 9186. С. 4.

⁴¹ См.: Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1917 год. С. 525.

⁴² От харьковской 2-й гимназии // Южный край. 1915. 25 окт. № 13 004. С. 6.

⁴³ См.: Местная хроника: Назначение // Южный край. 1908. 6 марта. № 9328. С. 3.

⁴⁴ См.: Харьков и губерния на страницах газеты «Южный край»... С. 232.

⁴⁵ *Пактовский Ф.Е.* Николай Васильевич Гоголь: Его жизнь, деятельность и творчество: чтение в средней школе: к 100-летию со дня рождения великого писателя. Харьков: Изд. кн. магазина «Нового времени» А.С. Суворина, 1909. 43 с.

22 марта 1909 г. в народных чтениях, где представил биографию писателя и повесть «О том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (22 марта 1909 г.). Он также принял участие в торжественном чествовании Н.В. Гоголя в Народном доме 28 апреля, где прочел очерк о жизни писателя и его литературной деятельности⁴⁶.

В августе 1909 г. состоялось празднование 25-летия педагогической деятельности Федора Егоровича Пактовского. В 2020 г. удалось обнаружить электронную копию – иллюстрированное приращение к № 9764 газеты «Южный край» (от 15 августа 1909 г.), в которой представлен его портрет с подписью «Ф.Г. Пактовский. Директор 2-й Харьковской гимназии. По случаю исполнившегося 13 августа 25-летия его педагогической деятельности». Вместе с тем в газете отмечена «любовь учащихся» к нему, его общественная и благотворительная деятельность.

Не оставляя свое научное увлечение литературой, Федор Егорович стремился привить интерес к ней жителям города разных возрастов. Он часто принимал участие в бесплатных народных чтениях «с туманными картинками», которые проходили по воскресеньям как для взрослых, так и для детей. 6 декабря 1909 г. он читал повесть Н.А. Некрасова «Генерал Топтыгин»⁴⁷, 21 февраля 1909 г. – рассказ для детей «Волчок-доносчик» Е.А. Салиаса⁴⁸, 22 марта 1909 г. представил биографические сведения Н.В. Гоголя и прочел его повесть «О том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»; 7 ноября 1910 г. для взрослых он прочел «Ужасный день» К.М. Станюковича⁴⁹. Отметим, что Федор Егорович активно занимался популяризацией творчества Н.В. Гоголя.

В 1913–1914 гг. Ф.Е. Пактовский принимал активное участие в литературно-художественном кружке, где выступал с докладами о творчестве современных ему писателей – В.Г. Короленко и А.И. Куприна. А уже в 1914–1918 гг., во время Первой мировой войны, Ф.Е. Пактовский был председателем беженского отдела при Центральном педагогическом комитете⁵⁰. Принимал активное участие в снабжении детей-беженцев одеждой, обувью и учебниками⁵¹.

⁴⁶ См.: Чествование памяти Гоголя // Южный край. 1909. 25 апр. № 9670. С. 5.

⁴⁷ См.: Южный край. 1909. 19 дек. № 9858. С. 11.

⁴⁸ Там же. 1910. 21 февр. № 9920. С. 8.

⁴⁹ Там же. 7 нояб. № 10 136. С. 8.

⁵⁰ См.: *Жванко Л.М.* Біженство Першої світової війни в Україні: Документи і матеріали (1914–1918 рр.). Харків: ХНАМГ, 2010. С. 189.

⁵¹ См.: Южный край. 1915. 25 окт. № 13 004. С. 6.

По данным правнука, Юрия Палкина, известно, что жена Федора Егоровича Анна Алексеевна была верным другом и помощником в течение их совместной жизни. Из жизни он ушел в 1922 г., документальных свидетельств, подтверждающих этот факт, не обнаружено⁵².

Более чем за 33-летнюю службу в ведомстве Министерства народного просвещения к 1917 г. Ф.Е. Пактовский был награжден орденами Св. Станислава 2 ст. (1896 г.), Св. Анны 2 ст. (1901 г.), Св. Владимира 4 ст. (1906 г.), Св. Владимира 3 ст. (1912 г.), Св. Станислава 1 ст. (1915 г.) и медалями: в память царствования Императора Александра III и 300-летия царствования Дома Романовых. Ему также были присвоены следующие чины: статского советника (13 июля 1896 г.); действительного статского советника (1 января 1909 г.).

Заключение

Таким образом, карьерный путь Федора Егоровича Пактовского, получившего высшее образование в Императорском университете, стал ярким примером продвижения от должности учителя до директора учительского института, а позднее гимназии. В профессиональной и личной биографии Федора Егоровича условно можно выделить пять периодов: Саратовский (1884–1899), Казанский (1899–1902), Моршанский (1902–1905), Белгородский (1905–1906) и Харьковский (1906–1917). Наряду со службой в учебных заведениях и управлении ими, он активно участвовал в жизни общественных и благотворительных организаций. Как опытный филолог, он постоянно занимался научной деятельностью, был любимцем своих воспитанников, учеников и интеллигенции, о чем свидетельствуют материалы периодической печати.

Литература

- Воронова 2008 – *Воронова Л.Я.* Проблематика историко-литературных исследований Общества любителей русской словесности в память А.С. Пушкина // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2008. Т. 150. С. 7–18.
- Грибовский 2020 – *Грибовский М.В.* Николай Андреевич Гредескул: профессор эпохи русской революции // Новый исторический вестник. 2020. № 1 (63). С. 116–127.

⁵² См.: *Палкин Ю.И.* Наша история. URL: <http://www.science-techno.ru/nt/category/nauka/nasha-istoriya> (дата обращения 20.08.2014).

- Денисова, Лю-Ку-Тан 2017 – Денисова И.В., Лю-Ку-Тан В.А. Белгородский учительский институт в экспозиции музея истории НИУ «БелГУ» // Национальное культурное наследие России: региональный аспект: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Самара: Самар. гос. ин-т культуры. С. 274–278.
- Денисова 2018 – Денисова И.В. Научно-исследовательская деятельность музея истории Белгородского государственного национального исследовательского университета // Жизнь земли: Междисциплинарный научно-практический журнал. 2018. Т. 40. № 1. С. 77–83.
- Московкин 2014 – Московкин В.М. Белгородский учительский институт: директора, преподаватели и выпускники // Научный результат. Серия: Социальные и гуманитарные исследования. 2014. № 2 (2). С. 29–41. DOI:10.18413/2408-932X-2014-1-2-29-41
- Московкин 2016 – Московкин В.М. Очерки о творческой деятельности четырех директоров Белгородского учительского института // Научный результат. Серия: Социальные и гуманитарные исследования. 2016. Т. 2. № 3 (9). С. 22–43. DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-3-22-43
- Черкасов, Петрова 2018 – Черкасов В.А., Петрова С.В. «Честный характер и чистый поэтический дар»: творчество А.К. Толстого в освещении Ф.Е. Пактовского // Научный результат: Социальные и гуманитарные исследования. 2018. Т. 4. № 1. С. 20–25. DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-1-20-25
- Черкасов, Петрова 2019 – Черкасов В.А., Петрова С.В. Его величество... фатум!: Polemika Ф.Е. Пактовского с интерпретационными стереотипами литературно-критической чеховианы 1880–1900-х // Научный результат: Социальные и гуманитарные исследования. 2019. Т. 5. № 1. С. 33–56. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-1-0-4

References

- Cherkasov, V.A. and Petrova, S.V. (2018), “ ‘Honest character and pure poetic gift’. Works by A.K. Tolstoi in F.E. Paktovsky’s works”, *Research Result. Social studies and humanities*, vol. 4, no. 1, pp. 20–25, DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-1-20-25
- Cherkasov, V.A. and Petrova, S.V. (2019), “Her majesty... Fate! Polemic of F. Paktovsky with interpretational stereotypes of literary and critical Chekhovian of 1880–1900”, *Research Result. Social studies and humanities*, vol. 5, no. 1, pp. 33–56. DOI: 10.18413/2408-932X-2019-5-1-0-4
- Denisova, I.V. (2018), “Scientific research activity of the Museum of History of Belgorod National Research University”, *Zhizn’ Zemli*, vol. 40, no. 1, pp. 77–83.
- Denisova, I.V. and Lyu-Ku-Tan, V.A. (2017), “Belgorod teacher training Institute in the Museum of history of ‘BelsU’ ”. in *Natsional’noe kul’turnoe nasledie Rossii: regional’nyi aspekt. Materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [National cultural heritage of Russia. Regional aspect. Proceedings of the 5th All-Russian Scientific and Practical Conference]. Samara, Russia, pp. 274–278.

- Gribovskii, M.V. (2020), "Nikolai Andreevich Gredeskul: professor of the Russian Revolutionary Epoch", *Novyi istoricheskii vestnik*, vol. 63, no. 1, pp. 116–127.
- Moskovkin, V.M. (2014), "Belgorod teachers' training institute. The directors, teachers and graduates", *Research Result. Social studies and humanities*, vol. 2, no. 2, pp. 29–41, DOI:10.18413/2408-932X-2014-1-2-29-41
- Moskovkin, V.M. (2016), "Essays about creative activities of four directors of Belgorod Teacher's Institute", *Research Result. Social studies and humanities*, vol. 2, no. 3, pp. 22–43, DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-3-22-43
- Voronova, L.Ya. (2008), "Problematics of historical and literary investigations by Russian literature lovers' society in the memory of A.S. Pushkin", *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, vol. 150, pp. 7–18.

Информация об авторах

Ирина В. Денисова, кандидат исторических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия; 308015, Россия, Белгород, ул. Победы, д. 85; denisova@bsu.edu.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6612-4191>

Виктория А. Лю-Ку-Тан, кандидат исторических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия; 308015, Россия, Белгород, ул. Победы, д. 85; lyu-ku-tanv@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0655-9246>

Information about the authors

Irina V. Denisova, Cand. of Sci. (History), Belgorod National Research University, Belgorod, Russia; 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia; denisova@bsu.edu.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6612-4191>

Viktoria A. Lyu-Ku-Tan, Cand. of Sci. (History), Belgorod National Research University, Belgorod, Russia; 85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia; lyu-ku-tanv@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0655-9246>

Документоведение и архивоведение: история, теория, практика

УДК 930.25

DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-105-122

*К 150-летию государственного и общественного деятеля,
выдающегося организатора и руководителя
архивного дела в Сибири В.Д. Вегмана*

Путь длиной в столетие:
от бюллетеня «Сибархив» 1920-х гг.
до научно-исторического журнала
сибирских архивистов «Сибирский архив»

Владимир В. Моисеев

*Сибирский университет потребительской кооперации,
Новосибирск, Россия, mvv-2008@list.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты проведенного на основе архивных материалов анализа бюллетеня «Сибархив» – первого в Сибири периодического информационного архивного издания, сыгравшего исключительно важную роль в налаживании обмена информацией архивных учреждений на огромных территориях Сибирского края, в популяризации архивов, привлечении их к научной работе. Подробно рассмотрены все выпущенные за три с половиной года номера бюллетеня, выделены важнейшие темы и поднятые в нем проблемы, начиная с 1928 г.

Обозначена выдающаяся роль руководителя Сибархива В.Д. Вегмана в спасении от расхищения и гибели документальных и архивных материалов, в организации губернских управлений архивным делом, в привлечении к работе в архивах Сибири научно эрудированных, преданных архивному делу специалистов.

Показано, как опыт бюллетеня «Сибархив» оказался востребованным архивистами конца XX – начала XXI в. Приведенные в статье примеры доказывают, что современные представители периодической архивной печати – бюллетень «Новосибирский архивный вестник» и научно-исторический электронный журнал «Сибирский архив» – вобрали в себя интересные и эффективные формы и методы работы своих предшественников,

© Моисеев В.В., 2023

возродили и сохранили лучшие традиции, остались в русле актуальных проблем профессионального сообщества историков и архивистов Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, Сибирское управление архивным делом (Сибархив), В.Д. Вегман, журнал «Архивное дело», Центрархив, бюллетень «Сибархив», «Новосибирский архивный вестник», научно-исторический электронный журнал «Сибирский архив», архивисты, ученые-историки, архивы, архивные бюро, архивный документ

Статья поступила в редакцию 21 марта 2023 г.;

принята к публикации 5 июня 2023 г.

Для цитирования: Моисеев В.В. Путь длиной в столетие: от бюллетеня «Сибархив» 1920-х гг. до научно-исторического журнала сибирских архивистов «Сибирский архив» // История и архивы. 2023. Т. 5. № 3. С. 105–122. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-105-122

A century-long journey. From the “Sibarchive” bulletin of the 1920s to the scientific and historical journal of Siberian archivists “Siberian Archive”

Vladimir V. Moiseev

*Siberian University of Consumer Cooperation,
Novosibirsk, Russia, mvv-2008@list.ru*

Abstract. The article presents results of the analysis conducted on the basis of archival materials of the bulletin “Sibarchiv” – the first in Siberia periodic information archival publication, which played an extremely important role in establishing the information exchange of archival institutions in the vast territories of the Siberian Region, in popularizing archives, attracting them to scientific work. All three and a half years’ worth of issues of the bulletin are considered in detail and the most important topics and questions raised in it since 1928 highlighted.

The outstanding role of V.D. Wegman, the head of the Sibarchive in saving documentary and archival materials from plunder and destruction, in organizing provincial archival departments, in attracting scientifically erudite, dedicated archiving specialists for work in the archives of Siberia is indicated.

It is shown how the experience of the bulletin “Sibarchiv” turned out to be in demand by archivists of the late 20th century – early 21st century. The examples given in the article prove that modern versions of the periodic archival press – the bulletin “Novosibirsk Archival Bulletin” and the scientific and historical

electronic journal “Siberian Archive” – have absorbed interesting and effective forms and methods of work from their predecessors, revived and preserved the best traditions, remained in line with the current concerns of the professional community of historians and archivists in Siberia.

Keywords: Siberia, Siberian Department of Archival Affairs (Sibarkhiv), V.D. Wegman, journal “Archive Business”, Central Archive, bulletin “Sibarkhiv”, “Novosibirsk Archival Bulletin”, scientific and historical electronic journal “Siberian Archive”, archivists, historians, archives, archival bureaus, archival document

The article was submitted 21.03.2023;

accepted for publication 5.06. 2023.

For citation: Moiseev, V.V. (2023), “A century-long journey. From the ‘Sibarchive’ bulletin of the 1920s to the scientific and historical journal of Siberian archivists ‘Siberian Archive’”, *History and Archives*, vol. 5, no. 3, pp. 105–122, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-105-122

Введение

Уже в первых номерах журнала «Архивное дело» – периодического издания органа Управления Центрархивом при ВЦИК РСФСР (Центрархив) (1922–1929), Центрального архивного управления РСФСР (ЦАУ РСФСР), Центрального архивного управления Союза ССР (ЦАУ СССР) (1929–1938), Главного архивного управления НКВД СССР (ГАУ НКВД СССР) (1938–1946) – публиковались материалы, касающиеся популяризации архивов в провинции, говорилось о необходимости обмена архивной информацией, регулярного издания архивных бюллетеней на местах.

В связи со 100-летним юбилеем печатного органа главного архивного ведомства страны, родоначальником которого стал журнал «Архивное дело», главный редактор журнала «Отечественные архивы» Т.И. Бондарева отмечает: «В обращении к читателям в 1923 г. говорилось, что это “первая попытка создания в России специального органа, посвященного вопросам архивоведения в широком смысле слова”, а его целью ставилось “посильное освещение новой архивной жизни, как она проходит в Центре и на местах”»¹.

В Сибири (т. е. «на местах») такое информационное издание увидело свет в 1928 г.

¹ Бондарева Т.И. К нашим читателям // Отечественные архивы. 2023. № 1. С. 3–4. URL: <https://rusarchives.ru/publikacii/otechestvennyye-arhivy/8210/k-nashim-chitatelnyam> (дата обращения 15.03.2023).

За три с половиной года существования бюллетеня «Сибархив» (такое название оно получило) было выпущено 14 номеров тиражом 80–100 экземпляров. Напечатано 183 материала: статьи, циркуляры, обзоры, планы и отчеты, хроника, вести с мест, информационно-справочные материалы. Наиболее часто поднимались вопросы реформирования и популяризации архивного дела, совершенствования работы архивных бюро (21 материал), разборочной комиссии (26 материалов), проведения макулатурной кампании, организации научно-исследовательской работы (11 материалов), фактов гибели и порчи архивов (9 материалов). Кроме того, практически в каждом номере печатались отчеты и вести от архивных бюро с мест (17 материалов), обнародовались штатные расписания, кадровые перестановки, информация о наказаниях нерадивых архивных работников, справки инспекторских проверок на местах. Было опубликовано 18 циркулярных писем.

Анализ показал, что в основном статьи, крупные обзоры, критические публикации в адрес окружных архивных бюро готовили лично руководитель Сибирского управления архивным делом (Сибархива) В.Д. Вегман (44 публикации) и его заместитель А.А. Черных (31 публикация), а информационно-справочные материалы – остальные сотрудники.

Источниковой базой исследования послужили все выпущенные за период 1928–1931 гг. бюллетени «Сибархив», находящиеся в настоящее время на хранении в Государственном архиве Новосибирской области (фонд Р-2), а также все номера бюллетеня «Новосибирский архивный вестник», выпускаемого управлением Государственной архивной службы Новосибирской области. Электронные версии данного бюллетеня находятся на сайте названного управления². В ходе исследования был проведен анализ материалов, опубликованных в научно-историческом электронном журнале «Сибирский архив»³.

² Мультимедийный архив Новосибирской области. Новосибирский архивный вестник. URL: <https://archportal.nso.ru/elektronnaya-biblioteka/novosibirskiy-arkhivnyy-vestnik/> (дата обращения 15.03.2023).

³ Электронный журнал «Сибирский архив». URL: <https://archivesiberia-journal.nso.ru/> (дата обращения 15.03.2023).

*Предпосылки возникновения первого в Сибири
периодического печатного информационного
архивного издания*

3 февраля 1920 г. Сибирским революционным комитетом (Сибревкомом) в целях организации и централизации архивного дела было учреждено Сибирское управление архивным делом (Сибархив) – первый орган управления архивным делом в Сибири. Задачи его определило Положение⁴, опубликованное в газете «Советская Сибирь»⁵. Полномочия Управления распространялись на территорию Сибири в ее дореволюционных границах, включая Омскую губернию на западе и Иркутскую – на востоке, Семипалатинскую – на юге и Якутскую – на севере.

1 июля 1920 г. начальником Сибархива был назначен Вениамин Давидович (Давыдович⁶) Вегман (1873–1936 гг.) – профессиональный большевик, руководитель Сибистпарта, заведующий Сибирской книжной палатой, член редколлегии Сибирской советской энциклопедии (1929–1932 гг.), член редколлегии журнала «Сибирские огни», один из инициаторов создания и председатель Общества изучения Сибири и ее производительных сил, первый начальник краевой цензуры – Сиблита, владелец богатейшей личной библиотеки. Масштаб деятельности этой личности еще не до конца оценен. Первые статьи о нем и его деятельности стал публиковать крупный сибирский историк В.С. Познанский [Познанский 1967; Познанский 1968]. Он писал, что идея обратиться к теме для подготовки статьи, «посвященной В.Д. Вегману, возникла у автора в середине 60-х годов». С этого же времени, по утверждению В.С. Познанского, и сибирские краеведы, в первую очередь архивисты, «перестали обходить стороной имя Вегмана, привлекая к нему интерес общественности» [Познанский 2000]. Неоднократно обращался к деятельности В.Д. Вегмана видный сибирский книговед А.Л. Посадсков. Именно его статья о В.Д. Вегмане помещена в энциклопедию г. Новосибирска⁷. Заметным событием стало издание в 2010 г. сборника документов к 90-летию Сибархива «Вениамин Вегман. Государственная, научная и общественная

⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д.2 86. Л. 63–63 об.

⁵ См.: Советская Сибирь. 1920. 7 февр.

⁶ В разных документах 1920–1930-х гг., в том числе официальных, встречаются оба варианта отчества В.Д. Вегмана.

⁷ Посадсков А.Л. Вегман Вениамин Давидович (Давыдович) // Новосибирск: энциклопедия: доп. 2003 г. Новосибирск, 2004. С. 4–5.

деятельность»⁸. Однако вызывает сожаление, что в некоторых публикациях начала и середины 2000-х гг. В.Д. Вегман представлен, по нашему мнению, предвзято, а «сенсационные» выводы авторов построены на основе домыслов и предположений.

Между тем личность Вегмана нельзя отрывать от своей эпохи со всеми ее немислимыми зигзагами. Политэмигрант, политзаключенный, а затем политический, государственный, общественный деятель, публицист, оратор, историк, архивист, энциклопедист, театральный критик, он был причастен ко всем событиям, которые проходили в Сибири начиная с 1914 г. и до его кончины в 1936 г. Был хорошо знаком с Троцким, имел от него рекомендательное письмо к Г.В. Плеханову; сотрудничая с газетой «Искра», общался с В.И. Лениным. В анкете, составленной в 1927 г., в числе тех, кто может подтвердить его революционную деятельность до Февральской революции, В.Д. Вегман называет Каменева, Бухарина, Крупскую, Шотмана, а тех, кто может подтвердить его пребывание в политической ссылке – Смирнова, Косарева, Рыкова. Вот такой энергичный, весьма авторитетный и известный человек возглавлял Сибархив – первый орган управления архивным делом в Сибири.

Перед Сибархивом в то время стояли почти невыполнимые задачи: спасти от расхищения и гибели документальные материалы, древние и современные, найти все «беспризорные» архивы, собрать их в государственные хранилища в виде обособленных архивных фондов. Надо было срочно установить контроль над хранением делопроизводственной документации во всех учреждениях, организациях и на предприятиях. Предстояло организовать губернские управления архивным делом (губархивы), к руководству которыми привлечь научно эрудированных, имеющих навык к системной работе и преданных душой архивному делу людей. Примечателен, например, тот факт, что в должности научного сотрудника Сибархива у него состоял находившийся в сибирской ссылке под надзором ОГПУ видный историк, археолог и архивист, член-корреспондент АН СССР С.К. Богоявленский⁹. О нем Т.И. Хорхордина пишет: «В поддержке ученого главную роль сыграло местное архивное руководство, в частности хороший знакомый В.В. Макасова – В.В. Вегман, который чуть позже будет сам репрессирован как “враг народа”» [Хорхордина 2003, с. 333].

⁸ Вениамин Вегман: Государственная, научная и общественная деятельность: Сборник документов к 90-летию Сибархива / Сост. Л.С. Пашенко, Е.А. Мамонтова, С.Г. Петров, Л.И. Пыстина. Новосибирск: ООО «Альфа-Порте», 2010. 450 с.

⁹ Анкетный лист С.К. Богоявленского хранится в ГАНО (Ф. Р-2. Оп. 3. Д. 20. Л. 1–1 об.).

Большое значение для организации и координации работы архивистов Сибири имело первое Сибирское краевое совещание архивных работников в Новосибирске 22–23 декабря 1926 г. В докладах, выступлениях и резолюции отмечалось: несмотря на то что контакты как между краевыми органами Сибири и местными архивными учреждениями, так и между Краевым бюро и Центрархивом усилились, было признано необходимым укрепление систематической инструкторской связи Сибархива с архивными органами на местах¹⁰.

В.Д. Вегман как редактор, член редколлегии многих сибирских газет, автор материалов журнала Центрархива «Архивное дело» понимал, что руководителям окружных архивных бюро и их сотрудникам, разбросанным по территориям бескрайней Сибири, оторванным друг от друга и остро нуждающимся в деловом общении, нужен эффективный инструмент профессионального взаимодействия.

Он, конечно, знал, что в 1911–1916 гг. в одном из старейших сибирских городов Иркутске (некоторое время – в Минусинске) издавался «Сибирский архив» – журнал по истории, археологии, географии и этнографии Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока. Основателем, редактором и издателем этого частного журнала являлся историк и географ, преподаватель Иркутского учительского института А.И. Линьков, стоявший у истоков создания Иркутской губернской ученой архивной комиссии. Этот первый в Сибири историко-краеведческий журнал был весьма популярен среди современников. В нем печатались предания, легенды, пословицы, дневники, письма, небольшие литературные произведения, описания археологических экспедиций, материалы о состоянии образования, культуры, общественной жизни в Сибири, источники по истории и этнографии края. Приводились архивные документы, заветания, связанные с известными людьми.

Под таким же названием – «Сибирский архив» – издавался в Праге журнал Общества сибиряков в Чехословацкой Республике в 1929–1935 гг.¹¹

Учитывая объективно сложившееся крайне затрудненное деловое общение сибирских архивистов, руководители Сибархива приняли решение начать издание информационного бюллетеня под названием «Сибархив», первый номер которого вышел 25 октября 1928 г. тиражом 100 экземпляров.

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 87. Л. 3–10 об.

¹¹ Вышли 5 номеров (ред. И.А. Якушев), они хранятся в Государственном архиве Российской Федерации.

*Бюллетень «Сибархив» –
информатор и популяризатор архивного дела,
инструмент делового общения центра
и окраинных территорий Сибирского края*

Уже в первом номере бюллетеня В.Д. Вегман пишет, обращаясь к читателям, что задача ежемесячного бюллетеня – знакомить сибирских архивистов с ходом и развитием архивной работы в Сибири: «Чтобы не сделать наш гектографический бюллетень громоздким, мы вынуждены ограничиваться краткими заметками и сжатой информацией, которыми постараемся отразить состояние, а также ход и постановку текущей архработы»¹². Он выражал надежду, что бюллетень будет также отмечать достигнутые успехи и сделанные промахи, и рассчитывает, что страницами бюллетеня воспользуются живущие в Сибири архивисты «для того, чтобы высказать и свое мнение по тому или иному архвопросу»¹³.

Посылая первый номер бюллетеня в Центрархив, В.Д. Вегман пишет: «...Насколько правильно мы разрешили эту задачу – не знаем. Ждем ваших указаний, вашей строгой критики»¹⁴. И такая оценка последовала. Заведующий отделом местных учреждений Управления Центрархива Д.Г. Истнюк в журнале «Архивное дело» за 1928 г. дает подробнейший анализ первых трех выпусков Бюллетеня и резюмирует: «Редакция правильно полагает, что с изданием бюллетеня должна сократиться до некоторой степени переписка Сибархива с Окрайхивами и что бюллетень явится полезным дополнением к существующей живой связи центра с местами. Архивных работников края редакция призывает к обмену мнениями на страницах бюллетеня по наиболее актуальным вопросам архивной работы»¹⁵.

Кроме того, практически сразу пошли положительные отклики с мест. Например, Канское окрархбюро с удовлетворением приветствовало выпуск №1 Бюллетеня «Сибархив», отмечая, что необходимость в таком издании назрела: «Мы, работники округов, оторваны друг от друга и не знаем, что делается по архивному делу в Сибкрае. На страницах бюллетеня необходимо нам делиться своим опытом и помещать заметки о своих недостатках и волнующих нас вопросах...». Из Ачинска завархбюро пишет, что бюллетень

¹² ГАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 212. Л. 46.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Д. 245. Л. 1.

¹⁵ Архивное дело. 1928. Вып. 4. С. 105–107. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_008918225?page=453&rotate=0&theme=white (дата обращения 15.03.2023).

должен будет сослужить архивистам большую службу «в части нашей практической работы...»¹⁶.

С первых своих номеров бюллетень Сибархива вышел далеко за рамки простого информационного издания. Так, уже во втором номере была опубликована большая статья «О популяризации архивного дела», в которой с тревогой сообщалось о том, что «На столбцах местных газет очень редко попадают статьи, посвященные популяризации архивного дела. И, поэтому, вполне понятно, если широкие рабоче-крестьянские массы, да и многие ответработники, которые большей частью те же рабочие и крестьяне, недавно оторванные от молота и плуга, все еще относятся в архстроительству с некоторым предубеждением и не уделяют ему должного внимания. Поэтому-то мы изредка все еще наталкиваемся и на высокомерно-пренебрежительное отношение к архивному делу, и на взгляд, что архивы ненужный хлам. Имея налицо такое могучее орудие, как пресса, проникающая в наши дни в самые отдаленные таежные уголки, архработники, однако, слабо пользуются им для того, чтобы изжить эти ненормальные явления»¹⁷.

В.Д. Вегман прекрасно владел научной исторической информацией в крае, поэтому не отказывал себе в публикации острых критических статей, причем невзирая на статус и служебное положение разного рода деятелей. Так, в июльском номере за 1930 г. он пишет: «Из года в год многие научные учреждения Москвы и Ленинграда командируют в Сибирь уполномоченных, представителей или агентов для отбора в местных архиво- и книгохранилищах книг и газет, в которых центральные научные учреждения, якобы, нуждаются и которых будто бы в центре никак найти нельзя. Можно подумать, что Сибирь представляет собой неисчерпаемую книжно-газетную сокровищницу. Фактически же дело обстоит уже так, что сейчас ни в одном из сибирских книгохранилищ не найти комплектов многих сибирских газет, не найти даже многих книг из тех, которые были изданы на территории Сибири.

Каждый вновь приезжающий представитель или уполномоченный, помимо того, что он плохо знаком с библиотекой того учреждения, которое его командировало, совершенно не знает, что вывез из Сибири его предшественник, рывшийся в сибирских архиво- и книгохранилищах в прошлом году или года два тому назад.

Эти уполномоченные, между прочим, совершенно не считаются с нуждами, требованиями, интересами, а равно научным и учебным строительством Сибири. <...> ...вывозятся книги и газеты и нередко такие книги, которые присланы были центром. Словом, книги без

¹⁶ ГАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 245. Л. 1, 5–5 об., 16.

¹⁷ Там же. Д. 212. Л. 50–50 об.

смысла и толка возятся туда и обратно. Уполномоченные обычно требуют, чтобы книги были выданы им немедленно, и крайне недовольны, когда Сибархив не удовлетворяет это требование без проверки описи»¹⁸.

Приводя многочисленные примеры подобной непрофессиональной работы уполномоченных центра, Сибархив совершенно правильно дает указания на места, что ни одно Архивное бюро не вправе выдавать на вывоз из Сибири книги, газеты, документы. На отобранные печатные произведения и документы должна быть составлена точная и полная опись в двух экземплярах: «Один экземпляр описи посылается Сибархиву для проверки и согласования. Архбюро могут выдавать только те печатные произведения, на выдачу которых дает согласие Сибархив. Действительны только те мандаты, которые имеют визу Центрархива и Сибархива»¹⁹.

Беспокоят руководство Сибархива и вопросы научной разработки архивов, укрепления связи с научными и краеведческими организациями края. В декабре 1928 г. в бюллетене выходят на эту тему аналитические и критические статьи, в которых содержатся явные упреки архивным руководителям на местах: «До сих пор архбюро не наладили должную связь с краеведческими и научными организациями. Где эта связь имеется, там она большей частью носит характер механический, а не деловой; случайный, а не систематический. <...> Многочисленные и интересные архивы между тем остаются неисследованными, неразобранными.

Архбюро должны учесть то обстоятельство, что в наши научные организации влился за последнее время приток молодых работников и что одновременно с этим возник ряд новых краеведческих организаций, члены которых имеют слабое представление о наших архивных богатствах»²⁰. Руководитель Сибархива призывает архивистов заинтересовывать молодых научных работников архивным делом, знакомить их с «архивными богатствами путем устройства экскурсий в архивохранилища».

В марте 1929 г. появляются публикации, связанные с задумкой руководителей Сибархива подготовить справочник-путеводитель по сибирским архивам. В пятом номере опубликована информация о том, что Архивные бюро Сибири насчитывают 3318 фондов общей численностью в 866 718 единиц хранения. Однако широкое использование этого архивного богатства – особенно для научных исследований – затрудняется вследствие отсутствия толкового справочника-путеводителя по сибирским архивам: «Работа же по

¹⁸ Там же. Д. 213. Л. 13 об. – 14.

¹⁹ Там же. Л. 14.

²⁰ Там же. Л. 47.

составлению справочника должна вестись с таким расчетом, чтобы справочник вышел из печати еще в текущем году»²¹. В этом же номере публикуется предварительный план путеводителя. Уже в следующем номере бюллетеня дается интересная, на наш взгляд, оценка: «Мероприятия Сибархива по составлению и изданию “Путеводителя по Сибири” ...встретили дружный, сочувственный отклик не только со стороны архработников, но также со стороны сибирских научных работников вообще»²².

Огромной проблемой для всех архивистов того времени были макулатурные кампании. Приходилось преодолевать почти неразрешимое противоречие: сдать больше макулатуры (как того неустанно требовали центральные органы власти) и не утратить при этом уникальные архивные материалы, документы, имеющие историческую ценность и практическое значение. Почти во всех статьях и циркулярах на страницах бюллетеня звучали тревожные нотки. Даже в телеграмме с призывом: «Приготовьте макулатуру для сдачи! Ускорьте отборку макулатуры!» дальше шло указание: «... следить за тем, чтобы Госторги закупали макулатуру только через Архбюро, ибо вследствие усиленного спроса на макулатуру, то или другое учреждение, чтобы скорее освободиться от архивной бумаги, несомненно, поторопится запродать ее и легко возможно, что тогда погибнут многие нужные и ценные фонды»²³.

В январе 1929 г. руководители Сибархива на страницах бюллетеня требуют, чтобы заведующий Архбюро обеспечил серьезное наблюдение за этой работой, учитывая, что «...если учреждения и горят желанием скорее освободиться от своих чрезмерно разбухших архивов, то во всяком случае не всегда по злой воле того или иного служащего, а скорее, и вернее всего, по неопытности или небрежности будут в макулатуру включаться и такие архматериалы, которые не подлежат уничтожению.

Хотя кампания по выделению макулатуры носит характер срочного боевого задания, но она будет протекать нормально и с пользой для дела, если архработники уделят ей должное серьезное внимание»²⁴.

В бюллетене предавались гласности вопиющие факты гибели и порчи архивов. Так, в третьем номере за декабрь 1928 г. публикуются факты продажи архивных материалов в Окружном земельном управлении в Томске, в Болотинском райисполкоме. В шестом номере за 1929 г. публикуется информация о том, что руководители Красноярского клуба «Красный Октябрь» сделали попытку

²¹ Там же. Д. 212. Л. 6.

²² Там же. Д. 213. Л. 40.

²³ Там же. Д. 213. Л. 48.

²⁴ Там же. Д. 212. Л. 69.

продать без санкции Архбюро часть своих архивных материалов, о чем сообщено в Рабоче-крестьянскую инспекцию (РКИ²⁵) для привлечения виновных к ответственности.

Немало фактов приводит бюллетень о так называемых «беспризорных архивах». Вот один из них (ноябрь 1929 г.): «В незамкнутой комнатке при Змеиногорской избе-читальне (Рубцовского округа) свалены в кучу старинные полурастрепанные архивные дела, испытывшие, повидимому [по-видимому], много переносок и перевозок. Никто не мог объяснить, что это за архив и каково его происхождение»²⁶. Далее из текста видно, что там находятся ценнейшие архивные дела, начиная с 1784 г.

Обращает на себя внимание статья-приветствие В.Д. Вегмана, опубликованная в апреле 1929 г. в связи с подготовкой ко Второму съезду архивных работников РСФСР. Руководитель Сибархива пишет: «Если на первом съезде, который состоялся в 1925 г., надо было еще доказывать и убеждать, что современное архивное дело, как оно строится советской властью, “не есть что-то такое для утешения старых ученых”, а “живая, актуальная политическая вещь”, “громадной силы политическое оружие” в руках пролетариата, – то теперь в этом никто уже не сомневается»²⁷. Он отмечает, что архбюро не носят кабинетный характер и не замыкаются узкими академическими рамками, а увязывают и согласовывают свою деятельность с советскими, хозяйственными, научными и общественными организациями: «...они, можно смело сказать, принимают активное участие в культурном и хозяйственном строительстве нашего СССР»²⁸.

Руководители Сибархива живо интересуются тем, как развивается провинциальная периодическая архивная печать и на других территориях. На страницах бюллетеня публикуются списки периодических изданий органов управления архивных делом из других регионов страны и дается анализ некоторых их номеров: «Становится очевидным, что издательство “Бюллетеней” на местах имеет под собой реальную почву. Но не нащупан еще общий тип бюллетеня, наиболее отвечающий целям работы и условиям руководства. Об этом не лишне обменяться мнениями на предстоящем съезде архивных работников в Москве»²⁹.

С целью расширения тематики и географии поступающих с мест материалов нередко от имени редакции бюллетеня публикуются

²⁵ Задачей РКИ являлась борьба за строгий учет материальных ценностей и продовольствия, совершенствование государственного аппарата.

²⁶ ГАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 213. Л. 31 об.

²⁷ Там же. Л. 38.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 39.

обращения к архивным работникам края. Например в сентябре 1929 г. редакция пишет: «Вот уже седьмой номер “Сибархива” издан, а, между тем, сотрудники сибирских архбюро, признавая необходимость издания нашего бюллетеня, не проявляют того активного участия в бюллетене, на которое Сибархив рассчитывает. Редко, редко, когда кто из сибирских архработников удосужится прислать для бюллетеня заметку. И, поэтому, каждый номер бюллетеня почти целиком составляется только сотрудниками Сибархива. И, поэтому, на страницах бюллетеня жизнь и деятельность окружающих архбюро не находит должного отражения»³⁰.

Между тем, несмотря на трудности, бюллетень Сибархива развивается, причем редколлегия не забывает советоваться по важнейшим вопросам с архивными работниками с мест. Так, в декабре 1929 г. она публикует материал, в котором указывается, что Сибархив учитывает все замечания, поступившие с мест, и будут приняты меры, чтобы бюллетень выходил чаще и чтобы отделы его были более разнообразны: «Однако, бюллетень достигнет своей цели и будет выполнять свое назначение лишь в том случае, если сами архработники превратят его в трибуну для оживленного обмена опытом работы»³¹.

В работе Сибархива одной из самых тяжелых была задача сохранить архивные фонды и архивные документы в ходе административно-управленческих реформ того времени. И при этом нельзя забывать о том, что и сам Сибархив было необходимо реформировать, успевая учитывать и собирать архивы ликвидированных организаций. Так, в августовском (1930 г.) номере бюллетеня были поставлены ближайшие задачи архивных бюро в связи с ликвидацией округов: «В связи с тем, что ликвидация округов проводится в спешном порядке, на Окрархбюро лежит сугубая обязанность внимательно следить за тем, чтобы не погибли, чтобы ни на один день не остались беспризорными архивы ликвидирующихся окружающих учреждений и организаций»³².

После разделения Сибирского края на две части³³ создается бюллетень Западно-Сибирского краевого исполнительного комите-

³⁰ Там же. Д. 212. Л. 82 об.

³¹ Там же. Д. 213. Л. 25 об.

³² Там же. Л. 9–9 об.

³³ 30 июля 1930 г. ВЦИК принял постановление «Об образовании Восточно-Сибирского края и о переименовании Сибирского края в Западно-Сибирский». Из 14 округов бывшего Сибирского края и Ойротской (Горно-Алтайской) автономной области был образован Западно-Сибирский край с центром в г. Новосибирске. Сибирское краевое архивное бюро реорганизовано в Западно-Сибирское краевое архивное бюро.

та и Сибархив планирует публиковать в нем официальные документы (инструкции, циркуляры и пр.), а на страницах своего архивного бюллетеня уделять больше места информационному материалу и сообщениям с мест³⁴. Однако в силу объективных и субъективных причин четырнадцатый номер от 10 мая 1931 г. оказался последним.

Возрождение периодической архивной печати в Новосибирской области

Долгие годы органами управления архивным делом в Сибири ничего похожего на бюллетень Сибархива не издавалось. Его материалы лишь несколько раз покидали архивохранилище, чтобы предстать перед исследователями, но после этого бюллетень «удостоился чести» лишь быть упомянутым в ряде статей. Опыт Сибархива был востребован только через 67 лет. В Новосибирске была начата работа по подготовке к изданию Информационно-методического бюллетеня государственной архивной службы Новосибирской области, для чего проанализированы рубрики бюллетеня Сибархива, взяты на вооружение его методы работы. В конце 1998 г. редакционная коллегия нового бюллетеня обратилась с предложением принять участие в подготовке данного издания к архивистам, ученым-историкам, краоведам, коллегам – библиотечным и музейным работникам, ветеранам архивного дела. Редколлегия ставила задачу хотя бы частично заполнить информационный вакуум, который образовался в результате стремительно сжимающихся финансовых возможностей в условиях дефолта 1998 г. В это время нередко жизненно важные объекты отключались от света, тепла, связи, но при этом архивисты все равно должны были думать не только о сохранении документов, но и о продолжении архивных традиций и, более того, о распространении лучшего опыта, лучших архивных технологий.

Было запланировано публиковать решения руководящих архивных органов, методические материалы, вести разговор о серьезных проблемах, волнующих архивистов, историков, государственных и муниципальных служащих, имеющих дело с документами, работниками ведомственных архивов.

В первом номере было всего пять рубрик: «Официальный раздел», «Методика и рекомендации», «Опыт и практика», «С архивной полки (Далекое и близкое)», «Человек в архивном деле».

«Первенец» оказался настолько интересным и полезным, что вскоре вышел следующий номер и уже с новым названием – «Новосибирский архивный вестник». Объем его увеличился, были

³⁴ ГАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 213. Л. 5.

дополнены рубрики: «Колонка главного редактора», «Юбилейные и памятные даты», «Хроника развития архивного дела в Сибири».

С каждым следующим выпуском появлялись новые рубрики.

Особо значимым оказался 2000 г. – год 80-летия Сибархива и 30-летия научно-методических советов архивных учреждений. Именно тогда были введены в научный оборот архивные документы, посвященные этим знаковым событиям, стала публиковаться информация о вышедших в свет научных изданиях, выполненных по материалам наших архивных документов, начали поступать и размещаться материалы из других сибирских регионов. Постепенно «Новосибирский архивный вестник» приобрел общесибирское значение. Позднее и в других сибирских регионах появились подобные периодические издания.

Значительное место в бюллетене отводилось материалам с заседаний научно-методического совета Сибири, региональных и межрегиональных конференций, информации о деятельности Международного совета архивов³⁵. Крупные материалы посвящаются выдающимся государственным и общественным деятелям Сибири, писателям, артистам, художникам (В.Д. Вегман, Н.Г. Гарин-Михайловский, А.М. Кошурников, Е.К. Лигачев, Е.К. Стюарт, Ю.М. Магалиф и др.). Журнал с самых первых номеров рассылался в Книжную палату, Росархив, ВНИИДАД, во все крупные библиотеки страны, во все органы управления архивным делом Сибири, в базовые органы научно-методических советов России. Через 15 лет издания объем бюллетеня вырос до 300 страниц. Сегодня журнал «Новосибирский архивный вестник» – это весьма авторитетное и солидное издание. Все его номера переведены в электронный вид и размещены на официальном сайте Управления государственной архивной службы Новосибирской области³⁶. Он имеет привлекательный вид, на обложке – архивная символика, появились материалы в цвете. За 25 лет издано 57 номеров³⁷.

Продолжением заложенных первыми архивистами Сибири традиций можно считать создание в 2019 г. научно-исторического электронного журнала «Сибирский архив»³⁸, который за прошедшее

³⁵ С 1998 г. Комитет государственной архивной службы администрации Новосибирской области является членом Международного совета архивов.

³⁶ Мультимедийный архив Новосибирской области. Новосибирский архивный вестник. URL: <https://archportal.nso.ru/elektronnaya-biblioteka/novosibirskiy-arkhivnyy-vestnik/> (дата обращения 15.03.2023).

³⁷ Информация на 15.03.2023 г.

³⁸ Электронный журнал «Сибирский архив». URL: <http://archivesiberia-journal.nso.ru>

время стал важнейшей формой межрегионального сотрудничества ученых-историков, исследователей истории Сибири, архивистов³⁹. В этом издании, названном практически так же, как и бюллетень Сибархива 1920-х гг., публикуются впервые вводимые в научный оборот источники по отечественной истории, а также статьи по теоретическим и практическим проблемам архивоведения, археографии и источниковедения, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, информация о научных конференциях, семинарах. Основное внимание на страницах журнала уделяется проблемам, актуальным для профессионального сообщества историков и архивистов Сибири.

Ежеквартально ведется подготовка очередных выпусков. За это время опубликовано 172 материала, в числе которых 60% – это научные статьи, подготовленные по архивным документам, 20% занимают публикации архивных документов. Журналу присвоен Международный стандартный номер сериальных изданий, он зарегистрирован в научной электронной библиотеке и имеет Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что опубликованные в бюллетене «Сибархив» материалы и с высоты сегодняшнего времени не кажутся устаревшими, читаются достаточно легко и с большим интересом. Даже циркуляры по своей фразеологии не сильно отличаются от постановлений органов власти и управления позднего советского периода. Стистика статей и интонация публикаций В.Д. Вегмана выглядят достаточно современно. Не все номера бюллетеня равнозначны по объему, насыщенности, глубине постановки проблем, стилю изложения. Но практически во всех статьях и заметках чувствуется напряженный пульс того крайне динамичного, отраженного в противоречивых решениях органов власти, трагического времени с его жесточайшими перегрузками. Видны колоссальные усилия руководителей Сибархива, архивных бюро на местах: сначала

³⁹ Председатель редакционного совета журнала – Константин Владимирович Захаров, председатель Научно-методического совета архивных учреждений Сибирского федерального округа, начальник управления государственной архивной службы Новосибирской области. Главный редактор журнала – Владислав Геннадьевич Кокоулин, доктор исторических наук, профессор Академии военных наук, эксперт РАН.

по спасению архивов, документальных фондов различного рода учреждений, а потом и по комплектованию и описанию архивных фондов, их использованию. Было очевидно стремление архивистов выполнить директивы партийных и советских органов в ходе административных реформ, различных кампаний (особенно макулатурной) и не потерять и не загубить сохранившиеся архивные материалы.

За почти столетний период перед архивистами возникали, казалось бы, неразрешимые проблемы. Но подвижники архивного дела разных поколений даже в самые тяжелые годы находили какие-то потаенные силы и решали задачи сохранения накопленного архивного богатства, его использования на благо отдельных сибирских территорий и всей Сибири. Для преодоления вызовов времени им приходилось задействовать самые разные формы и методы работы, но такой профессиональный инструмент, как периодическая архивная печать, был и остается в арсенале сибирских архивистов.

Представляющие нынешнее поколение сибирские архивисты оказались примерными и талантливymi учениками, наследниками благородного, но тяжкого и почти всегда неблагодарного дела сбережения архивных сокровищ.

Дело Вениамина Давидовича Вегмана, его коллег по Сибархиву и архивных бюро сибирских территорий, по нашему мнению, не пропало, не затерялось в глубине веков, оно перемололось в жерновах истории и ожило в своих новых формах. Оно продолжено и в информационном бюллетене «Новосибирский архивный вестник», и в информационных бюллетенях других сибирских территорий, сегодняшнем электронном научно-историческом журнале «Сибирский архив». Все эти периодические архивные издания выросли из Вегмановского бюллетеня «Сибархив», как из единого мощного корня вырастают и размножаются плодоносящие деревья.

Литература

- Познанский 1967 – *Познанский В.С.* Вениамин Давидович Вегман // История СССР. 1967. № 6. С. 162–168.
- Познанский 1968 – *Познанский В.С.* Архивное строительство в Сибири в первое десятилетие Советской власти // Советские архивы. 1968. № 2. С. 29–37.
- Познанский 2000 – *Познанский В.С.* Изучая биографию В.Д. Вегмана // Новосибирский архивный вестник. 2000. № 5. С. 72–80.
- Хорхордина 2003 – *Хорхордина Т.И.* Российская наука об архивах: История. Теория. Люди. М.: РГГУ, 2003. 525 с.

References

- Poznanskii, V.S. (1967), "Veniamin Davidovich Wegman", *Istoriya SSSR*, no. 6, pp. 162–168.
- Poznanskii, V.S. (1968) "Archival construction in Siberia in the first decade of Soviet rule", *Sovetskie arhivy*, no. 2, pp. 29–37.
- Poznanskii, V.S. (2000), "Studying the biography of V.D. Wegman", *Novosibirskii arhivnyi vestnik*, no. 5, pp. 72–80.
- Khorkhordina, T.I. (2003), *Rossiiskaya nauka ob arkhivakh: Istoriya. Teoriya. Lyudi* [Russian science of archives. History. Theory. People], RGGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Владимир В. Моисеев, кандидат исторических наук, Сибирский университет потребительской кооперации, Новосибирск, Россия; 630087, Россия, Новосибирск, пр-т Маркса, д. 26; mvv-2008@list.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7484-3997>

Information about the author

Vladimir V. Moiseev, Cand. of Sci. (History), Siberian University of consumer cooperation, Russia, Novosibirsk; 26, Marx Av., Novosibirsk, Russia, 630087; mvv-2008@list.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7484-3997>

УДК 930.253

DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-123-136

Российские гражданские пленные в Германии (1914–1918): репрезентативность документов земельного архива Саксонии

Наталья В. Ростиславлева

*Российский государственный гуманитарный университет,
г. Москва, ranw@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается информативность документов земельного архива Саксонии (ФРГ) о преследовании и рестрициях в отношении «враждебных иностранцев», подданных Российской империи, в годы Первой мировой войны. Главная идея, которая прослеживается в документах разных фондов архива, – обоснование необходимости гражданского плена для обеспечения национальной безопасности. Фонды архива содержат информацию о том, как, началось на территории Германии преследование «враждебных иностранцев», раскрывают особенности положения таких категорий гражданских пленных как интернированные и конфинированные. Документы хорошо иллюстрируют то положение, что политика интернирования является зеркальной и связана с решениями правительства Российской империи в отношении германских подданных, подвергавшихся депортациям и интернированию на территории России. Содержится важная информация о возможных способах гуманитарной поддержки российских гражданских пленных. Анализ документов подтверждает, что наименее изученным сегментом феномена гражданского плена в годы Первой мировой войны является их репатриация.

Ключевые слова: Первая мировая война, российские подданные на территории Германии, гражданский плен, интернирование, конфинирование

Статья поступила в редакцию 3 мая 2023 г.;

принята к публикации 12 мая 2023 г.

Для цитирования: Ростиславлева Н.В. Российские гражданские пленные в Германии (1914–1918): репрезентативность документов земельного архива Саксонии // История и архивы. 2023. Т. 5. № 3. С. 123–136. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-123-136

© Ростиславлева Н.В., 2023

Russian civilian prisoners in Germany (1914–1918).

Representativeness of the documents in the Saxon Main State Archive

Natalia V. Rostislavleva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ranw@mail.ru*

Abstract. The article considers the informative value of the documents in the Saxon Main State Archive (Dresden, Germany) about persecution and restrictions during the First World War against the “enemy aliens”, subjects of the Russian Empire. The main idea in the documents of the archive funds is the rationale for the need of civilian captivity to ensure national security. The archive funds contain information about how the persecution of “enemy aliens” began in Germany, reveal the specifics in the situation with such categories of civilian captives as the interned and confined ones. The documents illustrate the position that the policy of internment is a mirror policy. It depends on the decisions of the government of the Russian Empire in regard to German subjects, who were deported and interned on the territory of Russia. There is an important information is contained on possible ways of humanitarian support for Russian civilian prisoners. The analysis of documents confirms that the least studied segment of the phenomenon of civilian captivity during the First World War is their repatriation.

Keywords: First World War, Russian subjects in Germany, civilian captivity, internment, confinement

The article was submitted 03.05.2023;

accepted for publication 12.05.2023.

For citation: Rostislavleva, N.V. (2023), “Russian civilian prisoners in Germany (1914–1918). Representativeness of the documents in the Saxon Main State Archive”, *History and Archives*, vol. 5, no 3, pp. 123–136, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-123-136

Введение

В годы Первой мировой войны впервые в истории во всех воюющих странах началось планомерное преследование «враждебных иностранцев» (anemy aliens) и зародилось такое явление, как гражданский плен, который в глобальном измерении нашел выражение в формах интернирования и конфинирования [Ростиславлева 2020а, с. 79–97]. Изучение гражданского плена в рамках мирового

вооруженного конфликта 1914–1918 гг. как глобального феномена началось только в XXI в. Большую ценность представляют обобщающие работы английских историков М. Стиббе и П. Панайи [Manz, Panayi, Stibbe 2019, pp. 1–18]. М. Стиббе установил: в годы Первой мировой войны более 800 тыс. граждан вражеских государств были интернированы в Европе и еще от 50 тыс. до 100 тыс. – в остальном мире [Stibbe 2019, p. 1]. Английские историки всесторонне рассмотрели данный феномен, указали на упрощенное его понимание в исторических работах XX в., в которых утверждалось, что гражданскому плену подвергались мужчины в возрасте от 17 до 45 лет. Изучая репрессии в отношении «враждебных иностранцев» в глобальном ключе, английские историки сделали важный вывод: практики интернирования в разных странах различались. Так, в Германской империи интернированными лицами считалось гражданское население государства противника, размещенное в лагерях, среди которых были женщины и дети. Грань между конфинированными и интернированными была преодолимой, поскольку конфинированных лиц за нарушения предписанного им статуса, политические проступки могли направить на определенный срок в лагерь. В лагерях Германской империи интернированные нередко содержались вместе с военнопленными, но в отличие от них они не имели четкого определения в довоенных международных конвенциях о законах ведения войны, также у них была возможность покинуть лагерь и обрести статус конфинированного [Ростиславлева 2020а, с. 79–97].

Что касается положения русских *enemy aliens* на территории Германской империи, то в работах упомянутых английских историков оно не нашло должного освещения. В настоящее время изучение данной темы ведут как российские, так и германские исследователи [Бауэркемпер, Вурцер, Ростиславлева 2021]. На страницах зарубежных [Stibbe 2019] и российских изданий поднимается вопрос о степени потенциальной угрозы безопасности государства со стороны *enemy aliens*, так как «они могли заниматься шпионажем, вести подрывную деятельность внутри страны и даже выступить с оружием» [Миронова 2017, с. 211; Россия и Германия 2019]. Поэтому меры государства в отношении «враждебных иностранцев» рассматриваются как с позиций обеспечения национальной безопасности, во имя которой осуществляется репрессивное воздействие на *enemy aliens*, так и с точки зрения организаций гражданского общества, проявляющих к ним гуманное отношение, помогающих им выжить в этих непростых условиях, а также оказывающих им поддержку во время репатриации.

В изучении данной темы есть определенные трудности, прежде всего в плане наличия релевантного источникового материала

и его доступности. Очень мало сохранилось документов личного происхождения. Например, гражданским пленным на территории Германской империи в годы Первой мировой войны был известный советский писатель К.А. Федин. Он на протяжении всей жизни вел дневниковые записи, которые отложились в РГАЛИ, но именно дневники военной поры были утрачены¹. Поэтому особое значение обретают официальные документы, прежде всего это материалы военного командования Германской империи, которые хранятся как в федеральном, так и в земельных архивах ФРГ.

Подданные Российской империи в гражданском плену: архивная эвристика

Одновременное изучение документов из российских и германских архивов раскрывает перед исследователем картину зеркальности репрессивных мер в обеих странах. Не случайно мероприятия в отношении «враждебных иностранцев» принято называть политикой возмездия (*Vergeltungspolitik*). Фонды российских и германских архивов дополняют друг друга и позволяют фиксировать различия в практиках интернирования.

В российских архивах в основном отложились документы, характеризующие положение «враждебных иностранцев», подданных Германской империи, которые в годы Первой мировой войны находились на территории России: в основном это акты Департамента полиции Министерства внутренних дел о депортированных германских подданных из Прибалтики, Петрограда, Москвы, прифронтовых и оккупированных Россией территорий². Документы дают представление об основных направлениях высылки, раскрывают возможности для ее отмены, а также о репатриации лиц, не подлежащих призыву на военную службу. Однако, как показывают архивные акты, репатриация осенью 1914 г. шла с большими трудностями. Интересен в этом отношении опыт возвращения в Германию капитанов германских пароходов «Кэт Марта», «Фальк», «Кринсхильд», «Седина». Их депортировали в Ярославль, но они обращались с просьбой разрешить им репатриацию. Причем МИД Российской империи просил Департамент полиции не отказывать им в репатриации и разрешить выезд, поскольку они были старше 45 лет. Решение вопроса затянулось до февраля 1915 г. В итоге капитаны германских пароходов выехали, но во время следования к шведским портам и посадки на пароход находились

¹ РГАЛИ. Ф. 1817: К.А. Федин. Оп. 3. Д. 2. Л. 5.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 71. Д. 102. 1914. Л. 3–30.

под строгим наблюдением, чтобы они не могли осуществлять шпионскую деятельность³. Эта дата не является случайной, поскольку, как будет показано ниже, в это же время была завершена репатриация не подлежащих гражданскому плену лиц из России.

Обнаруженные в российских архивах документы личного происхождения, например дневник Е.В. Герье, оказавшейся в начале Первой мировой войны в Германии, лишь косвенно затрагивают вопросы гражданского плена. Через несколько недель женщина вместе с другими задержанными русскими подданными была репатриирована. Но в воспоминаниях она верно отмечала, что молодых мужчин с ними не отпустили: «Бедные студенты, проработавшие здесь 4 года сряду, были выброшены за борт без права сдачи экзаменов. Как хотелось нам увезти их с собой в Россию, вернуть их в русские университеты, в родные семьи. Как сильно они тосковали!»⁴. Ошибочно Е.В. Герье утверждала, что они остаются здесь в качестве «военнопленных». Но многие русские студенты, которые учились в германских университетах, обрели статус конфинированных. Даже те, которые в начале войны оказались в лагере, были выпущены и пребывали на территории Германии до конца Первой мировой войны в этом статусе. О гражданском плене русских подданных, как уже отмечалось, можно найти скудные сведения в фонде К.А. Фебина в РГАЛИ. Он, будучи студентом Московского коммерческого училища, приехал в Германию летом 1914 г. и был задержан в Дрездене при попытке пересечь границу и уехать в Россию, а затем депортирован в саксонский город Циттау, где и пребывал до конца войны. Внимательное изучение документов данного фонда показало, что он очень скупо описывал это время в автобиографии, называл себя «гражданским пленным № 52», а после «октября 17-го года тщетно добивался права на въезд в Россию»⁵. В документах данного фонда обнаружена лишь скудная характеристика статуса конфинированного, однако отрицать их репрезентативность нельзя, поскольку в них Фебиным обозначены художественные тексты, где эти данные можно обнаружить [Ростиславлева 2020b, с. 333–334]. Однако обнаруженные документы подтверждают, что Саксония являлась местом, где было задержано наибольшее количество русских подданных. Хотя в земельном архиве Саксонии не удалось найти документы, связанные с пребыванием К.А. Фебина в Германии в статусе конфинированного, но они очень помогли в эвристическом поиске.

³ Там же. Д. 72. Ч. 10. Л. 1–6, 10, 12, 16, 25, 28.

⁴ НИОР РГБ. Ф. 70: В.И. Герье. Карт. 93. Ед. хр. 17. Л. 43.

⁵ РГАЛИ. Фонд 1817: К.А. Фебин. 1921. Оп. 2. Д. 14. Л. 3.

Обеспечение национальной безопасности в условиях вооруженного конфликта – важнейшее направление деятельности Департамента полиции, которое нашло отражение в документах. Вызовы безопасности вели к введению ограничений и в отношении русских немцев: им было запрещено свободно передвигаться по империи, их обязательно проверяли по Центральному справочному алфавиту, и они находились под контролем Департамента полиции⁶. Поскольку преследование «враждебных иностранцев» опирается на принцип взаимности, то похожие сюжеты в отношении «враждебных иностранцев» из России можно обнаружить и в документах германских архивов.

После подписания Россией Брест-Литовского мирного договора с Центральными державами, материалы о российских гражданских пленнх на территории Германской империи можно обнаружить в фонде Центропленбеж ГА РФ. Фонд достаточно репрезентативен и проливает свет на число российских интернированных на территории Германии, особенности их содержания в лагерях для гражданских, а нередко и военнопленных, дает представление об их социальном и гендерном составе, раскрывает принцип взаимности государственной политики интернированных в России и Германии, а также начало процесса репатриации⁷. Однако данные документы касаются периода, когда война для России уже завершилась, хотя раскрываются многие аспекты положения гражданских пленнх бывших подданных Российской империи [Ростиславлева 2020b, с. 335–337]. Основной массив документов о преследовании «враждебных иностранцев», подданных Российской империи, хранится в архивах Германии, и особую роль по многим причинам играют материалы земельного архива Саксонии.

Преследование «враждебных иностранцев» началось в Германии с первых дней войны. Сохранившиеся источники личного происхождения, например дневник Е.В. Герье, дочери известного русского историка В.И. Герье, показывает, что после начала Первой мировой войны русские в Германии вызывали подозрение, так как всюду мерещились шпионы. Женщина писала: «В газетах появилось объявление, что всякий может арестовать личность, показавшуюся ему подозрительной. Нас потребовали в полицию, переписали, выдали желтые билеты и посоветовали не раздражать население, говорить только по-немецки, умалчивать про политику и время от времени показываться в полиции»⁸. Практически все русские под-

⁶ Там же. Ф. 102. Оп. 225: 1916. Д. 72 ч. Л. 4,5, 7, 23, 24.

⁷ Там же. Ф. 3333. Оп. 10. Д. 7, 10.

⁸ НИОР РГБ .Ф. 70: В.И. Герье. Карт. 93. Д. 17. Л. 9.

данные были поставлены под контроль военных властей, но значительная их часть была репатрирована в первые месяцы после начала войны: среди них женщины, дети, мужчины старше 45 лет, если они не являлись бывшими военными. Вернулась в октябре 1914 г. в Россию и Е.В. Герье. Однако, как уже отмечалось, мужчинам призывного возраста (17–45 лет) выезд из Германии был запрещен. Именно они стали основной целевой группой гражданского плена и обрели статус конфинированных (ограниченных в правах, но проживающих не в лагере и сами себя содержавших) и интернированных, которые препровождались в лагерь для гражданских пленных [Ростиславлева 2020а, с. 81–90].

В Германии в годы Первой мировой войны сложилась целая система лагерей, куда входили лагеря для военнопленных, трудовые лагеря и лагеря интернированных. Надзор над лагерной системой должен был осуществляться *Unterkunftsdepartment* (департаментом размещения) военного министерства Пруссии во главе с генералом Эмилем Фридрихом [Jons, Hinz 2014]. Лагерь, где содержались интернированные, в Германии было около сотни, хорошо изучены из них десять, среди них Хольцминден, Зенне, Рулебен, Хавельберг, Раштат, Лимбург/Лан, Тронштайн, Хамельн, Вюнсдорф, Франкфурт-на-Одере. Хольцминден – это лагерь, где содержалось 4240 гражданских пленных и только 236 военнопленных⁹. Существовали лагеря для гражданских пленных и на территории Саксонии. В королевстве Саксония было больше всего задержано русских подданных, так как они, находясь в разных частях Германии, пытались вернуться на родину через восточные границы Германского рейха, поэтому документы земельного архива Саксонии являются довольно репрезентативными для изучения положения русских гражданских пленных.

Саксонский земельный архив (*Sächsisches Hauptarchiv*) имеет отделения в нескольких городах федеральной земли Саксония – в Дрездене, Лейпциге, Фрейберге. Наиболее ценные для нашей темы фонды находятся в Дрездене – это акты Генерального командования XII армейского корпуса (*Stellvertretendes Generalkommando des XII Armeekorps*), которые касаются как военнопленных, так и гражданских лиц. Документы хорошо сохранились, несмотря на то, что после Компьенского перемирия (11.11.1918) и ноябрьской революции 1918 г. в военном руководстве Германии наблюдались смятение и хаос.

Документы дают представление о том, что уже в ноябре 1914 г. в лагерях Саксонии находились гражданские лица, так как в одном

⁹ См.: *Doegen W. Kriegsgefangene Völker. Bd. 1: Der Kriegsgefangenen Haltung und Schicksal in Deutschland. Berlin, 1921. S. 14–15.*

из донесений от 12 ноября 1914 г. предлагалось перечислить лагеря королевства, где содержались гражданские лица¹⁰.

Известно, что интернирование – это политика зеркальная, или как ее называют «политика возмездия» [Плохотнюк 2018, с. 95]. В документах указанного фонда от 23 ноября 1914 г. мы находим сообщение, что германские подданные мужчины от 17 до 45 лет, которых война застала на территории России, находятся там под судебным преследованием. Прежде всего это относилось к членам Германского флотского союза, поэтому «высокопоставленных и находящихся под подозрением русских следует задержать до предстоящих слушаний». Для Департамента полиции МВД Российской империи сам факт принадлежности к Германскому флотскому союзу являлся поводом для преследования и депортаций.

Не менее четко соблюдалась зеркальность в процессе возвращения «враждебных иностранцев» на родину: в этом же документе указывалось, что возвращение немцев из России состоялось в достаточном объеме, поэтому возвращение оставшихся русских разрешено¹¹. Органы внутренних дел Саксонии были заинтересованы в том, чтобы те, кто не подпадает под статус интернированных и конфинированных, покинули Германский рейх до 6 декабря 1914 г. Документы показывают: этот процесс затянулся до февраля 1915 г., когда было подписано распоряжение шефа Генерального штаба о том, что все женщины и мужчины непризывного возраста получают разрешение на выезд, но это не распространялось на активных и неактивных офицеров и тех лиц, которые находятся под следствием¹². Неслучайно, что уже упомянутым выше капитанам германских пароходов в это же время был разрешен выезд на родину.

Необходимо понимать, что под контролем или в лагерях находилось довольно много мужского населения, но были там и женщины и даже дети, поскольку жены нередко не хотели разлучаться с мужьями и стойко переносили все тяготы гражданского плена, а в некоторых лагерях для цивильнопленных организовывались специальные женские уголки и даже школы для детей [Ростиславлева 2020а, с. 89–90; Бахтурина, Бок, Ростиславлева 2022, с. 221–222].

Важный блок документов в отношении «враждебных иностранцев» посвящен обеспечению национальной безопасности. В начале Первой мировой войны это стало главной задачей всех воюющих государств, формировались культуры безопасности, вводилась регламентация гражданско-правовой сферы, ужесточалась цензура,

¹⁰ Sächsisches Hauptstaatsarchiv Dresden. Bd. 11348. Nr. 2813. Stellvertretendes Generalkommando des XII. Armeekorps. Bl. 100.

¹¹ Ibid. Bl. 103.

¹² Ibid. Bl. 160.

и, конечно, осуществлялся строгий контроль за «враждебными иностранцами» [Россия и Германия 2019, с. 36–39]. В документах Саксонского архива четко оговаривалось, что выезд лиц, которые находятся в призывном возрасте, из Германии невозможен. Германская империя, естественно, не желала способствовать усилению армии противника¹³. Большой интерес представляет комплекс документов о ежегодной Лейпцигской ярмарке, куда в 1915 г. не допускались енему aliens. Постоянно звучали призывы контролировать ситуацию, особенно в тех местах, где «враждебным иностранцам» запрещено находиться¹⁴. Однако контроль и репрессиям подвергались не только енему aliens, но и собственные граждане: в фонде хранятся донесения о непатриотичном поведении германских подданных в начале Первой мировой войны¹⁵. Это подтверждает, что меры по обеспечению национальной безопасности носили комплексный характер, а контроль настроений собственных граждан стал важным направлением работы военных органов.

Значительный массив документов касается пребывания гражданских пленных в лагерях Баутцен и Хохштайн. Причем в источниках они названы коррекционными учреждениями¹⁶. Лагерь Баутцен посвящен отдельный фонд¹⁷, на основании которого может быть примерно установлена численность русских гражданских пленных на территории Саксонии: они составляли большинство, а также места их дальнейшего пребывания, так как Баутцен, по сути, был пересыльным лагерем¹⁸. Изучение списков находящихся в этом лагере русских подданных проливает свет на их возраст, место рождения и последнего пребывания, наличие денежных средств или долгов, а также место их последней работы¹⁹. Что касается социального и профессионального состава, то он довольно разнородный, преобладали сезонные рабочие, но были и студенты, писатели, учителя, бухгалтеры²⁰.

¹³ Ibid. Bl. 163.

¹⁴ Ibid. Bl. 167–168.

¹⁵ Sächsisches Hauptstaatsarchiv Dresden. Bd. 11336. Nr. 109. Festungsgefängnis (Militärstrafanstalt) Dresden mit Königstein. M. 1914. Bl. 2, 8, 15.

¹⁶ Sächsisches Hauptstaatsarchiv Dresden. Stellvertretendes Generalkommando des XII. Armeekorps. Nr. 2813. Bl. 273.

¹⁷ Sächsisches Hauptstaatsarchiv Dresden Bd. 11348. Stellvertretendes Generalkommando des XII. Armeekorps. Nr. 2823. Verzeichnis der in der Landesanstalt Bautzen untergebrachten feindlichen Ausländer betr. 1914–1918.

¹⁸ Ibid. Bl. 1–3.

¹⁹ Ibid. Bl. 8–27.

²⁰ Ibid. Bl. 29.

В документах отражен не только процесс перевода в другие лагеря, но и процедура использования гражданских пленных на различных работах. Интересен комплекс документов о смене статуса гражданскими пленными, поскольку многих постепенно переводили из разряда интернированных в разряд конфинированных²¹. Сам термин в документах не использовался, так как он появился в научном дискурсе в работах английских историков только в начале XXI в. и происходит от латинского “confination”, что переводится как ограничение в правах или ограничение личной свободы [Stibbe 2019, p. 9]. Конфинированных передавали под надзор соответствующих полицейских учреждений, которые отчитывались перед военными властями. Часто вопрос о том, куда направить гражданского пленного: на добычу угля в Ольбе, на поденные работы в близлежащие хозяйства или отпустить его на самостоятельное проживание решался на основе наличия у них денежных средств или возможности получить гуманитарную помощь. В основном конфинированных направляли в город Циттау или его окрестности²². Кстати, там находился и Константин Федин, о чем он сообщал в автобиографии²³. В Циттау Федин подрабатывал актером, пел в хоре, испытал сильное чувство к местной девушке и сумел покинуть город только после подписания Брестского мира.

Информативными являются документы Саксонского архива для изучения гуманитарной поддержки русских гражданских пленных. Они получали помощь от родственников. Так, у некоторых русских гражданских пленных были родственники, которые проживали в Германии. Например, в Лейпциге проживал брат задержанного скорняка Гнезина. Родственник предоставил ему кредит в 350 марок²⁴. Иногда конфинированные могли существовать на собственные денежные средства, хранившиеся в банках Российской империи, которые им доставляли через Испанское посольство, поскольку в годы Первой мировой войны именно оно представляло интересы российских подданных в Германии и оказывало им материальную поддержку. Помощь поступала от международного комитета Красного Креста. Также конфинированные зарабатывали сами (переводами, созданием живописных полотен

²¹ Ibid. Bl. 40.

²² Ibid. Bl. 128.

²³ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 2. Д. 14. Л. 2–3.

²⁴ Sächsisches Hauptstaatsarchiv Dresden Bd. 11348. Stellvertretendes Generalkommando des XII. Armeekorps. Nr. 2823. Verzeichnis der in der Landesanstalt Bautzen untergebrachten feindlichen Ausländer betr. 1914–1918. Bl. 128.

и т. д.). Причем иногда они это делали абсолютно антипатриотическими способами по отношению к своей родине. Так, художник и писатель некто Яник, конфинированный из Циттау, сочинял наполненные немецким патриотизмом произведения и реализовывал их через местные книжные магазины²⁵. Насколько искренне он проникся немецкими патриотическими идеями, неизвестно, но то, что это являлось надежным источником материальной поддержки, не вызывает сомнения и косвенно свидетельствует, что конфинированным в материальном плане было нелегко. В рамках данного массива документов особо выделяются сообщения о благотворительной деятельности купца Виктора Рубина, оказывавшего материальную помощь конфинированным подданным Российской империи²⁶. Финансовую поддержку конфинированным евреям из России предоставлял местный раввинат²⁷.

В документах 1918 г. содержится в основном информация о репатриации гражданских пленных и обменах. Упоминается обмен женщинами между Россией и Германией, которые названы в документах гражданскими пленными²⁸, что подтверждает новые данные: женщины также по разным причинам становились гражданскими пленными [Ростиславлева 2020а, с. 89–90]. Но в целом документы 1918 – начала 1919 г. плохо систематизированы, листы не пронумерованы, что затрудняет их использование в научных целях. Во многом это и объясняет тот факт, что репатриация российских гражданских пленных, а также интернированных и конфинированных подданных других воевавших с Германией государств до сих пор является наименее изученным сегментом данного феномена²⁹.

²⁵ Sächsisches Hauptstaatsarchiv Dresden Bd. 11348. Stellvertretendes Generalkommando des XII. Armeekorps. Nr. 2823. Verzeichnis der in der Landesanstalt Bautzen untergebrachten feindlichen Ausländer betr. 1914–1918. Bl. 128.

²⁶ Ibid. Bl. 128, 211.

²⁷ Ibid. Bl. 131.

²⁸ Sächsisches Hauptstaatsarchiv Dresden. Bd. 11352. Stellvertr. General-Kommando XIX (2.k.s.) Armeekorps. Nr. 647. Stellvertretendes Generalkommando des XIX. Armeekorps. Deutsche Zivilgefangene und Internierte. 1917–1919. Bl. 52–58.

²⁹ Sächsisches Hauptstaatsarchiv Dresden. Bd. 11350. Abwicklungsamt des XII Armeekorps. 28.12 1918 – 30.4. 1919. Nr. 118. Kriegs- und Zivilgefangene. Flucht, Abs Schub usw betr.

Заключение

Архивные документы земельного архива Саксонии являются довольно репрезентативными и позволяют, хотя и не в полной мере, охарактеризовать положение и судьбы отдельных гражданских пленнх из России. Они подтверждают существование двух категорий среди гражданских пленнх – конфинированных и интернированных, раскрывают аспекты их гуманитарной поддержки и отчасти объясняют, почему вопрос их репатриации до сих пор не получил должного освещения на страницах научных изданий.

Благодарности

Статья публикуется в рамках проекта РГГУ «Германские подданные на территории Российской империи в годы Первой мировой войны: локальное, персональное, социальное» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

Acknowledgements

The article is published as part of the implementation of the Russian State University for the Humanities' research project "German subjects on the territory of the Russian Empire in the First World War. Local, personal, social aspects" ("RSUH Research Project Teams").

Литература

- Бауэркемпер, Вурцер, Ростиславлева 2021 – *Бауэркемпер А., Вурцер Г., Ростиславлева Н.В.* Гуманитарная помощь гражданским пленным в России и Германии: Акторы и рецепция (1914–1918 годы) // Новый исторический вестник. 2021. № 3 (69). С. 10–25.
- Бахтурина, Ростиславлева, Бок 2022 – *Бахтурина А.Ю., Ростиславлева Н.В., Бок Х.* Семьи «враждебных иностранцев» в России и Германии в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Вестник архивиста. 2022. № 1. С. 214–228.
- Миронова 2017 – *Миронова Е.В.* Повседневная жизнь интернированных Казанской губернии в 1917 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 2. С. 210–222.
- Плохотнюк 2018 – *Плохотнюк Т.Н.* Регламентация положения российских подданных в Германии после начала Первой мировой войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4. С. 93–98.
- Россия и Германия 2019 – Россия и Германия в годы Первой мировой войны: между безопасностью и гуманностью / Под ред. А. Бауэркемпера, Н.В. Ростиславлевой. М.: РГГУ, 2019. 378 с.

- Ростиславлева 2020a – *Ростиславлева Н.В.* «Был все эти незабываемые годы гражданским пленным № 52»: о статусе русских в Германии в годы Первой мировой войны // *Новый исторический вестник*. 2020. № 3 (65). С. 79–97.
- Ростиславлева 2020b – *Ростиславлева Н.В.* Феномен гражданского плена в годы Первой мировой войны: проблема репрезентативности документов российских архивов // *Документальный источник в историческом исследовании и в исследовании по истории науки: опыт использования, современные проблемы и задачи*. М.: Архив РАН, 2020. С. 331–338.
- Jons, Hinz 2014 – *Jons H., Hinz U.* Prisoners of war (Germany), 2014. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/pdf/1914-1918-Online-prisoners_of_war_germany-2014-10-08.pdf (дата обращения 25.04.2023).
- Manz, Panayi, Stibbe 2019 – Internment during the First World War. A mass global phenomenon / Ed. by S. Manz, P. Panayi, M. Stibbe. L.: Palgrave Macmillan, 2019. XV, 298 p..
- Stibbe 2019 – *Stibbe M.* Civilian internment during the First World War. A European and global history, 1914–1920. L.: Palgrave Macmillan. 2019. 335 p.

References

- Bauerkämper, A., Wurzer, G. and Rostislavleva, N.V. (2021), “Humanitarian aid to the civilian prisoners in Russia and Germany. Actors and reception (1914–1918)”, *The New Historical Bulletin*, vol. 69, no. 3, pp. 10–25.
- Bakhturina, A.Yu., Rostislavleva, N.V. and Bock, H. (2022), “Families of ‘enemy aliens’ in Russia and Germany in the days of the First World War 1914–1918], *Vestnik arhivista=Herald of an Archivist*, no.1, pp. 214–228.
- Jons, H. and Hinz, U. (2014), *Prisoners of War (Germany)*, 2014. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/pdf/1914-1918-Online-prisoners_of_war_germany-2014-10-08.pdf (Accessed 25.04.2023).
- Mironova, E.V. (2017), “Everyday life of internees in Kazan Province in 1917”, *RUDN Journal of Russian History*, vol. 16, no. 2, pp. 210–222.
- Plokhotnyuk, T.N. (2018), “The regulation of the legal status of Russian citizens in Germany after the outbreak of the First World War”, *Gumanitarnyye i yuridicheskie issledovaniya*, no. 4, pp. 93–98.
- Bauerkämper, A. and Rostislavleva, N.V. (eds.) (2019), *Rossiya i Germaniya v gody Pervoi mirovoi voyny: mezhdubezopasnost'yu i gumannost'yu* [Russia and Germany in the years of the First World War. Between “national security” and humanity], Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.
- Rostislavleva, N.V. (2020), “I was a civilian prisoner no. 52 for all those unforgettable years”. About the status of Russians in Germany during the First World War”, *The New Historical Bulletin*, vol. 65, no. 3, pp. 79–97.
- Rostislavleva, N.V. (2020), “Phenomenon of civil captivity during the First World War. An issue of representativeness of documents from Russian archives”, *Dokumental'nyi istochnik v istoricheskom issledovanii i v issledovanii po istorii nauki: opyt ispol'zovaniya, sovremennyye problemy i zadachi* [Documentary source in historical research and in research on the history of science.

The experience of use, modern problems and tasks], Russian Academy of Sciences' Archive, Moscow, Russia, pp. 331–338.

Manz, S., Panayi, P. and Stibbe, M. (eds.) (2019), *Internment during the First World War. A mass global phenomenon*, Palgrave Macmillan, London, UK.

Stibbe, M. (2019), *Civilian internment during the First World War. A European and global history, 1914–1920*, Palgrave Macmillan, London, UK.

Информация об авторе

Наталья В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ranw@mail.ru

ORCID ID: 0000000177848390

Information about the author

Natalia V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ranw@mail.ru

ORCID ID: 0000000177848390

Диалог власти и общества
в процессе решения экологических проблем
Севера Западной Сибири в XX в.:
исследовательский потенциал региональных архивов

Ксения С. Барабанова,

*Сургутский государственный педагогический университет, Сургут,
Россия, barabanova13@gmail.com*

Евгений И. Гололобов,

*Сургутский государственный педагогический университет, Сургут,
Россия, gololobov.eig@yandex.ru*

Максим С. Мостовенко

*Сургутский государственный педагогический университет,
Сургут, Россия, reiseleiter@mail.ru*

Аннотация. Освоение Севера Западной Сибири являлось одной из ключевых задач Советского государства на протяжении XX века. При этом основным актором и движущей силой было государство. Очень быстро стало понятно, что невозможно интегрировать данный регион в экономику страны без подробного изучения его природных ресурсов и возможностей их использования. Вместе с тем активная фаза освоения Севера Западной Сибири пришлось на вторую половину XX в. и была в первую очередь связана с открытием богатейших запасов углеводородного сырья. Их масштабная разработка обострила экологическую проблематику в регионе. В связи с этим основной целью статьи является анализ возможного исследовательского потенциала, которым обладают региональные архивы при изучении особенностей диалога власти и общества по решению экологических проблем Севера Западной Сибири. Новизна предлагаемой работы заключается в том, что впервые проводится комплексный анализ имеющихся фондов и документов по экологической истории Севера Западной Сибири. В результате проведенного исследования авторами было установлено, что имеющиеся в региональных архивах источники содержат ценную информацию, помогающую понять, как

реализовывалась советская экологическая политика в одном из наиболее индустриализованных регионов страны, ее особенности и механизмы функционирования, а также охарактеризовать основных акторов взаимодействия человека и природы в регионе.

Ключевые слова: экологическая история Сибири, Север Западной Сибири, охрана природы, экологическая политика, Обь-Иртышский водный бассейн

Статья поступила в редакцию 6 марта 2023 г.;

принята к публикации 12 мая 2023 г.

Для цитирования: Барабанова К.С., Гололобов Е.И., Мостовенко М.С. Диалог власти и общества в процессе решения экологических проблем Севера Западной Сибири в XX в.: исследовательский потенциал региональных архивов // История и архивы. 2023. Т. 5. № 3. С. 137–148. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-137-148

Dialogue between the authorities
and society in the process of solving
the environmental issues
of the North of Western Siberia in the 20th century.
The research potential of regional archives

Ksenia S. Barabanova

*Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia,
barabanova13@gmail.com*

Evgenii I. Gololobov

*Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia,
gololobov.eig@yandex.ru*

Maksim S. Mostovenko

*Surgut State Pedagogical University,
Surgut, Russia, reiseleiter@mail.ru*

Abstract. The development of the North of Western Siberia was one of the key tasks of the Soviet state throughout the 20th century. At the same time, the main actor and driving force was the state. It quickly became clear that it was impossible to integrate that region into the country's economy without a detailed study of its natural resources and possibilities for their use. Still, the active phase of the development of the North of Western Siberia fell on

the second half of the 20th century and was primarily associated with the discovery of the richest reserves of hydrocarbon raw materials. Their large-scale development aggravated environmental problematics in the region. In this regard, the main purpose of the article is to analyze the possible research potential that regional archives have when studying the features of the dialogue between the authorities and society to solve the environmental issues of the North of Western Siberia. The novelty of the proposed work is that for the first time a comprehensive analysis of the available funds and documents on the ecological history of the North of Western Siberia is being carried out. As a result of the study, the authors found that the sources available in the regional archives contain valuable information that helps to understand how the Soviet environmental policy was implemented in one of the most industrialized regions of the country, its features and mechanisms of functioning. It helps to characterize the main actors of Human and Nature interaction in the region.

Keywords: ecological history of Siberia, North of Western Siberia, nature protection, ecological policy, Ob'-Irtysh water basin

The article was submitted 06.03.2023;

accepted for publication 12.05.2023.

For citation: Barabanova, K.S., Gololobov, E.I. and Mostovenko, M.S. (2023), "Dialogue between the authorities and society in the process of solving the environmental issues of the North of Western Siberia in the 20th century. The research potential of regional archives", *History and Archives*, vol. 5, no. 3, pp. 137–148, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-137-148

Введение

Освоение нефтегазовых ресурсов Севера Западной Сибири во второй половине XX столетия обострило экологическую ситуацию в регионе. Однако, при изучении этого процесса с эколого-исторической позиции перед начинающими исследователями встает вопрос, где искать необходимые источники и каков их потенциал. Он усложняется тем, что в XX в. административно-территориальное деление страны неоднократно менялось. На протяжении XX в. Север Западной Сибири входил в состав различных административно-территориальных единиц: Уральской, Обь-Иртышской, Омской, Тюменской областей. Соответственно, историческая информация оказалась рассредоточена по разным региональным архивохранилищам. В связи с этим основной целью статьи является анализ возможного исследовательского потенциала, которым обладают региональные архивы при изучении особенностей диалога власти и общества по решению экологических проблем Севера Западной Сибири.

*Архивные источники
в контексте эколого-исторического знания*

В историографии по данной проблематике уже предпринимались попытки определить роль источника в контексте эколого-исторического знания [Дурновцев 2017], а также особенности деятельности и функционирования государственных органов по освоению Севера [Шаламов, Шаламова 2022]. Среди близких к рассматриваемой теме исследований можно выделить работы Е.И. Гололобова [Гололобов 2004; Гололобов 2017; Гололобов 2018; Гололобов, Дурновцев 2017] и Е.Д. Макеевой [Макеева 2016]. Однако в данных работах не рассматривается документальная составляющая советской природоохранной политики. Источники рассматриваются в общих чертах без их внутренней характеристики. Поэтому в предлагаемой статье делается попытка закрыть данную исследовательскую лакуну и расширить историографическое и источниковедческое поле экологической истории Севера Западной Сибири.

Освоение Советского Севера происходило «сверху», основными акторами этого процесса были государственные структуры: центральные министерства и ведомства, территориальные органы советской и партийной власти. Это является определяющим в обеспечении эколого-исторических исследований корпусом основных источников. Большую роль в организации работы на Севере с 1924 по 1934 г. играл Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера). Он был создан постановлением Президиума ВЦИК от 20 июня 1924 г.¹ На северных территориях действовали его региональные отделения. В их задачи входила организация комплексного развития северных регионов. А это означало необходимость решения экономических, социальных и культурных вопросов. Здесь нельзя было обойтись без изучения и освоения природных ресурсов Севера, что делает документы региональных Комитетов Севера важным источником для экологической истории северных территорий. Региональные отделения Комитета Севера занимались научными исследованиями, организовывали экспедиции с целью изучения природы и хозяйства северян. Разрабатывали вопросы, связанные с рациональным использованием природных ресурсов и их охраной².

Отчеты, доклады, сведения, резолюции, выписки из протоколов Комитетов Севера содержат разнообразную информацию по эко-

¹ ГАРФ. Ф. Р–3977. Оп. 1; ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 690. Оп. 1; Ф. 695. Оп. 1; ГАСО. Ф. Р–88. Оп. 5.

² ГАРФ. Ф. Р–3977. Оп. 1. Д. 94. Л. 54 об.

номическому и социальному развитию регионов. Особое внимание Комитеты уделяли вопросам рационального использования ресурсов и охраны природы. Для анализа диалога власти и общества по вопросам взаимодействия человека и природы на Севере наибольший интерес представляют отчеты и доклады региональных отделений Комитету Севера при ВЦИК³.

Отчеты имеют четкую логику и структуру. В них представлена общая характеристика региона (площадь, численность и плотность населения, его национальный состав); основные направления развития экономики, ее особенности; дана характеристика социальной сферы. В отчетах есть данные о стихийных бедствиях, результатах научных экспедиций, об организации Приполярной переписи. Доклады носят проблемный характер, подробно останавливаясь на трудностях, стоящих на пути развития того или иного промысла и мерах по их преодолению⁴.

Исполнительную власть на Севере Западной Сибири осуществляли Советы депутатов трудящихся (и их исполнительные комитеты). Они занимались вопросами экономического, социального и культурного развития территорий. Естественно, эти исполнительные органы власти активно занимались вопросами освоения природных ресурсов, развития рационального природопользования. Как уже отмечалось, в XX в. Север Западной Сибири входил в состав различных областей. В 1944 г. Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные, а с 1978 г. автономные округа вошли в состав Тюменской области и находятся в ее составе до настоящего времени. Остановимся на архивных материалах Тюменской области более подробно.

Это обусловлено тем, что в октябре 1960 г. сессия Верховного Совета РСФСР, заслушав и обсудив доклад Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР Н.Н. Органова, приняла закон «Об охране природы в РСФСР». В основу закона были положены Директивы XXI съезда КПСС о более широком вовлечении в хозяйственный оборот природных богатств страны, а также решения правительств СССР и РСФСР по этим вопросам. Основное содержание закона было сосредоточено на правильном комплексном использовании природных ресурсов и охране природы⁵. Для реализации положений закона на практике в структуре исполнительных комитетов Советов депутатов

³ ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 695. Оп. 1. Д. 41. Л. 59–67; Д. 83. Л. 108–114.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 40; ГБУТО «ГА в г. Тобольске». Ф. 695. Оп. 1. Д. 14; и др.

⁵ КУ Государственный архив Югры. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 701. Л. 26.

трудящихся были созданы постоянные комиссии по охране природы⁶. Проблемы охраны природы комплексно рассматривались на сессиях Советов депутатов трудящихся Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов⁷.

Проверка соблюдения природоохранного законодательства в регионах по большей части поручалась общественным организациям. Большую роль в этой деятельности играли региональные отделения Всероссийского общества охраны природы (ВООП). Общество вело большую просветительскую работу по вопросам охраны природы. Оно проводило научные и культурно-массовые мероприятия, посвященные рациональному природопользованию и охране природы. Члены ВООП участвовали в контрольных мероприятиях по проверке выполнения закона «Об охране природы в РСФСР»⁸.

Изучение исторических аспектов экологической проблематики советского периода не может быть полным без изучения документов партийных органов. Коммунистическая партия была ведущей и основной правящей политической силой. Решения ее высших органов (съездов, конференций, пленумов ЦК КПСС) лежали в основе законодательной и политической деятельности государства на протяжении всего советского периода. В партийных документах нашли отражение важнейшие вопросы жизни общества (развитие экономики, социальная политика, идеология и т. д.), в том числе вопросы охраны окружающей среды и рационального природопользования. Документы региональных комитетов КПСС в указанном смысле имеют важнейшее значение. По сути дела, именно обкомы, окружкомы, райкомы и горкомы осуществляли реальное руководство на местах⁹.

Как уже отмечалось, многое по соблюдению природоохранного законодательства было возложено на постоянные комиссии по охране природы при исполнительных комитетах депутатов трудящихся как локального, так и регионального уровня. Поэтому материалы их деятельности вызывают особый интерес при изучении взаимодействия власти и общества по вопросам решения экологических проблем Севера Западной Сибири. Существенным плюсом данной группы источников является тот факт, что они позволяют проследить, как государственными органами власти отслеживалась

⁶ Там же. Д. 720. Л. 10.

⁷ ГАТО. Ф. Р-814. Оп. 1. Д. 5264; КУ Государственный архив Югры. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 866, 1110, 1157, 1198.

⁸ КУ Государственный архив Югры. Ф. 398. Оп.1; ГА ЯНАО. Ф. 292. Оп. 1.

⁹ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1; Ф. 107. Оп. 1; Ф. 135.

экологическая обстановка на местах. Вместе с тем следует заметить, что данные комиссии формировались не только из народных депутатов, но и с привлечением членов Всероссийского общества охраны природы, работников санитарно-эпидемиологических служб, прокуратуры и др.

Так, например, в фонде Р-1 «Исполнительный комитет народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа» Государственного архива Югры сохранились материалы о деятельности окружной комиссии с 1973 по 1993 г.¹⁰: всего пять дел. В документах дел описывается экологическая ситуация, сложившаяся на территории всех районов Ханты-Мансийского автономного округа, и то, какие меры принимались постоянными комиссиями по охране природы для улучшения ситуации. Каждое представленное дело достаточно информативно, поскольку представляет собой сборник делопроизводственных документов комиссии.

Внутреннее наполнение также достаточно разобрано и включает в себя материалы о деятельности самой комиссии, стенограммы заседаний, протоколы, справки и отчеты о выполнении закона «Об охране природы в РСФСР», предоставляемые различными организациями на заседания комиссии, пятилетние планы работы и различных мероприятий, а также результаты их выполнения. Особый интерес в данном контексте представляют итоговые решения, принятые комиссией по отношению к предприятиям-нарушителям. Характеризуя документное наполнение фонда, следует заметить, что в нем отложились также дела, связанные с работой других комиссий и ведомств. Так, например, дело за номером 1112 содержит, помимо прочего, еще и «Справку о деятельности Ханты-Мансийской госохотинспекции», «Отчет о работе Ханты-Мансийской инспекции рыбоохраны», «План мероприятий по развитию охотничьего промысла»¹¹.

На локальном уровне проблемы реализации экологической политики можно проследить по материалам деятельности местных комиссий по охране природы (районные и городские). Однако стоит отметить, что в ряде случаев возможности привлечения подобных локальных документов несколько ограничены. Так, в фонде Исполнительного комитета города Сургута¹², хранящегося в архивном фонде Муниципального архива города Сургута, было выявлено семь дел, относящихся к рассматриваемой проблематике исследования. Внутреннее наполнение представлено в основном краткими протоколами заседания комиссии, без каких-либо

¹⁰ КУ Государственный архив Югры. Ф. Р-1. Оп. 1

¹¹ Там же. Д. 1112. Л. 17, 24, 53.

¹² Муниципальный архив города Сургута. Ф. Р-3. Оп. 1.

справочных или отчетных материалов, что, безусловно, не снижает практическую значимость данной группы источников, но сокращает возможности их применения.

В процесс реализации государственной экологической политики были включены различные организации, которые обязывались предоставлять отчетную и статистическую информацию о принимаемых мерах по соблюдению экологического законодательства. В связи с этим интерес для исследователей могут представлять и материалы статистических управлений. Так, в уже упомянутом муниципальном архиве города Сургута, в фонде Сургутской районной статистической инспектуры¹³ сохранились материалы, посвященные вопросам охраны воздушного бассейна города. Данный корпус документов представляет собой сборник форм статистической отчетности за период с 1983 по 1986 г. Эту форму были обязаны заполнять и передавать в окружное статистическое управление все предприятия города. Практическая значимость этих источников заключается в том, что в отчетных формах указывается количество источников загрязнения, состав загрязняющих веществ, а также принятые меры по снижению выбросов.

Кроме того, говоря о городском пространстве, нельзя не отметить важность проблемы борьбы с санитарным загрязнением, в котором общество принимало самое активное участие. В условиях загрязнения источников водоснабжения отходами жизнедеятельности человека небольшие вспышки холеры, тифа, дизентерии и других желудочно-кишечных инфекций достигали размаха эпидемий и распространялись со скоростью лесного пожара. Порой эпидемии были главной движущей силой развития городской инфраструктуры. Врачи выступали в качестве экспертов как в области медицины, так и в строительстве новых объектов инфраструктуры: водопровода, канализации, парков. Здесь следует отметить, что круг акторов, задействованных в обсуждении санитарного загрязнения и строительства городской инфраструктуры, был очень широким, так как угроза крупной эпидемии была актуальна для всех групп горожан. Наиболее полно проблемы санитарного загрязнения и способы их решения отражены в региональных архивах.

Для Севера Западной Сибири проблема санитарного загрязнения пространства и ее влияния на здоровье жителей региона приобрела актуальность уже в советский период. Во многом это обусловлено усилением интереса к данным территориям. Проблемы санитарного загрязнения, как фактор развития гельминтологической эпидемии в Обь-Иртышском водном бассейне, стали важной темой диалога между гельминтологами и властями. Возникнове-

¹³ Там же. Ф. Р-20. Оп. 1.

нию диалогов предшествовали союзные гельминтологические экспедиции в Западную Сибирь. Сведения о них отложились в личном фонде «Константина Ивановича Скрябина»¹⁴, основоположника гельминтологии в СССР и организаторе экспедиций. Часть сведений об экспедициях и результатах обследования местности на санитарное загрязнение находятся в Архиве Российской академии наук, а также в фонде «Комитета содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) при Президиуме Всероссийского Центрального исполнительного комитета»¹⁵.

Инициаторами проведения обследования объектов, важных для хозяйства и создания или улучшения инфраструктуры, выступали в первую очередь врачи. Вспышки тифа, дизентерии и даже малярии служили для врачей поводом для проведения новых обследований предприятий, источников воды и домов местных жителей, о чем свидетельствуют многочисленные отчеты из фонда «Департамента здравоохранения Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области»¹⁶ Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Медики не только выявляли очаги распространения желудочно-кишечных инфекций, но и выдвигали предложения по улучшению инфраструктуры. Их деятельность была бы невозможна без плотного взаимодействия с отделом коммунального хозяйства исполнительного комитета Ханты-Мансийского городского совета депутатов трудящихся (горпромхоза)¹⁷, в чьих фондах представлен взгляд на эту проблему уже не только врачей, но и местных хозяйственников. Более подробный взгляд властей на проблему санитарного загрязнения и методы ее решения представлен в отчетах Исполнительного комитета народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа¹⁸.

Таким образом, инициаторами обсуждения проблемы санитарного загрязнения пространства и ее решения как в период Российской империи, так и в более поздние годы Советского государства выступали представители местного медицинского сообщества. Для властей врачи обладали необходимым экспертным знанием и могли быть инициаторами диалога. В региональных архивах этот диалог отражен в фондах медицинских департаментов, медицинских учреждений и фондах местной власти, заинтересованной в предотвращении крупных эпидемий.

¹⁴ АРАН. Ф. 1659. Оп. 1.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-3977.

¹⁶ КУ Государственный архив Югры. Ф. Р-8. Оп. 1.

¹⁷ Там же. Ф. Р-19. Оп. 1.

¹⁸ Там же. Ф. Р-1. Оп. 1.

Заключение

Таким образом, качественные и количественные данные архивных документов в комплексе с другими источниками дают возможность детально проанализировать ключевые аспекты диалога власти и общества на Севере Западной Сибири по проблемам экологического характера, сформулировать качественные характеристики данного процесса.

Благодарности

Исследование проведено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-20115 «Советское государство и общество в процессе осмысления и решения экологических проблем Севера Западной Сибири в 1917–1991 гг.».

Acknowledgements

The research was supported by the Russian Science Foundation grant, project no. 22-28-20115 “The Soviet state and society in the process of understanding and solving the environmental issues of the North of Western Siberia in 1917–1991”.

Литература

- Гололобов 2004 – Гололобов Е.И. Источники по истории взаимодействия природы и человека на Обь-Иртышском Севере (1923–1934 гг.) / Письменные источники по истории Западной Сибири. Сургут: РИО СурГПИ, 2004. С. 51–63.
- Гололобов 2017 – Гололобов Е.И. Документирование деятельности постоянных комиссий по охране природы исполнительных комитетов советов депутатов трудящихся (1960–1980-е гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2017. № 3 (9). С. 71–80.
- Гололобов 2018 – Гололобов Е.И. Деятельность природоохранных комиссий исполнительных комитетов депутатов трудящихся на Севере Западной Сибири в 1960–80-е гг.: (на примере Сургута и Сургутского района) // Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы. Нижневартовск, 2018. С. 217–228.
- Гололобов, Дурновцев 2017 – Гололобов Е.И., Дурновцев В.И. Экологическая история Севера Западной Сибири (1917–1991 гг.): исследовательский потенциал архивных источников // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 72–86.

- Дурновцев 2017 – *Дурновцев В.И.* Исторический источник как объект природы и культуры // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2017. № 4 (10). Ч. 2. С. 195–206.
- Макеева 2016 – *Макеева Е.Д.* Деятельность региональных и местных органов управления в сфере охраны природы в 1918–1950-х гг.: (на материалах архивов Среднего и Нижнего Поволжья) // Самарский научный вестник. 2016. № 4 (17). С. 134–139.
- Шаламов, Шаламова 2022 – *Шаламов В.А., Шаламова С.А.* Фонд Комитета Севера при Восточно-Сибирском крайисполкоме как источник по истории здравоохранения // История и архивы. 2022. № 3. С. 143–154. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-143-154

References

- Durnovtsev, V.I. (2017), “Historical source as an object of the nature and culture”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies” Series*, vol. 10, no. 4, ch. 2, pp. 195–206.
- Gololobov, E.I. (2004), “Sources on the history of interaction between nature and man in the Ob'-Irtys North (1923–1934)”, in *Pis'mennye istochniki po istorii Zapadnoi Sibiri* [Written sources on the history of Western Siberia], RIO SurGPI, Surgut, Russia, pp. 51–63.
- Gololobov, E.I. (2017), “Documenting the activities of standing commissions for nature protection of executive committees at Councils of workers' deputies (1960–1980)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Records Management and Arhival Studies. Computer Science. Data Protection and Information Security” Series*, vol. 9, no. 3, pp. 71–80.
- Gololobov, E.I. (2018), “Activities of environmental commissions for nature protection of executive committees at Councils of workers' deputies in the North of Western Siberia in the 1960s and 80s (using the example of Surgut and Surgut region)”, in *Pyat' stoletii Yugry: problemy i resheniya, itogi i perspektivy* [Written sources on the history of Western Siberia], Nizhnevartovsk, Russia, pp. 217–228.
- Gololobov, E.I. and Durnovtsev, V.I. (2017), “Environmental history of the North of Western Siberia (1917–1991). Research potential of archival sources // *Vestnik arkhivista = Herald of an Archivist*, no. 2, pp. 72–86.
- Makeeva, E.D. (2016), “Activities of regional and local governing bodies in the field of nature conservation in the 1918–1950s (based on materials from the archives of the Middle and Lower Volga regions)”, *Samarskii nauchnyi vestnik*, vol. 17, no. 4, pp. 134–139.
- Shalamov, V.A. and Shalamova, S.A. (2022), “Foundation of the Committee of the North under the East Siberian Regional Executive Committee as a source on the history of health care”, *History and Archives*, no. 3. pp. 143–154, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-3-143-154

Информация об авторах

Ксения С. Барабанова, кандидат исторических наук, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия; 628417, Россия, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2; barabanova13@gmail.com;
ORCID 0000-0001-7667-7104

Евгений И. Гололобов, доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия; 628417, Россия, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2; gololobov.eig@yandex.ru;
ORCID 0000-0002-4512-2461

Максим С. Мостовенко, кандидат исторических наук, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия; 628417, Россия, Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2; reiseleiter@mail.ru;
ORCID 0000-0002-0887-447X

Information about the authors

Ksenia S. Barabanova, Cand. of Sci. (History), Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia; 10/2, 50 years of VLKSM St., Surgut, Russia, 628417; barabanova13@gmail.com
ORCID 0000-0001-7667-7104

Eugenii I. Gololobov, Dr. of Sci. (History), professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia; 10/2, 50 years of VLKSM St., Surgut, Russia, 628417; gololobov.eig@yandex.ru
ORCID 0000-0002-4512-2461

Maksim S. Mostovenko, Cand. of Sci. (History), Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia; 10/2, 50 years of VLKSM St., Surgut, Russia, 628417; reiseleiter@mail.ru ORCID 0000-0002-0887-447X

Материалы
по истории калмыцкого народа
XVII – начала XX в.
в фондах Государственного архива
Астраханской области

Андрей А. Курапов

*Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Россия,
Akurapov78@rambler.ru*

Аннотация. В статье приведены систематизированные результаты исследования значительного комплекса документов по истории и культуре калмыцкого народа XVII–XX вв., отложившегося в фондах Государственного архива Астраханской области (ГААО), в связи с тем, что административное регулирование социально-политических процессов в Калмыцком ханстве в XVIII в. и в Калмыцкой степи в XVIII – начале XX в. осуществлялось астраханскими чиновниками. Астраханские архивные коллекции исторически являются местом сосредоточения документов, относящихся к истории и культуре калмыцкого народа, которые до настоящего времени недостаточно исследованы. Введение в научный оборот, исследование, уточнение атрибуции, публикация сведений об этой источниковой базе будет стимулировать исторические исследования и даст новый стимул для их интенсификации, будет способствовать активизации исследовательской деятельности.

Объектом исследования стали документальные материалы, связанные с историей и культурой калмыцкого народа в фондах ГААО. В результате изучен значительный комплекс архивных дел, выявлены дела, связанные с историей и культурой калмыцкого народа, в ряде случаев проведена дополнительная атрибуция и уточнение хронологических рамок и объема дел, проведена работа по формированию систематизированной, комплексной базы данных по истории калмыцкого народа в XVII–XX вв. по материалам ГААО. Выявленные дела легли в основу разрабатываемого сборника документов по фондам ГААО.

Ключевые слова: Государственный архив Астраханской области, калмыцкий народ, Калмыцкое ханство, Калмыцкая степь, Астраханская губерния, сборник документов

Статья поступила в редакцию 21 марта 2023 г.;

принята к публикации 12 мая 2023 г.

Для цитирования: Курапов А.А. Материалы по истории калмыцкого народа XVII – начала XX в. в фондах Государственного архива Астраханской области // История и архивы. 2023. Т. 5. № 3. С. 149–165. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-149-165

Materials on the history of the Kalmyk people of the 17th – early 20th centuries in the funds of the State Archive of the Astrakhan region

Andrei A. Kurapov

Kalmyk Scientific Center RAS, Elista, Russia,

Akurapov78@rambler.ru

Abstract. The article presents the systematized study results of the significant set of documents on the history and culture of the Kalmyk people of the 17th – 20th centuries, deposited in the funds of the State Archive of the Astrakhan Region (SAAR) due to the fact that the administrative regulation of socio-political processes in the Kalmyk Khanate in the 18th century and in the Kalmyk steppe in the XVIII – early 20th centuries was carried out by Astrakhan officials. The Astrakhan archival collections are historically a place of concentration of documents relating to the history and culture of the Kalmyk people, which have been insufficiently researched to date. Introduction to scientific circulation, research, clarification of attribution, publication of information on this source database will stimulate historical research and give a new incentive for the intensification of research activities.

The research object is documentary material related to the history and culture of the Kalmyk people in the funds of the State Archive of the Astrakhan Region. As a result, a significant complex of archival documents was studied, files related to the history and culture of the Kalmyk people were identified. Besides in some instances additional attribution and clarification of the chronological framework and scope of documents were carried out. The work was done to form a systematized, comprehensive database on the history of the Kalmyk people in the 17th – 20th centuries on the SAAR material. The identified files formed the basis for the forthcoming collection of documents on the SAAR funds.

Keywords: State Archive of the Astrakhan region, Kalmyk people, Kalmyk Khanate, Kalmyk steppe, Astrakhan province, collection of documents

The article was submitted 21.03.2023;
accepted for publication 12.05.2023.

For citation: Kurapov, A.A. (2023) “Materials on the history of the Kalmyk people of the 17th – early 20th centuries in the funds of the State Archive of the Astrakhan region”, *History and Archives*, vol. 5, no. 3, pp. 149–165, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-3-149-165

Введение

Материалы по истории и культуре калмыцкого народа сосредоточены в фондах ряда центральных и региональных архивов, в этой связи особой значимостью исследования является выявление комплекса документов в отдельных архивах, составление справочного издания и сборника документов по их фондovým коллекциям. Важной источниковедческой задачей является формирование базы данных по истории калмыков по материалам Государственного архива Астраханской области (ГААО). Предварительный анализ фондов ГААО показал, что материалы по истории и культуре калмыков сосредоточены практически во всех фондах дореволюционного периода, поскольку калмыцкий народ был значительно интегрирован в систему управления Астраханской губернией в XVIII – начале XX в. В этой связи важным является выявление соответствующего комплекса документов в фондах архива, составление первого тематического справочного издания и сборника документов.

Наличие значительного комплекса документов по истории и культуре калмыцкого народа, который содержится в фондах ГААО, объясняется тем, что административное регулирование социально-политических процессов в Калмыцком ханстве в XVIII в. и в Калмыцкой степи в XVIII – начале XX в. осуществлялось астраханскими чиновниками.

В связи с этим имеется значительный объем внутриведомственной переписки рассматриваемого периода. В ГААО хранится большой пласт материалов и документов, относящихся к истории калмыцкого народа, которые до настоящего времени недостаточно исследованы. Введение их в научный оборот будет стимулировать исторические исследования и способствовать интенсификации исследовательской деятельности в данном направлении.

До настоящего времени не осуществлялось комплексного системного исследования «калмыцкого компонента» фондов ГААО, практически невостребованными остались материалы XVII–XVIII вв., зачастую неправильно атрибутированные, материалы губернских учреждений XIX – начала XX в.

История комплектования фондов ГААО рассмотрена в работах М.С. Бураковской, В.В. Новоселовой, О.А. Харченко, Р.А. Кокановой.

Фонды ГААО в значительной степени отражают социально-экономическую историю региона в XVII – начале XX в., что связано со спецификой его комплектования после Октябрьской революции [Новоселова 2017, с. 146–147]. Так, М.С. Бураковская отмечает, что документы ликвидированных революционными событиями учреждений сохранились, оставшись в старых помещениях, и были переданы в архив [Бураковская 2013, с. 326]. Губернское архивное управление в Астрахани было учреждено 12 ноября 1920 г., его первым заведующим стал профессор И.И. Солосин [Бураковская 2011, с. 127]. К 1921 г. были осмотрены и приняты на учет 16 архивных фондов XVIII–XX вв. [Бураковская 2013, с. 327]. Ко второй половине 1925 г. количество дореволюционных фондов в астраханском архиве увеличилось до 116¹. В результате трудоемкой работы, проведенной астраханскими архивистами, к маю 1928 г. насчитывалось 727 дореволюционных фондов, сосредоточенных в Губархивбюро, что составляло 58% от количества государственных учреждений, существовавших в Астраханской губернии до 1917 г. [Бураковская 2013, с. 332].

В настоящее время ГААО является одним из крупнейших региональных архивохранилищ, насчитывая 6645 фондов и 1 570 076 ед. хранения за XVII–XXI вв.

В ходе работы над сборником «Материалов по истории калмыков в фондах Государственного архива Астраханской области», в соответствии с планом научно-исследовательской работы Калмыцкого научного центра РАН 2021–2022 гг., было осуществлено изучение описей и фондовых коллекций ГААО в целях выявления документов по истории калмыцкого народа XVII – начала XX в. В результате изысканий в фондах дореволюционного периода было выявлено 1611 дел.

Содержание фондов по истории калмыцкого народа

В соответствии с принятой классификацией дел было выделено несколько групп фондов, в которых определены дела, относящиеся к истории калмыцкого народа XVII – начала XX в.

К «Фондам местных органов государственного управления» относятся 7 фондов, содержащих дела по истории и культуре калмыцкого народа.

В фонде «Астраханской приказной избы (палаты)» сосредоточены самые ранние документы архива [Новоселова, Харченко,

¹ Сенковский Е.Ф. Астраханское Губархбюро // Архивное дело. 1926. Вып. 5–6. С. 178.

Коканова 2017, с. 147]. Приказные палаты существовали при воеводах с конца XVI – начала XVII в. Должность астраханского воеводы и приказная палата ликвидированы в 1717 г. при создании Астраханской губернии и учреждении новых органов губернского управления. Общий объем фонда – 106 дел. Выявлено четыре дела 1625–1682 гг.: грамоты Приказа Казанского дворца, отписки, челобитная, связанные со взаимодействием астраханских и яицких воевод с калмыками².

Фонд «Астраханской губернской канцелярии». Астраханская губернская канцелярия была учреждена в 1717 г. при создании Астраханской губернии и ликвидирована в 1785 г. – после создания Кавказского наместничества и преобразования Астраханской губернии в область³. Объем фонда – 735 дел. Выявлено 58 дел 1720–1788 гг., содержащих сведения о розыске, следственных делах в Калмыцком ханстве, переписку с калмыцкими владельцами, межведомственную переписку по вопросам о взаимодействии с калмыками⁴.

Фонд «Канцелярии астраханского гражданского губернатора». Должность гражданского губернатора и губернская канцелярия были учреждены указом Сената от 22 ноября 1717 г. В 1785 г. должность гражданского губернатора и канцелярия упраздняются после преобразования Астраханской губернии в область Кавказского наместничества. После преобразования Астраханской области в губернию должность гражданского губернатора и канцелярия были восстановлены в 1796 г. вновь. Окончательно они были упразднены в 1917 г. Объем фонда – 28 044 дела. Выявлено 536 дел 1721–1917 гг., содержащих межведомственную переписку по управлению калмыками⁵.

Фонд «Канцелярии астраханского военного губернатора». Должность военного губернатора и его канцелярия были учреждены в 1801 г., просуществовав до 1864 г. Объем фонда – 1889 дел. Выявлено 57 дел 1799–1854 гг., относящихся к социально-политической и социально-экономической жизни Калмыцкой степи⁶.

Фонд «Астраханского губернского правления». Астраханское губернское правление учреждено указом Сената от 12 декабря

² Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 1010. Оп. 1. Д. 7, 21, 26; Ф. 1010. Оп. 2. Д. 13.

³ Астраханский край в административно-территориальных преобразованиях России. Краткий исторический очерк // Справочник административно-территориального деления Астраханской области 1918–2008. Астрахань, 2008. С. 62–63.

⁴ ГААО. Ф. 394. Оп. 1, 2, 3, 4.

⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1–19.

⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1.

1796 г. при ликвидации Кавказского наместничества и формировании Астраханской губернии. Астраханское губернское правление ликвидировано в 1917 г. Объем фонда – 56 811 дел. Выявлено 148 дел 1797–1906 гг., содержащих межведомственную переписку, указы Сената и астраханского гражданского губернатора по управлению калмыками⁷.

Фонд «Кавказского наместнического правления». Кавказское наместническое правление было создано указом Сената от 5 мая 1785 г. В состав Кавказского наместничества вошли Астраханская и Кавказская области. Кавказское наместническое правление ликвидировано указом Сената от 12 декабря 1796 г. Объем фонда – 13 434 дела. Выявлено 148 дел 1786–1796 гг., содержащих статистические данные, сведения о преступлениях, совершенных в калмыцких улусах, о розыске и взыскании денег с калмыков⁸.

Фонд «Астраханского губернского присутствия». Губернское присутствие образовано 12 июля 1889 г. как совещательный административно-судебный орган во главе с губернатором по крестьянским делам при Астраханском губернском правлении. Астраханское губернское присутствие ликвидировано в 1917 г. Объем фонда – 9424 дела. Выявлено дело о привлечении на сельскохозяйственные работы в 1916 г. военнопленных, беженцев, немцев-колонистов, киргиз и калмыков⁹.

К «Фондам учреждений суда, прокуратуры и нотариата» относятся 17 фондов, содержащих дела по истории калмыцкого народа.

Фонд «Канцелярии астраханского губернского прокурора». Астраханские губернские прокуроры начали свою деятельность с 1780 г. Должность упразднена в 1894 г. при передаче функций прокурору окружного суда. Объем фонда – 721 дело. Выявлены дела о переводе попечителя Хошеутовского улуса Калмыцкой степи Гусаковского на должность Царевского уездного стряпчего (1867 г.), рапорты уездных стряпчих и попечителей Калмыцкого Базара о происшествиях в их уездах (1868 г.)¹⁰.

Фонд «Астраханской соединенной палаты уголовного и гражданского суда Министерства юстиции». Палата создана в 1775 г., являлась общесословным судом губернии, упразднена в 1894 г. Объем фонда – 4560 дел. Выявлено 30 дел 1818–1888 гг., содержащих сведения об уголовных преступлениях в калмыцких улусах¹¹.

⁷ Там же. Ф. 13. Оп. 1.

⁸ Там же. Ф. 476. Оп. 1–6.

⁹ Там же. Ф. 440. Оп. 2. Д. 240.

¹⁰ Там же. Ф. 203. Оп. 1. Д. 862; Ф. 203. Оп. 1. Д. 887.

¹¹ Там же. Ф. 204. Оп. 1.

Фонд «Астраханского окружного суда». Астраханский окружной суд учрежден в 1864 г., став высшей судебной инстанцией Астраханской губернии. Окружной суд был ликвидирован в 1918 г. Документы фонда стали основой для научных исследований М.В. Черник [Черник 2013; Черник 2018]. Объем фонда – 2088 дел. Выявлено 75 дел 1904–1917 гг., содержащих жалобы и прошения представителей сословий Калмыцкой степи, следственные дела о преступлениях в калмыцких улусах¹².

Фонд «Съездов мировых судей Астраханской губернии». Съезды мировых судей функционировали с 1878 г. как собрания участковых и мировых судей. Были упразднены в 1917 г. Объем фонда – 254 дела. Выявлено четыре дела 1884–1910 гг.: жалобы и прошения разных лиц об определении на должность переводчиками с калмыцкого языка¹³.

Фонд «Енотаевского уездного суда Астраханской губернии г. Енотаевск». Объем фонда – 309 дел. Выявлено 14 дел 1786–1797 гг., содержащих документы о владении калмыками¹⁴.

Фонд «Черноярского уездного суда Астраханской губернии г. Черный Яр». Объем фонда – 5919 дел. Выявлено 3 дела 1815–1870 гг., содержащих уголовные дела, связанные с населением Калмыцкой степи¹⁵.

Фонд «Кавказского верхнего земского суда г. Астрахань». Кавказский верхний земский суд образован в 1786 г. как сословный суд для рассмотрения в апелляционном порядке уголовных и гражданских дел дворян. Упразднен в 1797 г. Объем фонда – 2486 дел. Выявлено 3 дела 1786–1791 гг.: о снятии запрещения с имения князя Дондукова, о причислении в число дворян переводчика калмыцкого языка Самсонова, переписка о зачислении крещеных калмыков в подушный оклад¹⁶.

Фонд «Астраханского верхнего земского суда г. Астрахань». Астраханский верхний земский суд был образован в 1786 г. как сословный суд для рассмотрения в апелляционном порядке уголовных и гражданских дел дворян. Упразднен в 1797 г. Объем фонда – 561 дело. Выявлено 3 дела 1786–1787 гг.: переписка о границе и разделе земли, населенной калмыцким народом, о причислении калмыков к Енотаевскому уезду Астраханской губернии¹⁷.

¹² Там же. Ф. 205. Оп. 1–2.

¹³ Там же. Ф. 229. Оп. 1. Д. 58, 223, 234, 240.

¹⁴ Там же. Ф. 401. Оп. 3.

¹⁵ Там же. Ф. 403. Оп. 1. Д. 3, 13, 274.

¹⁶ Там же. Ф. 410. Оп. 1. Д. 116, 160; Оп. 2. Д. 19.

¹⁷ Там же. Ф. 411. Оп. 2. Д. 14; Оп. 4. Д. 2; Оп. 8. Д. 4.

Фонд *«Астраханского нижнего земского суда г. Астрахань»*. Нижний земский суд создан в 1779 г. Переименован в Астраханский земский суд в 1837 г., ликвидирован в 1862 г. Объем фонда – 6288 дел. Выявлено 45 дел 1799–1811 гг.: об угоне скота, эпидемии оспы, отводе земель, о розыске и задержании беглых в Калмыцкой степи¹⁸.

Фонд *«Астраханской верхней расправы»*. Астраханская верхняя расправа была учреждена в 1776 г. для рассмотрения в апелляционном порядке уголовных и гражданских дел. Была ликвидирована в 1797 г. Объем фонда – 381 дело. Выявлено 3 дела 1886–1888 гг.: расписание калмыцких улусов, о краже аймаков калмыков, о колодниках, обвиняемых в убийстве зайсана¹⁹.

Фонд *«Астраханской нижней расправы»*. Астраханская нижняя расправа учреждена в 1775 г. как сословный суд первой инстанции по уголовным и гражданским делам, ликвидирована в 1797 г. Объем фонда – 801 дело. Выявлено три дела 1787–1796 гг. о краже лошадей у гелюнггов, о взыскании денег с крещенных калмыков²⁰.

Фонд *«Черноярского городского магистрата»*. Объем фонда – 11 дел. Выявлено дело о захвате имущества беглых калмыков (1794 г.)²¹.

Фонд *«Астраханского городского магистрата»*. Астраханский городской магистрат был образован в 1724 г. как выборный орган городского самоуправления. Объем фонда – 408 дел. Выявлено дело по обвинению астраханского купца Смирнова в нанесении побоев калмыкам (1799–1800 гг.)²².

Фонд *«Астраханского губернского магистрата»*. Астраханский губернский магистрат образован в 1743 г. для рассмотрения в апелляционном порядке гражданских и уголовных дел. Ликвидирован в 1797 г. Объем фонда – 553 дела. Выявлено два дела по истории калмыцкого народа XVIII в.: о жестоком обращении мещанина А. Казакова с калмыками (1777 г.), о расчете купца Бодрова с калмыками владения Цаган (1786 г.)²³.

Фонд *«Кавказского губернского магистрата»*. Кавказский губернский магистрат был учрежден в 1785 г. для рассмотрения в апелляционном порядке гражданских и уголовных дел, упразднен в 1801 г. Объем фонда – 3108 дел. Выявлено три дела по истории

¹⁸ Там же. Ф. 412. Оп. 1–9.

¹⁹ Там же. Ф. 421. Оп. 1. Д. 25, 98, 137.

²⁰ Там же. Ф. 423. Оп. 1. Д. 189, 199; Оп. 2. Д. 19.

²¹ Там же. Ф. 432. Оп. 2. Д. 5.

²² Там же. Ф. 433. Оп. 1. Д. 110.

²³ Там же. Ф. 434. Оп. 1. Д. 18, 314.

калмыцкого народа XVIII в.: о запрещении крещеным калмыкам определяться в казаки (1787 г.), о причислении в мещанское общество калмыка Ильина (1787 г.)²⁴.

Фонд «Прокурора Астраханского окружного суда». Астраханский окружной суд и должность прокурора при нем учреждены в 1893 г. и ликвидированы в 1917 г. Объем фонда – 5596 дел. Выявлено 37 дел 1895–1917 гг.: сведения, ведомости, донесения и представления о следственных делах и арестантах в улусах Калмыцкой степи²⁵.

Фонд «Земских судов Астраханской губернии». Верхний и нижний земские суды созданы в 1775 г. Верхний суд имел значение апелляционной инстанции по отношению к нижнему – выборному и коллегиальному. Объем фонда – 106 дел. Выявлено дело о принятии мер по прекращению грабежей, совершаемых калмыками на территории губернии (1809 г.)²⁶.

К «Фондам органов управления земельным имуществом и сельскохозяйственных учреждений» относится фонд «Астраханского управления земледелия и государственных имуществ». В 1838 г. была образована Астраханская палата государственных имуществ, реорганизованная в 1866 г. в Астраханское управление государственных имуществ. В 1912 г. Управление преобразовано в Астраханское управление земледелия и государственных имуществ, упраздненное в 1918 г. Объем фонда – 2947 дел. Выявлено 39 дел 1848–1912 гг.: межведомственная переписка о межевании земель улусов, о ловле рыбы, о крещеных калмыках²⁷.

К «Фондам органов полиции и тюремных учреждений» относятся 4 фонда, содержащих дела по истории калмыцкого народа.

Фонд «Тюремного отделения Астраханского губернского правления». Тюремное отделение было создано в 1882 г. при Астраханском губернском правлении и ликвидировано в 1917 г. Объем фонда – 334 дела. Выявлено дело: статейные списки на административно ссыльных калмыков (1912 г.)²⁸.

Фонд «Астраханского губернского комитета попечительского общества о тюрьмах». Попечительное общество учреждено в 1819 г., Астраханский губернский комитет открыт в 1834 г. В 1895 г. Попечительное общество было отнесено к Министерству юстиции и просуществовало до 1917 г. Объем фонда – 704 дела. Выявлено четыре дела 1845–1863 гг.: рапорты смотрителя астраханского

²⁴ Там же. Ф. 435. Оп. 1. Д. 145; Ф. 434. Оп. 1. Д. 212, 440.

²⁵ Там же. Ф. 800. Оп. 1–2.

²⁶ Там же. Ф. 811. Оп. 1. Д. 26.

²⁷ Там же. Ф. 794. Оп. 1–2.

²⁸ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 245.

тюремного замка, донесения Красноярского уездного тюремного комитета²⁹.

Фонд «Астраханского губернского жандармского управления». Губернское жандармское управление было сформировано из Управления штаб-офицера корпуса жандармов в 1867 г. и ликвидировано в 1917 г. Документы фонда стали основой для научных исследований О.Б. Росляковой и В.М. Ваккасовой [Рослякова, Ваккасова 2017]. Объем фонда – 1779 дел. Выявлено пять дел 1888–1901 гг.: переписка о политической благонадежности помощника попечителя Яндыковского улуса Пономарева, донесения о побеге и поимке арестованных калмыков, переписка о прошениях по семейным несогласиям, дела о производстве дознаний по обвинениям³⁰.

Фонд «Астраханского городского полицейского управления». Городское полицейское управление было сформировано из градской полиции в 1862 г., подчинялось астраханскому гражданскому губернатору и астраханскому губернскому правлению, ликвидировано в 1917 г. Объем фонда – 9297 дел. Выявлено 13 дел 1884–1894 гг.: о заключении в тюрьму, выселении на каторжные работы, о приведении к исполнению приговоров³¹.

К «Фондам статистических, финансово-налоговых и кредитных учреждений» относятся семь фондов, содержащих дела по истории калмыцкого народа.

Фонд «Астраханского губернского статистического комитета». Губернский статистический комитет был учрежден в 1834 г., председателем комитета являлся губернатор, комитет подчинялся МВД, ликвидирован в 1918 г. Документы фонда стали основой для научных исследований С.В. Лебедева [Лебедев 2009; Лебедев 2010]. Объем фонда – 887 дел. Выявлено шесть дел 1858–1909 гг.: статистические сведения об истории, населении и происшествиях в Калмыцкой степи³².

Фонд «Астраханской контрольной палаты». Контрольная палата была образована в 1866 г. как местное учреждение государственного контроля, ликвидирована в 1918 г. Объем фонда – 1548 дел. Выявлено 12 дел 1897–1916 гг.: переписка по состоянию и пользованию общественным калмыцким капиталом, сметы участков³³.

Фонд «Кавказской казенной палаты». Кавказская казенная палата была учреждена в 1785 г. как финансовый орган Кавказского наместничества, ликвидирована в 1797 г. при упразднении намест-

²⁹ Там же. Ф. 15. Оп. 2. Д. 28, 75, 117, 175.

³⁰ Там же. Ф. 286. Оп. 1.

³¹ Там же. Ф. 290. Оп. 1, 3, 4.

³² Там же. Ф. 32. Оп. 1

³³ Там же. Ф. 79. Оп. 1, 3, 4.

ничества. Объем фонда – 591 дело. Выявлено 14 дел 1780–1793 гг.: приходные книги денежной казны, мундирных и амуничных вещей, фуражной суммы, счетные выписки драгунской калмыцкой роты, переписка о крещеных калмыках³⁴.

Фонд «Астраханского губернского казначейства». Губернское казначейство было образовано в 1779 г. как исполнительное учреждение Астраханской казенной палаты, ликвидировано в 1918 г. Объем фонда – 1835 дел. Выявлено два дела 1911–1918 гг.: смета расходов по калмыцкому общественному капиталу, ведомость о партикулярных суммах Яндыко-Мочажного улусного исполнительного комитета³⁵.

Фонд «Астраханского коммерческого банка». Коммерческий банк был открыт в 1764 г. и ликвидирован в 1918 г. Объем фонда – 1797 дел. Выявлено 12 дел 1765–1779 гг.: приходные и расходные книги на снабжение калмыцких улусов³⁶.

Фонд «Астраханского отделения государственного банка». Астраханское отделение государственного банка было открыто в 1864 г. Национализировано в 1917 г. Объем фонда – 2815 дел. Выявлено 18 дел 1868–1917 гг.: о вкладах на хранение калмыцких владельцев, Управления калмыцким народом, об открытии ссудосберегательных касс в Калмыцкой степи³⁷.

Фонд «Астраханской казенной палаты». Астраханская казенная палата была образована в 1775 г. под председательством вице-губернатора, ликвидирована в 1918 г. Объем фонда – 8424 дела. Выявлено 58 дел 1895–1918 гг.: о преобразовании управления калмыцким народом, о проверке предприятий улусов, межведомственная переписка о земельных спорах, протоколы заседания Калмыцкого раскладочного присутствия³⁸.

К «Фондам хозяйственных учреждений, предприятий и организаций» относятся четыре фонда, содержащих дела по истории калмыцкого народа.

Фонд «Ветеринарного отделения Астраханского губернского правления». Ветеринарное отделение было создано в 1892 г. при Астраханском губернском правлении и ликвидировано в 1918 г. Объем фонда – 547 дел. Выявлено 16 дел 1892–1913 гг.: о назначении и командировках ветеринарных врачей в Калмыцкую степь, о ветеринарном персонале, о скотоводстве в Калмыцкой степи³⁹.

³⁴ Там же. Ф. 498. Оп. 1.

³⁵ Там же. Ф. 499. Оп. 2. Д. 34; Оп. 4. Д. 14.

³⁶ Там же. Ф. 551. Оп. 1.

³⁷ Там же. Ф. 556. Оп. 1, 2, 3, 5, 11.

³⁸ Там же. Ф. 687. Оп. 1, 2, 3, 5, 11.

³⁹ Там же. Ф. 11. Оп. 1, 2, 3.

Фонд «Управления Каспийско-Волжскими рыбными и тюленьими промыслами». Управление образовано в 1866 г. с подчинением Министерству земледелия и государственных имуществ, ликвидировано в 1918 г. Объем фонда – 3277 дел. Выявлено дело о передаче Управлением калмыцкого народа рыболовных вод в ведение Правления рыболовных и тюленьих промыслов (1872–1873 гг.)⁴⁰.

Фонд «Астраханского соляного правления». Астраханское соляное правление было открыто в 1819 г., ведало соляными озерами в Астраханской и Кавказской губерниях, упразднено в 1866 г. Объем фонда – 945 дел. Выявлено четыре дела 1821–1838 гг.: о добыче соли калмыками, о назначении калмыков на выломку соли⁴¹.

Фонд «Астраханской рыбной конторы». Астраханская рыбная контора образована в 1718 г. с подчинением Государственной камер-коллегии. Ликвидирована в 1803 г. Объем фонда – 1966 дел. Выявлено дело: промемории Астраханской конторы калмыцких и татарских дел, Астраханских соляных дел о взыскании денег с Астраханской рыбной конторы за соль (1735 г.)⁴².

К «Фондам органов сословного управления, городского и земского самоуправления» относятся 3 фонда, содержащих дела по истории калмыцкого народа.

Фонд «Войскового правления Астраханского казачьего войска». В 1818 г. начала действовать Войсковая канцелярия Астраханского казачьего войска. Войсковое правление было создано в 1845 г. путем преобразования Войсковой канцелярии под председательством войскового атамана. Правление являлось высшим учреждением войска, ведая административно-гражданскими, судебными вопросами. В 1918 г. Астраханское казачье войско было расформировано. Объем фонда – 226 дел. Выявлено 7 дел 1801–1877 гг.: о краже скота, о спорных землях, формулярные списки о службе калмыцких владельцев, о зачислении на службу⁴³.

Фонд «Канцелярии Астраханского губернского предводителя дворянства». Должность предводителя дворянства была учреждена в 1785 г. Выборы губернского предводителя дворянства осуществлялись дворянским депутатским собранием, ликвидирована в 1917 г. Объем фонда – 1295 дел. Выявлено четыре дела 1839–1843 гг.: об отведении мест для водопоя калмыцкого скота, о розыске новокрещенного калмыка Везелева, о калмыцких зимовках в помещичьих землях, переписка с Советом калмыцкого правления⁴⁴.

⁴⁰ Там же. Ф. 194. Оп. 1. Д. 163.

⁴¹ Там же. Ф. 369. Оп. 1. 125, 1. 315, 1. 646, 1. 694.

⁴² Там же. Ф. 614. Оп. 1. Д. 155.

⁴³ Там же. Ф. 5. Оп. 1.

⁴⁴ Там же. Ф. 374. Оп. 1. Д. 112, 130, 205, 212.

Фонд «Астраханского дворянского депутатского собрания». Учрежден в 1785 г., являлся выборной сословной организацией, ликвидирован в 1917 г. Объем фонда – 2651 дело. Выявлено семь дел 1834–1906 гг.: об установлении дворянского происхождения, о закрытии совета Калмыцкого правления и Ламайского духовного правления⁴⁵.

К «Фондам учреждений духовного ведомства» относится фонд «Астраханского православного епархиального комитета Миссионерского православного общества». Астраханский православный епархиальный комитет Миссионерского общества был образован в 1871 г., ликвидирован в 1917 г. Документы фонда стали основой для научных исследований А.А. Курапова [Курапов 2022а; Курапов 2022б]. Объем фонда – 927 дел. Выявлено 174 дела 1870–1917 гг.: списки членов комитета, межведомственная переписка, дела о выделении денег крещеным калмыкам, годовые отчеты, дела об издательской деятельности комитета⁴⁶.

К «Фондам культурно-просветительных учреждений и организаций» относится фонд «Петровского общества исследователей Астраханского края». Петровское общество исследователей Астраханского края образовано в 1872 г., просуществовало до 1920-х гг. Документы фонда стали основой для научных исследований А.В. Цюрюмова, Е.Г. Тимофеевой, А.А. Курапова, С.В. Лебедева [Цюрюмов 2020]. Объем фонда – 174 дела. Выявлено 8 дел: опись рукописей Н.Н. Пальмова, переданных в Петровский музей, исследования членов общества по истории и культуре калмыцкого народа⁴⁷.

К «Фондам личного происхождения» относится «Личный фонд Лыткина Георгия Степановича, преподавателя истории и географии Санкт-Петербургской шестой гимназии, исследователя быта и языка калмыков Астраханской губернии». Документы фонда стали основой для научных исследований В.Н. Авлиева, Д.В. Амаевой, А.А. Манджиевой [Авлиев 2015]. Г.С. Лыткин (1835–1907 гг.) – педагог, ученый-калмыковед. Объем фонда – 6 дел 1858–1907 гг.: переписка, дневниковые записи, некролог⁴⁸.

⁴⁵ Там же. Ф. 375. Оп. 1.

⁴⁶ Там же. Ф. 597. Оп. 1.

⁴⁷ ГААО. Ф. 857. Оп. 1.

⁴⁸ Там же. Ф. 1099. Оп. 1.

Заключение

Комплекс документов по истории и культуре калмыцкого народа в фондах Государственного архива Астраханской области является объектом внимания исследователей-калмыковедов начиная с XIX в. Вместе с тем работа с делами отдельных фондов осуществлялась либо фрагментарно, либо не осуществлялась совсем. Выявление, исследование, публикация архивных материалов ГАО по истории калмыцкого народа позволит ввести в научный оборот значительный объем неопубликованных источников.

Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6)

Acknowledgements

The reported study was funded by government subsidy, project “The South-Eastern Belt of Russia: a study of the political and cultural history of social communities and groups” (state registration number: 122022700134-6)

Литература

Авлиев 2015 – Авлиев В.Н., Амаева Д.В., Манджиева А.А. Погребальная обрядность калмыков по дневниковым записям Г.С. Лыткина: на материалах Калмыцкой степи Астраханской губернии // Science Time. 2015. № 12 (24). С. 21–24.

Бураковская 2013 – Бураковская М.С. Комплектование астраханского архива в 1920–1928 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 2 (35). С. 325–333.

Бураковская 2011 – Бураковская М.С. У истоков астраханского архива: о первом заведующем Губернским архивным фондом И.И. Солосине // Солосинские чтения: Материалы межрегиональной историко-архивной научной конференции, г. Астрахань, 22 ноября 2010 г. Астрахань, 2011. С. 127–132.

Курапов 2022а – Курапов А.А. Деятельность Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества в предреволюционный период (1915 – начало 1917 г.): по материалам Государственного архива Астраханской области // Бюллетень калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 4. С. 23–37.

Курапов 2022б – *Курапов А.А.* Первые годы деятельности Астраханского епархиального комитета Православного миссионерского общества: по материалам Государственного архива Астраханской области // *Oriental studies*. 2022. № 3. С. 460–468.

Лебедев 2009 – *Лебедев С.В.* Музейный аспект в деятельности астраханского губернского статистического комитета // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2009. № 93. С. 74–80.

Лебедев 2010 – *Лебедев С.В.* Роль Астраханского губернского статистического комитета в организации этнографических исследований Астраханской области // *Национально-культурные общественные организации Астраханской области в формировании гражданского общества: Сборник трудов конференции, Астрахань, 21 мая 2010 г. Астрахань, 2010. С. 77–84.*

Новоселова 2017 – *Новоселова В.В., Харченко О.А., Коканова Р.А.* История государства и народа в архивных документах Государственного архива Астраханской области // *Вестник архивиста*. 2017. № 2. С. 144–155.

Рослякова, Вакасова 2017 – *Рослякова О.Б., Ваккасова М.В.* Деятельность астраханской жандармерии в 30–70-х годах XIX века // *Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории*. 2017. № 2 (54). С. 6–9.

Цюрюмов 2020 – *Цюрюмов А.В., Тимофеева Е.Г., Курапов А.А., Лебедев С.В.* История и культура калмыцкого народа в трудах членов Петровского общества исследователей Астраханского края в последней четверти XIX – начале XX в // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 5. С. 1218–1233.

Черник 2013 – *Черник М.В.* Особенности формирования Астраханского окружного суда (1867–1894 гг.) // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2013. № 3 (36). С. 387–393.

Черник 2018 – *Черник М.В.* Повседневные практики Астраханского окружного суда в конце XIX – начале XX в. // *Астраханские Петровские чтения: «Россия – Астрахань – Восток: интегральное взаимодействие: (к 300-летию образования Астраханской губернии)»*: Материалы Международной научной конференции, Астрахань, 26–28 октября 2017 г. Астрахань, 2018. С. 57–60.

References

- Avliev, V.N., Amaeva, D.V. and Mandzhieva, A.A. (2015), “Funeral rituals of the Kalmyks according to the diaries of G.S. Lytkin. On the materials of the Kalmyk steppe of the Astrakhan province”, *Science Time*, vol. 24, no. 12, pp. 21–24.
- Burakovskaya, M.S. (2013), “The acquisition of the Astrakhan archive in 1920–1928”, *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, vol. 35, no. 2. pp. 325–333.

- Burakovskaya, M.S. (2011), "At the origins of the Astrakhan archive. About the first head of the Provincial Archival Fund I.I. Solosin", in *Solosinskie chteniya: materialy mezhtseoblastnoi istoriko-arkhivnoi nauchnoi konferentsii, Astrakhan', 22 noyabrya 2022 goda* [Proceedings of the Solosin Interregional Historical and Archival Scientific Conference, Astrakhan, 22 Nov. 2022], Astrakhan, Russia, pp. 127–132.
- Kurapov, A.A. (2022), "The activities of the Astrakhan Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society in the pre-revolutionary period (1915 – early 1917): based on the materials of the State Archive of the Astrakhan Region", *Byulleten' kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*, no. 4, pp. 23–37.
- Kurapov, A.A. (2022), "The first years of activity of the Astrakhan Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society. Based on the materials of the State Archive of the Astrakhan Region", *Oriental studies*, no. 3, pp. 460–468.
- Lebedev, S.V. (2009), "Museum aspect in the activities of the Astrakhan provincial statistical committee", *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, no. 93, pp. 74–80.
- Lebedev, S.V. (2010), "The role of the Astrakhan provincial statistical committee in the organization of ethnographic research of the Astrakhan region", in *Natsional'no-kul'turnye obshchestvennye organizatsii Astrakhanskoi oblasti v formirovanii grazhdanskogo obshchestva: sbornik trudov konferentsii*, Astrakhan', 21 maya, 2010 goda [National-cultural public organizations of the Astrakhan region in the formation of civil society: Proceedings of the conference, Astrakhan, May 21, 2010], Astrakhan, Russia, pp. 77–84.
- Novoselova, V.V., Kharchenko, O.A., Kokanova, R.A. (2017), "The history of the state and the people in the archival documents of the State Archive of the Astrakhan Region", *Vestnik arkhivista=Herald of an Archivist*, no. 2, pp. 144–155.
- Roslyakova, O.B. and Vakasova, M.V. (2017), "The activities of the Astrakhan gendarmarie in the 30s – 70s of the 19th century", *Nauchnaya diskussiya: voprosy sotsiologii, politologii, filosofii, istorii*, vol. 54, no. 2, pp. 6–9.
- Tsyuryumov, A.V., Timofeeva, E.G., Kurapov, A.A. and Lebedev, S.V. (2020), "History and culture of the Kalmyk people in the writings of members of the Petrovsky Society of Astrakhan researchers in the last quarter of the 19th – early 20th centuries", *Oriental Studies*, vol. 13, no. 5, pp. 1218–1233.
- Chernik, M.V. (2013), "Features of the formation of the Astrakhan District Court (1867–1894)", *Kaspiyskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, vol. 36, no. 3, pp. 387–393.
- Chernik, M.V. (2018), "Everyday practices of the Astrakhan District Court in the late 19th – early 20th centuries", in *Astrakhanskii petrovskii chteniya: «Rossiya – Astrakhan' – Vostok: integral'noe vzaimodeistvie (k 300-letiyu obrazovaniya astrakhanskoi gubernii)»: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Astrakhan', 26–28 oktyabrya 2017 goda* ["Russia – Astrakhan – East. An integral interaction (on the occasion of the 300th anniversary of the Astrakhan province formation)". Proceedings of the Astrakhan Petrovskii International Scientific Conference, Oct. 26–28, 2017], Astrakhan, Russia, pp. 57–60.

Информация об авторе

Андрей А. Курапов, доктор исторических наук, Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Россия; 358000, Россия, Республика Калмыкия, Элиста, ул. им. И.К. Илишкина, д. 8; Akurapov78@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-0521-2710

Information about the author

Andrei A. Kurapov, Dr. of Sci. (History), Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia; 8, I.K. Ilishkin St., Elista, Republic of Kalmykia, Russia, 358000; Akurapov78@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-0521-2710

Научный журнал
ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Том 5

3 • 2023

Оформление обложки

М.Е. Заболотникова

Корректор

А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка

М.Е. Заболотникова

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73410 от 03 августа 2018 г.

Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 12.09.2023

Выход в свет 18.09.2023

Формат 60×90¹/₁₆

Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,4

Тираж 1050 экз. Свободная цена

Заказ № 1799

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru